

Н.А.МИЛОНОВ * ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Н.А.МИЛОНОВ

Литературное
краеведение

Н.А.МИЛОНОВ

*Литературное
краеведение*

*Допущено Министерством просвещения СССР
в качестве учебного пособия
для студентов педагогических институтов
по специальности № 2101
«Русский язык и литература»*

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1985

ББК 83
М60

Рецензенты:

Кафедра литературы Казанского государственного педагогического института (зав. кафедрой — д-р филол. наук, проф. *Е. Г. Бушканец*);
д-р филол. наук, проф. *Н. С. Травушкин*

Н. А. Милонов

ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ

Зав. редакцией Г. Н. Усков.
Редакторы И. В. Кондаков, В. А. Мескин.
Художник Л. М. Чернышов.
Художественный редактор Н. М. Ременникова.
Технический редактор Л. Б. Володина.
Корректор И. С. Грибкова, Т. С. Царикова.
ИБ № 8524

Сдано в набор 11.06.84. Подписано к печати 12.06.85. А 08976. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. офсетная № 1
Гарнит. литерат. Печать офсет. Усл. печ. л. 12+0,25 фор. Усл. кр.-отт. 12,5. Уч.-изд. л. 15,04+0,42 фор.
Тираж 19000 экз. Заказ № 824. Цена 85 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.
Смоленский полиграфкомбинат Росглаволиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли Смоленск-20 ул. Смольянинова, 1

Милонов Н. А.

М60 Литературное краеведение: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» — М.: Просвещение, 1985.—192 с.

В пособии для студентов педагогических институтов, впервые посвященном проблемам литературного краеведения, автор освещает методологические проблемы этого раздела науки о литературе, раскрывает круг источников литературоведения (в краеведческом аспекте), излагает методические вопросы литературного краеведения в средней и высшей школе. В книге на большом фактическом материале показано значение литературного краеведения для патриотического, нравственного, эстетического воспитания молодежи.

М 4309000000—538 216—85
103(03)—85

ББК 83.3(2)л6
8(069)

© Издательство «Просвещение», 1985 г.

§ 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ, ПРЕДМЕТ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ

Советский человек беспредельно предан делу коммунизма, любит свою социалистическую Родину. «В ходе революционной борьбы и революционного созидания мужал, закалялся и рос советский человек — пламенный патриот и интернационалист, убежденный в правоте идеалов коммунизма», — говорилось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Любовь к социалистическому Отечеству... Мыслима ли она без любви и преданности родному краю, тем местам, где человек родился и вырос, где сформировались его убеждения? Наши люди не просто любят те места, где они родились и живут. Им — особенно молодежи — свойствен активный патриотизм: они хотят больше узнать об этих местах, расширить и углубить свои представления о родном крае, полнее раскрыть его богатства и приумножить их по мере своих сил. В этом заключен глубокий принципиальный смысл советского патриотизма. «Юноши и девушки должны знать, чем богат и славен их район, какая у него история, — подчеркивал в статье «О любви к родному краю» Ю. В. Андропов. — Мы должны раскрывать перед молодежью величие и красоту их родных мест»¹. На этих принципах зиждется все патриотическое воспитание советской молодежи, на них стоит и отечественное краеведение.

Краеведение в широком его значении — «комплекс научных дисциплин, различных по содержанию и частным методам исследования, но ведущих в своей совокупности к научному и всестороннему познанию края»²; «всестороннее изучение... какой-либо определенной территории, проводимое на научной основе, причем объектами изучения являются: социально-экономическое, политическое, историческое и культурное развитие микрорайона, села, города, района, области, природные условия и т. д.»³.

Свое место в этом комплексе научных дисциплин, способствующих познанию (ведению) края, занимает литературное

¹ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1983, с. 27.

² Барков А. Вопросы методики и истории географии. М., 1961, с. 80.

³ Милонов Н. П., Кононов Ю. Ф., Разгон А. М., Черноморский М. Н., Завадьа А. С. Историческое краеведение (основные источники изучения родного края). М., 1969, с. 3—4.

краеведение — специфическая отрасль науки о литературе, «та же история литературы, но отличающаяся особым подбором материала, особым аспектом его рассмотрения»¹. Добавим к этому: не только история литературы, изучаемая в особом аспекте, но и дисциплина, самым тесным образом связанная с теорией литературы, немислимая без постановки на специфическом материале и под специфическим углом зрения вопросов теоретического характера.

Наряду с термином «литературное краеведение» существуют и такие, как «литературоведческое краеведение» (Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4), «краеведческое литературоведение». Они подчеркивают органическую связь дисциплины, о которой идет речь, с наукой о литературе. Без сомнения, рассматриваемая дисциплина является своеобразной отраслью литературоведения, вне которого ее нельзя представить, но все же общераспространенный термин «литературное краеведение», на наш взгляд, более предпочтителен: он проще в употреблении, в нем выделен объект изучения (в краеведческом плане) — сама литература².

В последнее время принято говорить о региональном принципе изучения литературы. В этом случае следует иметь в виду большую широту термина, приводящую к некоторой расплывчатости: «В качестве региона могут выступать целые континенты или части их, иногда сравнительно небольшие территории»³. Условно термин «региональный» (основанный на территориальных признаках) может употребляться и как своеобразный синоним термина «краеведческий».

Познавая, отражая, оценивая действительность в ее живой исторической динамике, художественная литература обращается и к тому исторически сложившемуся, имеющему особый, неповторимый облик пространственному ее участку, который именуется краем (шире — регионом), эстетически «открывает», осваивает его. Жизнь, история, природа, культура, быт, нравы края (региона) становятся для писателя источником вдохновения, обретают эстетическую значимость, воздействуют на творческий процесс. В представлении художника именно эти места становятся своеобразным олицетворением всей его великой родины, подобно животворному источнику питают его патриотическое чувство. «Без своей Ясной Поляны я трудно могу себе представить Россию и мое отношение к ней, — писал Л. Н. Толстой. — Без Ясной Поляны я, может быть, яснее увижу общие законы, необходимые для моего отечества, но я не буду до пристрастия любить его»⁴.

Существует тонкая и сложная взаимосвязь между художественным произведением и местом, вдохновившим писателя на его создание. Ведь, как пишет Д. С. Лихачев, «понять лите-

¹ Травушкин Н. С. Литературное краеведение в системе литературоведческих наук. — В кн.: Научные доклады литературоведов Поволжья. Астрахань, 1967, с. 162.

² Некогда распространенные термины — «краевое, или местное, литературоведение», «краевая литература» — не могут быть приемлемы, так как замыкают литературу и ее изучение в узкие областные рамки.

³ Куприяновский П. В. Проблемы регионального изучения литературы. — Русская литература, 1984, № 1, с. 177.

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (юб.). М., 1931, т. 5, с. 262.

ратуру, не зная мест, где она родилась, не менее трудно, чем понять чужую мысль, не зная языка, на котором она выражена. Ни поэзия, ни литература не существуют сами по себе: они вырастают на родной почве и могут быть поняты только в связи со всей родной страной»¹. Об этой связи писателя и его творчества с родной почвой проникновенно говорит К. Паустовский во второй книге «Золотой розы». «... Иногда эти места совершенно ничем не отличаются от сотен таких же мест. Взять хотя бы город Елец... Елец отчасти похож на Рязань, на бывший Козлов, на Липецк. Но в Ельце особенно сильно чувствуешь сотни раз описанные Буниным уголки России, ее прелесть, дыхание ее безграничных ржаных полей. ... Человек, проходя по земле, оставляет невидимый и неосязаемый, но отчетливый след пребывания. Только память по своей немощи может стереть этот след, но, конечно, с трудом. Город, не связанный ни с каким воспоминанием, даже литературным, мертв для меня. И, очевидно, для многих из нас»².

Великие произведения искусства неотрывны как от эпохи, так и от местности, их породившей и наложившей на них неизгладимый отпечаток. Художественные произведения Рафаэля, отмечают К. Маркс и Ф. Энгельс в работе «Немецкая идеология», «зависели от тогдашнего расцвета Рима, происшедшего под флорентинским влиянием, произведения Леонардо — от обстановки Флоренции, а затем труды Тициана — от развития Венеции, имевшего совершенно иной характер. Рафаэль, как и любой другой художник, был обусловлен достигнутыми до него техническими успехами в искусстве, организацией общества и разделением труда в его местности и, наконец, разделением труда во всех странах, с которыми его местность находилась в сношениях»³. Энгельс по-настоящему понял «Детские сказки» Гриммов лишь с тех пор, как познакомился с северно-немецкой степью, «где с наступлением ночи исчезает человеческая жизнь, и жуткие бесформенные творения народной фантазии проносятся над местностью, пустынность которой пугает даже в яркий полдень... На Рейне или в Швабии вы не подслушаете тайны возникновения народных сказок, между тем как здесь каждая молниеносная ночь... твердит об этом языками громов»⁴. История, жизнь и быт определенного края с удивительной яркостью воссоздаются в произведениях художественной литературы. Рассматривая в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» гибель родового строя в Шотландии, Энгельс пишет о том, что «в романах Вальтера

¹ Лихачев Д. С. Необходим справочник «Литературные места России». — Лит. газ., 1980, 12 марта.

² Паустовский К. Золотая роза. Кн. 2. — Дружба народов, 1982, № 7, с. 166.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 3, с. 392.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В 2-х т. М., 1976, т. 2, с. 518.

Скотта перед нами, как живой, встает этот клан горной Шотландии»¹.

«Как живой» встает Кавказ, его природа, быт, нравы горских племен, в произведениях Пушкина и Лермонтова, совершивших в своем творчестве подлинное художественное открытие этого края. В пушкинской поэме «Кавказский пленник», по мнению Белинского, «грандиозный облик Кавказа... в первый раз был воспроизведен русской поэзией, и только в поэме Пушкина в первый раз русское общество познакомилось с Кавказом... С тех пор, с легкой руки Пушкина, Кавказ сделался для русских заветною странюю не только широкой, раздольной воли, но и неисчерпаемой поэзии, странюю кипучей жизни и сильных мечтаний! ...И Кавказ — эта колыбель поэзии Пушкина — сделался потом и колыбелью поэзии Лермонтова»², нашедшего там свою «поэтическую родину», «свой Парнас», «свой Кастальский ключ», «свою Ипокрену»³.

В поэме Пушкина «Бахчисарайский фонтан» Белинский выделил «живые картины» Крыма. «Они непобедимо очаровывают эту кроткую и роскошную поэзию, которыми запечатлена соблазнительно прекрасная природа Тавриды: краски нашего поэта всегда верны местности»⁴. Когда мы говорим о пушкинском творчестве периода михайловской ссылки или знаменитой болдинской осени 1830 г., мы имеем в виду не только временной промежуток, но и весьма органичную связь пушкинских произведений с конкретным местом, краем, наложившим на них ощутимый отпечаток: достаточно вспомнить — по связи с Михайловским — трагедию «Борис Годунов», «деревенские» главы «Евгения Онегина», многочисленные стихотворения 1824—1826 годов, или — по связи с Болдином — «Историю села Горюхина», стихотворение «Румяный критик мой...».

Примечательный случай вспоминает известный пушкинист Н. В. Измайлов, рассказывая о приезде московских и ленинградских ученых в Пушкинский заповедник в 1924 г. Глубокие, волнующие впечатления от пребывания в Михайловском, Тригорском, Святых Горах явились для Б. В. Томашевского, автора капитальных работ о Пушкине, одним из стимулов отхода от формалистических концепций, представлений об имманентности художественного творчества, независимости его от биографических факторов. Томашевский «...по новому смотрел теперь на источники творчества Пушкина, на его эволюцию, на его живую и глубокую связь с окружающей жизнью, начиная с ее пейзажа»⁵.

Некрасов, Островский, Гончаров «открыли» в литературе многие поволжские места, Лев Толстой, Тургенев, Бунин — крестьянскую и помещичью жизнь центральных русских губерний, Мамин-Сибиряк и Бажов — Урал, Шолохов — жизнь донского казачества. Русские писатели, по справедливым словам

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 133.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. VII, с. 372—373.

³ Там же, т. IV, с. 543—544.

⁴ Там же, т. VII, с. 381.

⁵ Измайлов Н. В. Воспоминания о Пушкинском Доме (1918—1928). — Русская литература, 1981, № 1, с. 97.

Михайловское. Письменный стол А. С. Пушкина.

А. Твардовского, «принесли с собой в литературу свои донские, степные и лесостепные, уральские и сибирские родные места. Они утвердили в нашем читательском представлении особый облик этих мест и краев, цвета и запахи их лесов и полей, их вёсны и зимы, жары и метели, отголоски их исторических судеб, отзвуки их песен, своеобразную прелесть иного местного словечка, звучащего отнюдь не в разладе с законами единого

великого языка»¹. По наблюдениям исследователя, в предвоенных сборниках самого Твардовского нет ни одного стихотворения, не связанного с его родными смоленскими местами².

В читательском сознании имя такого писателя, как Д. Н. Мамин-Сибиряк, давно уже связано с изображением Урала. «Когда произносят имя Дмитрия Наркисовича Мамина-Сибиряка,— пишет исследователь,— в сознании неизбежно возникает представление об Урале дореволюционной эпохи, крутом, могучем, слегка таинственным, таящем беспредельные, тогда еще не раскрытые силы. А когда говорят о дореволюционном Урале, на память обычно приходит самобытный писатель с горящей, преданной родной земле душой, с изумительным богатством животрепещущих художественных материалов, сочной и яркой кистью — Д. Н. Мамин-Сибиряк. Эта неразрывная связь представлений не случайна. Д. Н. Мамин-Сибиряк, коренной уралец по происхождению и разнообразным родственным связям, глубоко и страстно полюбил свой край с раннего детства и бережно пронес эту любовь до самой могилы»³.

В произведениях Мамина-Сибиряка вошли природа Урала, духовный мир его людей, характерные для этого края социальные отношения. По словам В. И. Ленина, в них «рельефно выступает особый быт Урала, близкий к дореформенному, с беспорядком, темнотой и приниженностью привязанного к заводам населения, с «добросовестным ребяческим развратом» «господ», с отсутствием того среднего слоя людей (разночинцев, интеллигенции), который так характерен для капиталистического развития всех стран, не исключая и России»⁴.

Может идти речь о «вологодском начале» в современной советской литературе, наиболее ярко представленном в творчестве В. Белова⁵, о «нерасторжимой связи с родной землей», проявляющейся прежде всего в языке, у писателей-сибиряков Г. Маркова, С. Залыгина, В. Распутина, В. Астафьева, В. Шукшина, А. Вампилова⁶.

Литературное краеведение изучает явления художественной литературы в краеведческих аспектах, связанных с историко-культурным типом систем, в котором существенную роль играют национальные, зональные, региональные, краевые, «локальные» системы литературы⁷. Его объект — «местная», краевая тема в

¹ Твардовский А. Статьи и заметки о литературе. М., 1961, с. 37—38.

² См.: Кондратович А. Александр Твардовский. Поэзия и личность. М., 1978, с. 129.

³ Боголюбов Е. Д. Н. Мамин-Сибиряк.— В кн.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. В 12-ти т. Свердловск, 1948, т. 1, с. 5.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, с. 488.

⁵ См. об этом подробнее: Гусев В. Трудный хлеб правды (штрихи к портрету).— Лит. газ., 1978, 2 авг.

⁶ См.: Дангулов С. Революция и язык.— Вопросы литературы, 1980, № 7, с. 64.

⁷ См.: Неупокоева И. Г. История всемирной литературы (Проблемы системного и сравнительного анализа). М., 1976, с. 37.

творчестве писателя в соотношении с общим характером, общей направленностью этого творчества.

Любовь великого русского драматурга А. Н. Островского «к каждому камню Москвы, к каждому горбатому переулку, к каждому москвичу» помогала ему, по словам И. А. Гончарова, «воссоздать весь этот чудный мир, с его духом, обычаями, делами, страстями», в котором «является вся великая Россия», воссоздать «художнической, поэтической кистью», не имеющей ничего общего с простым копированием жизни¹.

Со степными донскими раздольями, историей, жизнью и бытом донского казачества неразрывно связаны биография и произведения М. А. Шолохова. Но изображение родного края, как и у других писателей-классиков, никогда не было у этого великого мастера самоцелью. Судьбы донского казачества в революции оказались в «Тихом Доне» своеобразным зеркалом того, что происходило во всей огромной стране. «...С точки зрения художественного познания важнейших сторон революции обращение к донскому материалу никак не могло ограничить писателя в его стремлении нарисовать правдивую картину эпохи»². Прав М. С. Бубеннов, когда пишет о том, что духовная связь писателя с его «малой родиной» дает ему возможность «познать жизнь всего родного народа, услышать сердцебиение большой России»³.

Ошибочно как излишне преувеличивать локальный момент в жизни и творчестве писателя, так и игнорировать, не замечать его. Местное и общероссийское, общечеловеческое в классических произведениях нашей художественной литературы не противостоят друг другу, не сочетаются механически, но всегда находятся в состоянии взаимопроникновения, составляют гармоническое целое, ведут к одной цели — воплощению огромной по своей масштабности проблематики в образах живых и конкретных.

Литературное краеведение изучает также особенности литературной жизни края, те локальные, региональные модификации, которые обретает в том или ином крае (регионе) общенациональный процесс. «...Отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему,— писал В. И. Ленин в работе «К вопросу о диалектике». — Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы. Всякое отдельное неполно входит в общее...»⁴. Местные литературные традиции, связанные с неповторимыми особенностями того или иного края (региона), органически и вместе с тем «неполно» (лишь в чем-то существенном, основном) входят в общенациональную литературу.

¹ Гончаров И. А. Собр. соч. В 8-ми т. М., 1980, т. 8, с. 143.

² Хватов А. Художественный мир Шолохова. М., 1970, с. 100—101.

³ Бубеннов М. Жизнь и слово (о времени и о себе). — Молодая гвардия, 1981, № 5, с. 287.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 318.

Можно говорить, к примеру, об особенностях литературной жизни Сибири на различных этапах ее развития, присущих ей исторически сложившихся традициях. Так, в первой половине XIX в. литература Сибири несколько отставала от общерусской, замедленно преодолевала устаревшие литературные традиции, причиной чего была «отдаленность края от основных культурных центров страны, отсутствие местной издательской базы, а также журналистики и критики»¹. Романтизм зародился в Сибири лишь в начале 20-х годов (в первых произведениях Ф. Бальдауфа); 30-е годы были здесь временем расцвета романтической прозы. «Романтизм вообще оказался в условиях Сибири более устойчивым, чем в остальной части России. Он продолжал сохранять господствующее положение здесь и в 40-е годы..., в то время как за пределами Сибири он уже был оттеснен на второй план критическим реализмом»². В Сибири имела особое значение литература краеведческого характера, рукописная журналистика, и именно через них формировались реалистические тенденции в литературе. Большую роль в литературе Сибири играли ссыльные литераторы — декабристы, народники, марксисты.

И в этом случае «местный», локальный момент должен быть уяснен и исследован в перспективе общего, в связях с общенациональным целым (как это и сделано в книге Ю. С. Постнова о литературе Сибири первой половины XIX в.). Выдающийся русский книговед Б. С. Боднарский справедливо считал условием успеха и долговечности краеведческих книг прослеживание в них живой связи собственно краеведческих материалов с общерусскими культурными и общественными процессами³.

Литературное краеведение немыслимо без всестороннего изучения края, всего того в его историческом бытии, что воздействует на писателя, на литературную жизнь, что формирует личность писателя, отражается в его произведениях, выступает как их содержательная сторона (к р а й — «герой» художественных произведений).

Лишь глубокое и всестороннее знание края помогает определить «краевой элемент» в художественном произведении, его так называемый местный колорит. Неслучайным, очевидно, является то, что специалистами в области литературного краеведения в тех или иных местах нашей страны являются, как правило, уроженцы этих мест или люди, много в этих местах прожившие, основательно изучившие их.

Литература помогает познать край, а *край*, в свою очередь, — познать литературу и тех, кто создает ее: ведь и м е н н о в к р а е, где жил и творил писатель, в первую очередь отлагаются многие документы и свидетельства, которые способствуют уяснению тех или иных сторон его биографии, его творчества.

¹ Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970, с. 31.

² Там же, с. 32.

³ См.: Петряев Е. Записки книголюба. Киров, 1978, с. 160.

Как и другие явления идеологической, а также социальной жизни общества, художественная литература, при всей своей специфичности, нуждается в сугубо конкретном познании, и здесь «тщательный сбор и внимательнейшее изучение местного практического опыта», о которых В. И. Ленин говорил в письме «О проекте резолюции о работе в деревне»¹, играют немалую роль.

Широко привлеченный местный материал послужил в книге Ленина «Развитие капитализма в России» надежной фактической основой для установления общих закономерностей, в условиях нашей страны, капиталистического способа производства.

И в период перехода России к социализму Ленин придает большое значение местным отличиям, особенностям экономического уклада, бытовым формам, степени подготовленности населения, попыткам осуществить тот или иной план. «Все это,— пишет Владимир Ильич в наброске статьи «Очередные задачи Советской власти» (1918),— должно отразиться на своеобразии пути к социализму в той или иной трудовой коммуне государства»². Ленин высоко оценивал краеведческую по своему характеру книгу А. Тодорского «Год с винтовкой и плугом»³, в которой содержится описание деятельности по установлению Советской власти в Весьегонском уезде Тверской губернии. «Надо пошире распространить эту книгу,— пишет о ней Ленин в статье «Маленькая картинка для выяснения больших вопросов»,— и выразить пожелание, чтобы как можно большее число работников, действовавших в массе и с массой, в настоящей гуще живой жизни, занялись описанием своего опыта»⁴.

В 1922 г. Ленин обратился с письмом к Н. Осинскому, в котором приветствовал его статью в «Правде», называвшуюся «Новые данные из местного опыта». «Нам больше всего недостает именно таких статей...— писал Владимир Ильич.— Еще более и более конкретности в изучении местного опыта, деталей, мелочей, практики, делового опыта, углубления в настоящую жизнь, и уездную, и волостную, и сельскую... Чем больше углубляться будем в живую практику, ...тем успешнее пойдет улучшение и нашей прессы и всего нашего строительства»⁵. Рекомендация вести «учет местных различий, который является основой разумной работы», содержится и в письме Ленина «О «двойном» подчинении и законности»⁶. Ленинскую мысль о необходимости изучения «местного практического опыта», об учете «местных различий» развивает Н. К. Крупская, когда утверждает, что в период социалистического строительства краеведение «имеет громаднейшее значение, потому что, какую бы область строительства мы ни

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 132.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 152.

³ См.: Тодорский А. И. Год — с винтовкой и плугом. М., 1958.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 407.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 236—237.

⁶ Там же, т. 45, с. 198.

взяли, мы постоянно наталкиваемся на тот вопрос, что наиболее плодотворно хозяйственное и культурное строительство может идти лишь в том случае, когда оно учитывает все особенности края, все движущие силы, которые в данном районе имеются...»¹

Произведения художественной литературы далеко не безразличны к «местным отличиям» к «особенностям экономического уклада и бытовым формам», которые отражаются на своеобразии исторического пути народа, его поступательного движения.

Представление о литературном процессе существенно обеднится, если оно не включит в себя многих явлений литературной жизни краев и областей нашей страны. Такие явления выходят подчас далеко за узкоместные пределы. Показателен в этом отношении интерес Ленина к пролетарским поэтам Иваново-Вознесенска. 28 января 1921 г. Ленин обратился с просьбой к библиотекарю достать ему иваново-вознесенскую газету «Рабочий край», в которой печатались И. Жижин, М. Артамонов, Д. Семеновский. В записке Ленин отметил, что они принадлежат к «кружку *настоящих* пролетарских поэтов» и что их «хвалит Горький»². «Это подлинный рабоче-крестьянский демос,— писал в 1921 г. о поэтах-ивановцах А. Воронский.— Это большой поэтический выводок, вскормленный песнями, рабочей околицей и гулом фабрик. Факт примечательный, о котором нужно знать всей мыслящей Советской России. Он свидетельствует еще раз, что в нашем народе, в недрах его таятся большие духовные богатства»³. По словам И. Эвентова, в творчестве ивановских поэтов «запечатлено настроение революционного подъема, характерное для передовых русских рабочих. Сочувственно и правдиво отразили они жизнь и помыслы рабочих текстильного края в годы революции и гражданской войны. (<...> Выходцы из разных сословий, поэты эти прожили трудовую жизнь и прониклись чувствами и мыслями творцов революции, строителей нового мира. Вот почему Ленин и Горький относили их к *настоящим* пролетарским поэтам, в противовес узкоцеховым понятиям и меркам, которые утверждали руководители Пролеткульта»⁴.

В числе художественных произведений русской классической литературы, высоко ценимых Лениным, было немало и таких, которые воплотили впечатления их авторов, почерпнутые в родном крае. Известны слова Ленина о превосходном знании Толстым деревенской России, быта помещика и крестьянина. «Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые принадлежат к лучшим произведениям мировой литературы»⁵. Обратим внимание на то, что знание это великий писатель

¹ Крупская Н. К. Пед. соч. В 10-ти т. М., 1968, т. 8, с. 198.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 58.

³ Цит. по статье: Эвентов И. В. И. Ленин о поэзии первых лет Советской эпохи.— Нева, 1976, № 4, с. 185.

⁴ Там же.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 39.

общемирового значения почерпнул во многом — и прежде всего в своем родном крае. Ясную Поляну имел в виду Толстой, когда писал сцену охоты в «Войне и мире» (ч. 2, гл. 66—70), — ту самую, которая вызвала восторг Ленина¹.

Впечатления от родных тульских мест во многом определили реалистическую силу и выразительность картин народной жизни, написанных Глебом Успенским. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, его «Нравы Растеряевой улицы», рассказы из жизни рабочих и беднейшего крестьянства захватывали Владимира Ильича. Он указывал, что вот именно это и нужно давать самым широким массам, именно это необходимо издавать»². Особо хочется сказать о книге Г. Успенского «Нравы Растеряевой улицы», содержащей широкие обобщения русской действительности и вместе с тем необычайно конкретно, с поразительной точностью деталей рисующей жизнь тульского трудового люда и мещанства на рубеже 50—60-х годов прошлого столетия.

Ленин восхищался языком Тургенева и Л. Толстого, Добролюбова, Чернышевского, называл его великим и могучим³. На формирование языка Тургенева и Толстого значительное воздействие оказал живой разговорный язык их родных мест, средней полосы России, во всем его неповторимом своеобразии. «В Орловской и Тульской губернии крестьяне говорят удивительно образно и метко», — засвидетельствовал в одном из своих писем Н. С. Лесков, уроженец Орловского края, большой знаток народного быта и языка⁴.

Родной край обогащает творчество писателя, многое определяет в формировании его мировоззрения и художественного метода. В свою очередь, писатель своими творениями, своей деятельностью активно воздействует на жизнь края, на его культуру, историческую судьбу. Изучение диалектических взаимосвязей писателя и его родного края многое дает для уяснения законов развития литературы и общества, для правильного восприятия и понимания литературных произведений, для изучения биографии писателей и истории отечественной культуры в их конкретном выражении.

§ 2. ПОЗНАВАТЕЛЬНОЕ, ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ, ЭСТЕТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ШКОЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО КРАЕВЕДЕНИЯ. ЗАДАЧИ ПОСОБИЯ.

За время своего развития, особенно в Советскую эпоху, литературное краеведение накопило богатейший опыт. Это относится и к школьному литературному краеведению, значение которого

¹ См.: Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1952, т. 17, с. 38—39.

² Бонч-Бруевич В. Д. Ленин о книгах и писателях. — Лит. газ., 1955, 21 апр.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 294. ●

⁴ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11-ти т. М., 1958, т. 11, с. 404.

особенно возрастает в связи с переходом ко всеобщему среднему образованию, когда, как говорилось на XXVI съезде КПСС, с такой остротой поставлены проблемы повышения качества обучения, трудового и нравственного воспитания, укрепления связи обучения с жизнью, улучшения подготовки школьников к общественно полезному труду.

Краеведческий принцип дидактики, по справедливому утверждению проф. П. В. Иванова, «отвечает всем педагогическим требованиям и подкрепляется большой практикой учителей»¹. Литературное краеведение в школе имеет немалое познавательное значение, способствует углубленному познанию своего края, его истории и культуры, в этом отношении оно «погранично» с краеведением историческим, географическим. Оно помогает решению таких актуальных вопросов идеологической работы партии — их значение было подчеркнуто на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, — как воспитание чувства советского патриотизма и социалистического интернационализма, формирование высоких качеств гражданина социалистического общества, активного строителя коммунизма.

Литературное краеведение может стать действенным помощником по воспитанию у детей, с самых ранних лет, любви к Родине, чувства красоты, познавательных интересов и способностей, о необходимости чего идет речь в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы, одобренных Пленумом ЦК КПСС 10 апреля и Верховным Советом СССР 12 апреля 1984 г. Большую роль литературное краеведение играет в эстетическом воспитании, ибо имеет дело с художественной литературой, с великим искусством слова, одним из самых действенных средств эстетического воспитания.

По справедливым словам Д. С. Лихачева, «к патриотизму нельзя только призывать, его нужно заботливо воспитывать — воспитывать любовь к Родине, ее истории, к родным местам»². Не последнюю роль в этом заботливом воспитании играет и то, что замечательный советский педагог В. А. Сухомлинский назвал «поэтическим, художественным познанием Родины», в котором патриотическое чувство и чувство прекрасного, формирование эстетического идеала сливаются воедино. Через призму художественной литературы, через чтение вслух ученикам в лесу, на берегу реки, в степи лирических произведений о красоте родной природы «какой-нибудь маленький, неприметный уголок родного села — верба, склонившаяся над прудом, вишневый сад под горой, могучий дуб в ярком осеннем уборе, заросший кустарником овраг — воспринимался как частица Родины»³.

Литературное краеведение делает изучаемых писателей и созданные ими художественные произведения ближе, «человечнее»,

¹ Иванов П. В. Педагогические основы школьного краеведения. Петровск, 1966, с. 42.

² Лихачев Д. С. Себе и потомкам. — Правда, 1979, 10 ноября.

³ Сухомлинский В. А. Избр. пед. соч. в 3-х т. М., 1979, т. 1, с. 511.

ибо они познаются через знакомое и близкое. Оно вводит изучающих литературу в лабораторию художественного творчества, освещая путь — на конкретном местном материале — от жизненных впечатлений к созданию художественных образов, ставит перед ними увлекательные исследовательские задачи, приобщает к технике литературоведческих разысканий, к работе с разнообразными источниками. По самой сути своей оно способствует выработке активной жизненной позиции учащихся, нацеливает их на общественно полезную работу, прежде всего по охране и пропаганде памятников истории и культуры своей области, своего района. Литературное краеведение в современной средней школе завоевывает новые и новые позиции, все больше его энтузиастов появляется среди учителей и учащихся.

Настоящее пособие призвано помочь преподавателям и студентам филологических факультетов, а также школьным учителям в проведении различных форм литературно-краеведческой работы. Используя многочисленные труды по литературному краеведению, автор опирался на свой многолетний опыт изучения связей писателей с Тульским краем, на добытые им источники, на собственный опыт литературно-краеведческой работы в Тульском пединституте им. Л. Н. Толстого, в частности, на опыт чтения — в течение ряда лет — спецкурса по литературному краеведению. Пособие соответствует программе спецкурса, написанной тем же автором и утвержденной Министерством просвещения СССР.

Автор выражает самую сердечную и искреннюю благодарность многим товарищам, оказавшим ему помощь своими замечаниями и советами, прежде всего профессорам Е. Г. Бушканцу, Н. С. Травушкину, М. Д. Янко, П. В. Иванову, М. П. Николаеву, В. Н. Ашуркову, М. Г. Качурину, своим коллегам по кафедре, писателям, краеведам.

ЛИТЕРАТУРА

- К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве. В 2-х т. М., 1983.
- Ленин В. И. Письмо к Н. Осинскому от 12/IV.1922.— В кн.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54.
- Ленин В. И. Маленькая картинка для выяснения больших вопросов.— Там же, т. 37.
- Ленин В. И. Задачи союза молодежи.— Там же, т. 41.
- Крупская Н. К. Краеведение и народное просвещение.— В кн.: Крупская Н. К. Пед. соч. В 10-ти т. М., 1968, т. 8.
- Калинин М. И. О воспитании и обучении. М., 1957.
- Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981.
- Материалы Пленума ЦК КПСС 14—15 июня 1983 г. М., 1983.
- Материалы Пленума ЦК КПСС 10 апреля 1984 г. М., 1984.
- Материалы Пленума ЦК КПСС 23 апреля 1985 г. М., 1985.
- Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983.
- Кайев А. Литературоведческое краеведение.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4.
- Травушкин Н. С. Литературное краеведение в системе литературоведческих наук.— В кн.: Научные доклады литературоведов Поволжья. Астрахань, 1967.
- Куприяновский П. В. Проблемы регионального изучения литературы.— Русская литература, 1984. № 1.

**§ I. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Литературное краеведение — дисциплина сравнительно молодая. Особенно активно и бурно оно стало развиваться после Великой Октябрьской социалистической революции. «Нам необходимо обратить внимание на литературу областей,— говорил А. М. Горький в заключительной речи на I Всесоюзном съезде писателей,— вовлечь ее в круг нашего внимания, печатать в журналах центра, учитывая ее значение как организатора культуры»¹. Эта горьковская мысль основывалась на прочных традициях русской науки и культуры. По мнению А. Кайева, литературное краеведение в России «зарождается в 30—40-х гг. XIX в. как разновидность краевой библиографии»². Думается, к вопросу о зарождении русского литературного краеведения следует подойти более широко, учитывая тот интерес к всестороннему познанию материальных и духовных богатств страны, который возник значительно раньше и с особой силой проявляется в периоды подъема национального самосознания. Государственное значение памятников прошлого краеведческого характера было признано еще в эпоху преобразований начала XVIII в., сведения о местных культурно-исторических ценностях собирали историк В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов, тогда же появилась «История Сибирская» С. У. Ремезова, в 1762 г.— «Топография Оренбургская» П. И. Рычкова, положившая начало описаниям отдельных областей России; в конце XVIII— начале XIX в. ряд таких описаний был обобщен в «Словаре географическом государства Российского» (1801—1809)³.

В 1823 г. критик декабристского лагеря О. М. Сомов в статье «О романтической поэзии», обосновывая источники и предпосылки народности русской литературы и говоря о том, что «весь мир видимый и мечтательный есть собственность поэта», призывал деятелей литературы к художественному освоению тогда еще «белых пятен» на обширных пространствах родины: «Цветущие

¹ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1953, т. 27, с. 354.

² Кайев А. Литературоведческое краеведение.— Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4, стлб. 386.

³ См. об этом в кн.: А щ у р к о в В. Н., К а ц ю б а Д. В., М а т ю ш и н Г. Н. Историческое краеведение. М., 1980, с. 6—7.

сады плодоносной Украины, живописные берега Днепра, Псла и других рек Малороссии, разливи́стый Дон... — все сии места и множество других ждут своих поэтов и требуют дани от талантов отечественных»¹. Критик-декабрист А. А. Бестужев считал, что «...писать о Руси, не зная местности Руси, в наше время непростительно. Я знаю русских сердцем; мне необходима, однако ж, земля, истории их». По его мнению, «все образцовые дарования носят на себе отпечаток не только народа, но века и местности, где жили они»². Декабристская критика поставила, таким образом, проблему «местного колорита» в литературе, «отпечатка... местности» в ней. «Чем ближе поэт новый наш, обрабатывая предмет древний или чуждый, подойдет к свойству, быту и краске избранного им места, времени, народа и лица, тем превосходнее будет его произведение», — писал П. А. Катенин во 2-й из статей «Размышления и разборы»³.

Самим же декабристам суждено было осваивать в своей деятельности, в своем художественном творчестве «белые пятна» обширного государства. В сибирской ссылке они проявляли огромный интерес к самым различным сторонам жизни этого тогда еще малоизученного края, вели активную просветительскую деятельность, открыли для детей местных жителей школу в Петровском каземате (несмотря на категорическое запрещение заниматься педагогикой), создавали учебники и учебные пособия, способствовали зарождению и развитию сибирских рукописных газет и журналов (газеты «Кяхтинская стрелока», журнала «Кяхтинский литературный цветник» и других изданий). Сотрудники этих журналов «звали к изучению богатейшего сибирского края, пробуждали у читателей любовь к нему и гуманное отношение к малым народам, населяющим Сибирь; занимались собиранием русского и национального фольклора. Рукописные журналы вызвали живой отклик у передовой части населения, их читали и обсуждали в кружках любителей литературы Иркутска, Читы, Кяхты, Нерчинска»⁴. Они стали своеобразной литературной школой для таких сибирских писателей, как Ф. Бальдауф, М. Зензинов, П. Кожевников, Ф. Мокеев. Под воздействием декабристов оживилась культурная жизнь Сибири. Так, братья Н. А. и М. А. Бестужевы «были истинными просветителями забайкальцев: обучали их грамоте, ремеслам, рациональному ведению хозяйства, помогали им книгами и всем, чем могли. (...) Бестужевы сумели обогатить науку новыми данными, стали знатоками природы, истории и экономики края»⁵. У Бестужевых были верные друзья и помощники, которые успешно продолжили многостороннюю краеведческую деятельность своих учителей.

Сибирская тема вошла в творчество декабристов. Как полагают исследователи, сибирские мотивы декабристских произведений исследованы «далеко не полностью, они и сегодня требуют самого пристального внимания. Только неторопливо и скрупулезно прочтя произведения, созданные в тюрьме и ссылке, можно в полной мере проследить воздействие сибирских впечатлений на сознание и поэтическое воображение литераторов-декабристов. Тем

¹ Цит. по кн.: Зельдович М. Г., Лившиц Л. Я. Русская литература XIX в. Хрестоматия критических материалов. М., 1975, с. 77.

² Бестужев А. А. Взгляд на старую и новую словесность в течение 1824 и начале 1825 г. — В кн.: Декабристы (антология в 2-х томах). Л., 1975, т. 2, с. 405.

³ Катенин П. А. Размышления и разборы. М., 1981, с. 50.

⁴ Паликова А. Н. Влияние декабристов на создание рукописных журналов в Восточной Сибири. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 206.

⁵ Петряев Е. Д. Люди и судьбы (Очерки из истории культуры Забайкалья). Чита, 1957, с. 8.

более, что это воздействие не проявляется лишь в этнографических и пейзажных зарисовках: оно гораздо более сложно и многопланово»¹.

К. Ф. Рылеев, как известно, не был в Сибири, но сибирские мотивы звучат в его думах («Смерть Ермака»), в поэме «Войнаровский». Образы якутского фольклора использованы в балладе А. А. Бестужева-Марлинского «Саатырь», в балладах Н. А. Чиждова «Нуча» и «Воздушная дева». Тема Сибири развита в стихотворениях А. А. Бестужева-Марлинского «Шебутуй (Водопад Станового хребта)», «В день именин» и в его очерках «Отрывки из рассказов о Сибири», «Сибирские нравы. Исых», «Письмо к доктору Эрману», в стихотворении Н. А. Чиждова «Сибирские цветы», стихотворениях В. К. Кюхельбекера «Аргунь» и А. И. Одоевского «М. Н. Волконской», в очерке Н. А. Бестужева «Гусиное озеро», воссоздававшем живые черты бурятского быта и проникнутом глубоким сочувствием к угнетенным бурятам-беднякам².

Начиная с 30-х годов прошлого столетия появляются литературно-краеведческие работы библиографического характера. Одной из первых можно назвать «Роспись писателям, родившимся или жившим в Тульской губернии» И. П. Сахарова³. Ее автор — известный собиратель русского фольклора, историк, исследователь своего края, опубликовавший найденные им в архивах ценные материалы, связанные с Тулой и Тульской губернией. Его перу принадлежат «Письмо к издателю «Московского телеграфа», о писателях, живших в Тульской губернии»⁴, и брошюра «Писатели Тульской губернии» (СПб., 1838), где он поместил поименный перечень известных ему писателей, связанных с Тульским краем, и в их числе А. Т. Болотова, В. А. Жуковского, П. В. и И. В. Киреевских, А. С. Хомякова. Сахаров обратился к «просвещенным соотечественникам» с просьбой сообщить ему сведения об этих лицах. В предоктябрьские годы вышло немало такого рода библиографий по самым различным областям страны. Был накоплен значительный фактический материал, однако, как правило, регистрация фактов пока еще преобладала над широким их осмыслением, к тому же «собственно писатели в них не выделялись из ряда местных деятелей в других областях культуры»⁵. Многие районы страны оказались вообще не охваченными литературно-краеведческими разысканиями.

В 40-е годы XIX в., во время активного развития реализма и появления так называемой *натуральной школы*, перед литературой встала задача самого широкого изображения действительности

¹ Постнов Ю. С. Сибирь в поэзии декабристов. Новосибирск, 1976, с. 7.

² См. об этом в статье Ц. А. Дугарнимаева «Декабристы и бурятская литература» (в кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибирск, 1977, с. 196—198). Об интересе декабристов к Сибири см. также: Азадовский М. Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири.— В кн.: В сердцах Отечества сынов (декабристы в Сибири). Иркутск, 1975.

³ См.: Московский телеграф, 1833, № 7.

⁴ См. там же, № 50.

⁵ Кайев А. Указ. статья, стлб. 386.

как в социальном (демократизация предмета изображения, внимание к жизни общественных низов), так и в географическом аспекте. Продолжая на новом этапе освободительного движения идею декабристской критики о художественном освоении еще не открытых в литературе местностей страны, В. Г. Белинский во вступлении к сборнику «Физиология Петербурга» сетовал на то, что в современной ему литературе «нет беллетристических произведений, которые бы... знакомили с различными частями беспрельной и разнообразной России... Сколькими оттенками пестреет сама Великобритания не только в климатическом, но и в общественном отношении! (...) Москва и Петербург, Казань и Харьков, Архангельск и Одесса — какие резкие контрасты! Какая пища для ума наблюдательного, для пера юмористического»¹. Резко оценивая многие произведения А. А. Бестужева-Марлинского за выспренность, вычурность, натянутость чувств, Белинский выделял, однако, те из них, которые правдиво знакомили читателей с бытом и нравами малоизвестной местности («Отрывки из рассказов о Сибири», «Сибирские нравы. Исых»). В них, по его словам, виден «необыкновенно умный, блестяще образованный человек и талантливый писатель, и почти все они отличаются... языком простым, живым и прекрасным без изысканности»². Белинский сожалеет, что сибирская писательница Е. А. Авдеева мало изображает в своих произведениях быт жителей Иркутска: она, «там родившаяся и долго жившая, могла бы много порассказать интересного». При всем своем суровом отношении к творчеству другого сибирского писателя И. Т. Калашникова великий критик отметил в его романе «Дочь купца Жолобова» те страницы, где автор касается «интересной... и малоизвестной Сибири или, лучше сказать, интереснейшей части Сибири — Иркутской губернии», рекомендует Калашникову составить «что-нибудь вроде записок о Сибири, в которых, удаляясь от всякого ученого и догматического тона, рассказал бы просто, *не мудрствуя лукаво*, все то, что видел, слышал и узнал во время своего житья в Сибири, — и о климате, и о местностях, и об обычаях жителей, преданиях, рассказах и пр.»³. В рецензии на повесть Н. С. Щукина «Посельщик» он упрекает этого писателя за то, что он, рассказывая о Сибири, не обогащает представления читателей о ней: «О Сибири же собственно мы узнаем только то, что там бывает очень холодно, что там уходят с заводов каторжные и режут глупых мужиков, которые почитают их умеющими заговаривать ружья; что Сибирь очень богата естественными произведениями и т. п. К концу книги приложено объяснение четырех слов и трех сибирских фраз, чего же вам больше?»⁴.

Белинский высказывает интереснейшие соображения о «местном колорите» художественных произведений. По его мнению, «поэт, который более сжился бы с нравами московскими и менее был

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8, с. 376—377.

² Там же, т. 4, с. 53.

³ Там же, т. 6, с. 441.

⁴ Там же, т. 1, с. 136.

бы гражданином Петербурга, чем Пушкин, или не написал бы «Онегина», или написал бы его иначе. Многие из замечательнейших пьес Гоголя показывают, что этот писатель провел в Петербурге одну из самых свежих и впечатлительных эпох своей жизни. Печать Петербурга видна на большей части его произведений ... в том смысле, что он Петербургу обязан многими типами созданных им характеров»¹. О связи Пушкина и Гоголя с Петербургом, о своеобразии литературной жизни двух русских столиц в зависимости от их истории, особого облика каждой из них пишет А. И. Герцен в фельетоне «Москва и Петербург» (1842).

Большой интерес к родному краю, его прошлому и настоящему, его культурной жизни проявляли Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Ко времени последнего пребывания Чернышевского в Саратове (1889) относятся воспоминания о нем А. А. Токарского, в которых отмечен интерес великого деятеля революционной демократии к истории Саратовского края, ко всему тому, что отражало общие закономерности русской пореформенной действительности в их конкретных проявлениях на местах². Саратовский материал использован Чернышевским в его статьях о крестьянском вопросе, об откупной системе, саратовские впечатления отразились в его творчестве (образы Рахметова и матери Веры Павловны в романе «Что делать?»). «В целом ряде романов (например, в романе «Старина» и др.), написанных в Сибири и уничтоженных Николаем Гавриловичем, но дошедших до нас в пересказах товарищей по ссылке..., мы встречаемся с родным провинциальным городом на Волге, с его сильными и мужественными людьми... В тяжелой неволе перед Чернышевским рождаются образы ученых, выросших на берегах могучей русской реки»³.

Добролюбов в 1849—1853 годах «изучает быт и культуру населения Нижегородской губернии, производит самостоятельные записи местного фольклора. Об этом свидетельствуют содержащиеся в бумагах Добролюбова листки с библиографическими заметками по этнографии и истории Нижегородской губернии (471 название), разнообразные и обширные «Материалы по изучению Нижегородской губернии» (пословицы, поговорки, народные песни, обряды, загадки, народные приметы, предания, поверья и т. п.)»⁴. В статье «Пермский сборник» (1859) Добролюбов затрагивает «очень важную для дальнейшего развития русской науки проблему расширения круга исследователей на местах и изучения местной истории, быта, культуры»⁵. Он пишет здесь об ошибочности рас-

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. 8, с. 554—555.

² См.: Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. М., 1982.

³ Чернышевская Н. М. Н. Г. Чернышевский.— В кн.: Русские писатели в Саратовском Поволжье. Саратов, 1964, с. 72.

⁴ Гусев В. Русские революционные демократы о народной поэзии. М., 1955, с. 117. См. так же: Егоров Б. Ф. Н. А. Добролюбов — собиратель и исследователь народного творчества Нижегородской губернии. Горький, 1956.

⁵ Гусев В. Русские революционные демократы о народной поэзии. М., 1955, с. 141.

пространенного мнения, будто «вся литературная деятельность сосредоточивается у нас почти исключительно в двух столицах», о том, что «в провинциях-то и живут люди рассуждающие, серьезно интересующиеся наукой и литературой, с любовью следящие за современным направлением мысли»¹.

В рецензии на «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (1858) Добролюбов, отдавая должное знаменитому сборнику, упрекает собирателя за «отсутствие жизненного начала», призывает собирателей народной поэзии к тому, чтобы они не просто публиковали тексты фольклорных произведений, но рассказывали бы и об обстановке, в условиях которой они бытуют. Это была своеобразная программа, определившая деятельность последующих фольклористов. Достаточно сослаться на такие статьи, как «Заметка собирателя» П. Н. Рыбникова, «Олонецкая губерния и ее народные рапсоды» А. Ф. Гильфердинга, чтобы показать, какое большое место заняли в деятельности собирателей фольклора второй половины XIX века вопросы связи фольклорных произведений с историей, бытовым укладом того или иного края (у Рыбникова и Гильфердинга — с Заонежьем).

В 60-е годы литература стала еще ближе к народу, обратилась непосредственно к изображению жизни масс. Процесс усилившейся демократизации литературы определил широкое использование локальных красок, причем местное, конкретное насыщалось большим социальным содержанием. Так было у Некрасова в его народной эпосе «Кому на Руси жить хорошо», у Решетникова, первого бытописателя уральского рабочего класса, в его романах «Горнорабочие», «Глумовы», «Где лучше?», у Н. Успенского, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. С. Лескова. «Леди Макбет Мценского уезда» — так назвал Лесков одно из лучших своих произведений 60-х годов, уже в заглавии его парадоксально заострив сочетание общечеловеческого, вечного, возведенного к высокому образцу мировой классики, и местного, локального, подчерпнутого в среднерусской Орловской губернии. В том же ключе написаны первые строки повести, как бы обобщающие суть того, о чем в ней пойдет речь: «Иной раз в наших местах задаются такие характеры, что, как бы много лет ни прошло со встречи с ними, о некоторых из них никогда не вспомнишь без душевного трепета»². В письме, посланном вместе с рукописью этой повести в журнал «Эпоха», писатель говорил о своем намерении создать серию очерков «исключительно одних типических женских характеров нашей (окской и частично волжской) местности»³. Впоследствии Лесков заявлял о том, что в его произведениях отразилась вся Россия в ее беспредельных просторах⁴.

Характерны «хождения в народ» Г. Успенского в 70-е годы,

¹ Добролюбов Н. А. Собр. соч. В 9-ти т. М.—Л., т. 5, 1962, с. 402—403.

² Лесков Н. С. Собр. соч. В 11-ти т. М., 1956, т. 1, с. 96.

³ Там же, с. 499.

⁴ См.: Видуэцкая И. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX в.— Вопросы литературы, 1981, № 2, с. 156.

жизнь писателя в Новгородской и Самарской губерниях, впечатления от которых отразились в циклах очерков «Из деревенского дневника», «Крестьянин и крестьянский труд», «Власть земли»; пребывание Короленко в Сибири (сибирские рассказы 80—900-х годов «Чудная», «Яшка», «Убийец», «Сон Макара», «Соколинец», «Ат-Даван», «Огоньки», «Марусина заимка» и другие), его жизнь и общественная деятельность в Нижнем Новгороде (рассказы 90-х годов «В облачный день», «За иконой», «На Волге», «Река играет», «документальная повесть» «Рассказы о пережитом», «Павловские очерки»). Живя в Нижнем Новгороде, Короленко активно участвовал в работе таких органов печати, как «Волжский вестник», «Самарская газета», «Саратовский вестник», «Нижегородский листок», писал корреспонденции о нижегородской жизни, подбирал и рекомендовал сотрудников из числа своих друзей и единомышленников, оставил после себя «громадную, могучую силу в Нижегородском крае более или менее сплоченных работников»¹, многое сделал для изучения истории края, был одним из организаторов городской библиотеки. Во время голода 1891—1892 годов Короленко организовывал сбор денег в помощь голодающим, участвовал в сборниках, средства от которых шли в их пользу.

В 90-е годы, в пору начала своей литературной деятельности, в поволжских газетах сотрудничал А. М. Горький, живший в Нижнем Новгороде (сейчас г. Горький) и в Самаре (сейчас г. Куйбышев). В Самару Горький приехал по совету Короленко, по его же рекомендации стал сотрудничать в «Самарской газете», где было опубликовано множество горьковских рассказов, очерков, фельетонов². Великий пролетарский писатель был несравненным знатоком Руси, исходившим и изъездившим ее в своих странствиях, встречавшимся с тысячами людей самых различных общественных положений. В биографию и творчество Горького вошли Поволжье, Каспий, донские степи, Украина, Дунай, Крым и Кавказ, российские провинциальные города, села и деревни.

Своеобразным идеологическим явлением второй половины XIX в. было движение сибирского областничества, порожденное общественным подъемом 60-х годов, идеями петрашевцев, революционных демократов, народников. Видными представителями сибирского областничества были Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, С. С. Шашков. Областничество, вышедшее за пределы Сибири, было неоднородным и претерпело существенную эволюцию³. Остро воспринимая бедственное по-

¹ Золотницкий В. Из общественной деятельности В. Г. Короленко в Нижнем Новгороде.— В кн.: Нижегородский сборник памяти В. Г. Короленко. Нижний Новгород, 1923, с. 125.

² См.: Янкина Л. И. М. Горький в Самаре. Куйбышев, 1973. В книге систематизированы сведения об истории издания «Самарской газеты», рассказано о самарских литераторах С. С. Гусеве, А. А. Смирнове, оказавших известное влияние на Горького.

³ См.: Коржавин В. К. К характеристике сибирского общественного движения второй половины XIX в.— В кн.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979, т. 4; Коржавин В., Мирзоев В., Яновский Н. К характеристике сибирского областничества.— Сибирские огни, 1971, № 12. Н. М. Ядринцеву посвящены 4-й и 5-й тома «Литературного наследства Сибири» (Новосибирск, 1979 и 1980 гг.).

ложение трудового населения Сибири, ратуя за процветание этого огромного края, областники выступили с широкой и по существу своему демократической программой развития Сибири, частью которой было развитие «сибирской литературы». Концепция областничества, «будучи в условиях XIX в. исторически оправданной и демократической, страдала в то же время местной ограниченностью, которая в значительной мере парализовала ее положительные моменты»¹. «Областники» ориентировали писателей на отражение в своем творчестве местных интересов, на воспитание у читателей любви к своему краю, что должно привести к его процветанию. Оценивая произведения И. Оммулевского, И. Кушевского, Ф. Решетникова, П. Сумарокова, В. Короленко, П. Ершова и других писателей, связанных с Сибирью, «областники» искусственно противопоставляли «сибирскую литературу» общерусской, ибо считали, что решение самых наболевших «сибирских вопросов» может быть осуществлено лишь самими сибиряками, именно они должны сосредоточить все свои силы на решении этих задач².

Большую краеведческую работу проводили А. С. Гацисский в Нижнем Новгороде (г. Горький), В. И. Генин, И. Ф. Германин, Н. К. Чупин на Урале. Примечательна деятельность историка М. Д. Хмырова (1830—1872), автора проекта «Энциклопедии русского отечествоведения». Ему удалось собрать огромное количество сведений об исторических событиях в России, памятниках истории и культуры, русских деятелях, городах, монастырях, музеях, учебных заведениях, библиотеках, театре, фольклоре. Коллекция Хмырова, хранящаяся сейчас в Государственной публичной исторической библиотеке, насчитывает 832 папки с вырезками из газет по 323 темам, в том числе о различных российских губерниях, о деятелях культуры, о писателях³.

Традиции декабристов в изучении истории и культуры Сибири продолжили революционеры-народники, оказавшиеся в сибирской ссылке, а затем, на принципиально иной методологической основе, революционеры-большевики. «Можно с уверенностью сказать, что ни в какой другой культурной стране так мало не занимаются собою, как у нас в России,— писал Я. М. Свердлов в «Очерках Туруханского края» (1915).— Скучность наших сведений о жизни окраин не может быть оспариваема. А между тем некоторые из них имеют определенный интерес для развития всей страны уже теперь и могут приобрести крупное значение в будущем»⁴.

Политические ссыльные стали авторами серьезных трудов краеведческого характера. Таковы «Верхоянский сборник» И. А. Худякова, включивший в себя якутские сказки, песни, пословицы; «Отчет об исследовании Чукотско-Колымского края», «Ламуты (из наблюдений в Колымском крае)», «Очерки материального быта оленьих чукоч», «Чукотские рисунки», «К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии» народовольца В. Г. Тана-Богораза; «Якуты (опыт этнографического исследования)» и очерки о Якутии Вацлава Серошевского; «Экспедиция на Сунторский соленосный район», «Материалы к этнографии и географии Якутской области» П. Л. Драверта; «Минусинский край в XVIII веке (Этюд по истории Сибири)» революционера-большевика В. А. Быстрянского (Ватина). В последнем труде использованы предания народов Сибири. Ссылные активно участвовали в этнографических экспедициях, сотрудничали в сибирской прессе. В газете «Восточное обозрение» (в период ее издания в Иркутске) сотрудничали, в числе многих других политических ссыльных, Д. А. Клеменц, Е. К. Брешко-

¹ Коржавин В. К. К характеристике сибирского общественного движения второй половины XIX в., с. 11.

² См. об этом в кн.: Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970, с. 15.

³ О М. Д. Хмырове и его коллекции см.: Афанасьев В. Источник народного самопознания (Необыкновенный памятник русской культуры).— Памятники Отечества (альманах Всесоюз. об-ва охраны памятников истории и культуры), 1980, № 1.

⁴ Свердлов Я. М. Избр. произведения. В 3-х т. М., 1957, т. 1, с. 54.

Брешковская, П. Ф. Якубович, В. Г. Тан-Богораз, Ф. Я. Кон. «...За время существования газеты, — пишет исследователь, — в ней было опубликовано более 400 стихотворений, более 420 прозаических произведений, более 300 статей критического и исторического характера»¹. В иркутском литературно-общественном и сатирическом журнале «Багульник», издававшемся в 1916—1917 годах и отражавшем передовые идеи времени, сотрудничал Е. Ярославский.

Политические ссыльные широко отразили жизнь Сибири в своих художественных произведениях. Помимо известных «сибирских» произведений В. Г. Короленко, это рассказы В. Л. Серошевского: «Предел скорби», «Хайлак», «В сетях», «На краю лесов», «Чукчи», «Обратный путь»; стихотворение Тана-Богораз «В тундре» и его «Чукотские рассказы» («На каменном мысу», «Кривоногий», «На мертвом стойбище», «Праздник», «На пьяной ярмарке»); стихи П. Л. Драверта («Вечер в Алларах», «Моей собаке» и другие).

Общественческий, народоведческий характер имела культурно-историческая школа, самая значительная литературоведческая школа второй половины XIX в. Ученые, представлявшие эту школу, прежде всего А. Н. Пыпин и Н. С. Тихонравов, обратили внимание на отражение в литературе исторической эпохи, «среды», условий народной и общественной жизни, на процесс создания художественного произведения, его «творческую историю», на связь литературы с явлениями культуры. Они расширили круг изучаемых литературных явлений и фактов, уделив большое внимание так называемым второстепенным писателям (интерес Пыпина к В. Лукину, Тихонравова к Н. И. Новикову, Ф. В. Ростопчину, вольнодумцам времени Петра I, масонству). Они придавали огромное значение источникам ведению. Пыпин «чрезвычайно ценит... документальные, письменные источники — «посмертные» произведения писателей, переписку, дневники, мемуары, официальные документы, которые неизменно привлекались им к характеристике общественных и литературных явлений»². По свидетельству одного из учеников Тихонравова, на его лекциях происходил «буквально перекрестный допрос литературных памятников, писем, автобиографий и воспоминаний, записок и мемуаров, альманахов, черновых бумаг и т. п. Каждый факт проверяется другим, ни одна мелочь не обходится без строгой критической оценки»³.

Идеи культурно-исторической школы подготовили литературно-краеведческие концепции, сложившиеся в 20-е годы советского времени.

§ 2. СОВЕТСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ (1917— начало 1960-х годов)

Великая Октябрьская социалистическая революция всколыхнула творческие способности масс. Народ, ощутивший себя хозяином своей страны, обнаруживает огромный интерес к ее истории

¹ Кунгуров Г. Ф. Сибирь и литература. Иркутск, 1975, с. 183.

² Академические школы в русском литературоведении. М., 1975, с. 136.

³ Памяти Н. С. Тихонравова. М., 1894, с. 70.

и культуре. Исключительно бережно относится к памятникам старины Советское правительство. В 1918—1923 годах издается ряд декретов, в том числе и подписанных В. И. Лениным, о сохранении художественных ценностей и памятников старины, их учете и регистрации. В течение пяти лет было взято на учет 2350 отдельных памятников и 520 усадеб. В. И. Ленину принадлежит инициатива разработки плана монументальной пропаганды, который предусматривал установку памятников выдающимся деятелям общественной мысли, науки, литературы и искусства (в том числе А. И. Радищеву, А. И. Герцену, Т. Г. Шевченко, И. С. Никитину, А. В. Кольцову), создание мемориальных досок¹.

Бурно развивается краеведение во всех его видах и формах, в том числе литературное. Уже в первое десятилетие советской эпохи краеведение стало поистине массовым. В своей книге «Областные культурные гнезда» (1928) Н. К. Пиксанов пишет о «росте национальных и краевых движений Советской России» (с. 14), а академик Н. Я. Марр, один из больших энтузиастов краеведческой работы, говорит о краеведении как об общественно-народном движении, насыщенном «после Октябрьской революции энтузиазмом нового его понимания»². Журнал «Краеведение» отмечал в 1927 г., что «число краеведных организаций (музеев, кружков, ячеек) более чем удесятирилось (155 до 1917 г. и 1688 в 1927 г.)»³. Число членов различных краеведческих обществ достигло в 1927 г. 37 430 человек⁴. Краеведческое движение, как говорилось в журнале, «неизмеримо велико по сравнению с теми старыми, но немногочисленными организациями, которые существовали до революции»⁵. «Может ли краеведение в буржуазных странах перешагнуть через преграды профессиональных частнопредпринимательских или иных тайн?— говорил на заседании Центрального бюро краеведения в 1928 г. один из его руководителей П. Г. Смидович.— Нет! Только советское краеведение может полностью охватить познание края, которое является необходимой предпосылкой всего культурно-хозяйственного строительства, только советское краеведение может стать к о м п л е к с н ы м в истинном смысле этого слова»⁶.

У истоков советского краеведения стоял А. М. Горький. На III Всероссийской конференции по краеведению (1927) А. Н. Свободовым было прочитано полученное им письмо Горького, в котором писатель говорил о краеведении: «Постановка этого дела в России, наверное, очень удивила бы Европу»⁷. В том же 1927 г. Горький писал из Сорренто краеведу И. Алексееву: «На

¹ См.: Охрана памятников истории и культуры. Сб. документов. М., 1973.

² Краеведение. Л.— М., 1927, т. 4, с. 2.

³ Там же, с. 306.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 505.

⁶ Заседание Центр. бюро краеведения с участием М. Горького (12 июня 1927 г.). М., 1928, с. 10.

⁷ Краеведение, 1928, т. 5, с. 44.

серьезнейший Ваш вопрос о значении краеведения может быть дан лишь один ответ — краеведение — дело, значение которого не может быть преувеличено. ...Краеведение — большое дело. Я с великой радостью слежу за процессом его развития, вызванным к жизни той энергией, которую разбудила революция. Работа, сделанная краеведами Нижнего Новгорода, Рязани, Ярославля, уже значительна. Эта работа не только указывает нам пути к обогащению страны, но и, как всякая разумная работа, дает моральное удовлетворение, способствует быстрейшему росту чувства нашего человеческого достоинства, внушает нам веру в творческие силы нашего разума»¹.

В статье «О литературе» (1930) Горький призывал советских литераторов к освещению жизни «даже самых темных и отдаленных от центров культуры „медвежьих углов“», отмечая то обстоятельство, что старые русские писатели были знакомы по преимуществу с жизнью лишь центральных русских губерний. «Я не навязываю художественной литературе задач «краеведения», этнографии, — писал Алексей Максимович, — но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, — этот вопрос может быть поставлен»². В «Беседе с молодыми ударниками, вошедшими в литературу» Горький выражал радость по поводу появления крупных литературных сил в самых различных областях Советской страны, он многое сделал для развития и укрепления этих сил. Великий пролетарский писатель уделял большое внимание, к примеру, писателям-сибирякам, намеревался посвятить сибирской литературе один из сборников «Знание» в 1912 г. Как вспоминает писатель И. Г. Гольдберг, «М. Горький немало вложил своего участия в рост и создание сибирских литераторов и сибирской литературы. Еще задолго до революции, в годы царизма, М. Горький действительно помогал молодым сибирским писателям и молодой сибирской литературе»³. Аналогичные свидетельства содержатся в воспоминаниях сибирских литераторов В. Итина, М. Ошарова, Р. Эйхе. Еще в 1895 г. в «Самарской газете» Горький опубликовал рецензию на книгу Б. Глинского о Н. М. Ядринцеве, положительно оценив этот труд «о бескорыстном и светлом деятеле далекой Сибири, рыцарски честно работавшем всю свою жизнь для суровой родины»⁴.

Присущее советскому краеведению стремление к целостному, комплексному познанию родного края приводило к необходимости тщательного изучения его культуры и одного из важнейших ее слагаемых — художественной литературы.

В становлении советского литературного краеведения большую роль сыграли труды Н. К. Пиксанова. Еще до Октябрьской

¹ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т., т. 30, с. 37—38.

² Там же, т. 25, с. 250.

³ Гольдберг И. Воспоминания.— В кн.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1969, т. 1, с. 82.

⁴ См.: Литературное наследство Сибири. Новосибирск, 1979, т. 4, с. 5—6.

революции в книге «Три эпохи» (1913) он заговорил об изучении «областных культурных гнезд», рассмотрев в качестве примера Воронежское культурное гнездо и выделив в нем имена А. В. Кольцова, И. С. Никитина. Раздел «Областные культурные гнезда» был включен в книгу «Два века русской литературы» (1923), где речь шла о группе культурных гнезд: на русском Севере (по связи с М. В. Ломоносовым), в Ярославском, Харьковском, Казанском, Воронежском, Нижегородском, Саратовском, Самарском уездах.

В 1928 г. вышла книга Пиксанова «Областные культурные гнезда (историко-краеведный семинар)». Отмечая «рост национальных и краевых движений» в молодой Советской стране, автор книги призывал к «топографической дифференциации» в изучении отечественной культуры, к изучению исторически сложившихся «культурных гнезд», приводя в качестве примеров Москву, Петербург, русский Север, Ярославль, Воронеж, Саратов, Самару, Иркутск, Казань. Исследователь дал определение «культурного гнезда», предложив понимать под этим термином «не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное единение их между собою, некоторое органическое слияние»¹. Такими культурными явлениями могут быть, по мысли автора, литературные кружки, хороший театр, благоустроенные гимназии или другие учебные заведения с даровитыми педагогами, публичная библиотека, народный университет, кружки самообразования, местное научное общество.

Указанные культурные явления можно объединить в пять групп: просвещение (школы, университеты, другие учебные заведения); местная печать; театр; искусство (музыка, пластика, поэзия); социально-экономические явления (социология культурной жизни, экономика). Как полагает автор книги, изучение «культурных гнезд» дает науке многое: «Когда талантливый питомец областного гнезда является в столичную культуру и приобретает в ней крупное значение, мы изучаем его творчество по его плодам, плохо угадывая корни и почву. Только краевед объяснит нам происхождение этого деятеля культуры и поможет уловить в новом столичном деятеле своеобразные особенности, наложенные на него его происхождением. Не только отдельный деятель, но целое культурное гнездо в своем происхождении, расцвете, замирании, вкусах и тенденциях будет понято наиболее полно и глубоко только в свете социально-экономических изучений»². Из таких талантливых питомцев «областных гнезд» Пиксанов называет М. В. Ломоносова (по связи с русским Севером), А. В. Кольцова и И. С. Никитина (по связи с Воронежем), С. Т. Аксакова (по связи с Казанью), Н. В. Гоголя (по связи с Украиной) и других.

Стремясь к широкой постановке проблемы, Пиксанов проследил черты «областной дифференциации» культуры не только в Рос-

¹ Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.—Л., 1928, с. 60.

² Там же, с. 69.

сии, но и в странах Западной Европы, обратив внимание на специфику их проявлений в каждой из этих стран: в Германии и Италии децентрализация культуры выражена в гораздо большей степени, чем во Франции.

Автор книги не ограничился постановкой вопросов теоретического характера, — он включил в нее обширный список тем с библиографией по каждой из них, дав тем самым прообраз многих литературоведческих «семинариев», появившихся в последующие годы. Таким образом, книга Пиксанова счастливо сочетала глубину теоретических положений с конкретным руководством к их практическому применению, нацеливала на разработку новых материалов, на практическую деятельность по изучению многочисленных «культурных гнезд» страны. От этой книги идут два основных направления в литературном краеведении последующих лет: собирание, накопление фактов и теоретическое осмысление их, разработка методологических проблем.

При всей оригинальности, новизне и свежести поставленных проблем пиксановская книга не была лишена спорных, а подчас и весьма уязвимых моментов.

В ней оказался преувеличенным краеведческий принцип в изучении литературы, в иных случаях он проводился исследователем излишне прямолинейно. Это было тогда отмечено Н. Ф. Бельчиковым¹.

На книге Пиксанова лежит печать времени, определенного уровня развития литературоведения, ныне далеко превзойденного. Жизнь внесла много нового в проблему взаимоотношений «областного культурного гнезда» и «столичной культуры», приобщение к благам образования широких многомиллионных масс трудящихся существенно стерло разницу между «областной» и «столичной» культурами, периферией и крупными центрами. Тем не менее и сейчас эта книга сохраняет свое большое научное значение, в свое же время она оказала весьма благотворное воздействие на развитие литературного краеведения. Об этом писали тогда И. М. Гревс, М. П. Сокольников². Книга Пиксанова, по мнению Сокольниковой, «укрепила краевых деятелей в научной плодотворности литературоведческих разысканий на местах. В этой книге с большой тщательностью, с привлечением обильнейших материалов, впервые научно обосновывалась проблема областного культуроведения и намечались пути к практическим работам по изучению художественной культуры края. Книга Н. К. Пиксанова дала хорошую творческую зарядку, и ее появлением значительно облегчилось теоретическое постижение новых методов в литературоведческих изысканиях. ...Но все же книга Н. К. Пиксанова не да-

¹ См.: Бельчиков Н. Ф. Н. К. Пиксанов. «Областные культурные гнезда». — Печать и революция, 1928, № 3, с. 159.

² См.: Гревс И. М. Очередная задача краевого литературоведения. Краеведение, т. 5, № 6; Сокольников М. П. Литературоведение на местах и учительство. К проблеме локального (краеведческого) метода. — Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 4—5.

вала еще специального методологического обоснования в разработке местной литературы»¹.

В самом деле, затрагивая литературоведческую проблематику, давая своего рода руководящую нить в руки литературных краеведов (изучение «корней и почвы», на которых расцвел талант писателя, тех многообразных влияний, которые оказал на него родной край), — в этом и состоит прежде всего непреходящее значение пиксановской концепции «областных культурных гнезд», — написанная крупным специалистом-литературоведом, работа Пиксанова ориентировала, в основном, на культуроведение. В этом была своя закономерность: изучение «областных культурных гнезд» и следовало начинать в широком, синтетическом, общекультурном плане. Проблемы же собственно литературоведческие, неизбежно вставшие в ходе такого изучения, требовали своей дальнейшей специальной разработки.

Н. К. Пиксанов, сыгравший значительную роль в становлении советского литературного краеведения, не был единственным крупным ученым, кто еще в 20-е годы разрабатывал литературно-краеведческую проблематику.

Пиксановскую идею «областных культурных гнезд» поддержал П. Н. Сакулин. Обосновывая свой метод понимания литературных явлений и называя его историко-социологическим, Сакулин говорил о социальных и культурных слоях историко-литературного процесса. По его мнению, «русская литература в любой исторический момент одновременно представляет несколько слоев, лежащих друг над другом»². Эти слои совпадают, но не всецело, с сословно-классовым членением страны, соответствуя, точнее, ступеням культурного развития. «По отношению к новому периоду, — пишет ученый, — речь может идти, по крайней мере, о трех пластах: верхнем, наиболее культурном, среднем, малокультурном («мещанском») и низшем, «народном». ...Общая картина литературной жизни может приобрести научную полноту лишь тогда, когда мы синтетически изучим это многоярусное построение литературы. К сожалению, литература малокультурных слоев почти не подвергалась систематическому обследованию»³. Не ставя перед собой задачи критического анализа сакулинской концепции, испытавшей воздействие вульгарного социологизма⁴, обратим внимание на проявившееся в ней стремление к тщательному, конкретному изучению литературного процесса, — не только в его вершинных проявлениях, но и в явлениях второстепенных.

Сакулин считал необходимым изучение того, что он называл «литературной жизнью». «В состав этого понятия, — писал он, —

¹ Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 4—5, с. 46.

² Сакулин П. Н. Русская литература (социолого-синтетический обзор литературных стилей). М., 1928, ч. 1, с. 11.

³ Там же.

⁴ См. об этом в статье: Фридлиндер Г. М. Основные этапы советского литературоведения. — В кн.: Советское литературоведение за 50 лет. Л., 1968, с. 83—84. См. также: Николасов П. А. Марксистско-ленинское литературоведение. М., 1983, с. 122—128.

разумеется, входят литературные произведения, литературные направления и сами художники слова. Но вокруг произведений и писателей образуется особая атмосфера, особая жизнь: рядом с писателем стоят читатели, критики и теоретики. Их общим со-творчеством и создается литературная жизнь, как единый процесс, достойный стать предметом синтетического изучения»¹. Большое значение он придавал познанию генезиса художественного произведения. Исследователь, по словам Сакулина, должен «генетически развернуть творческую историю произведения, начиная с момента его зарождения в творческом сознании писателя, продолжая всеми последовательными стадиями творческой работы и кончая созданием последней редакции, в которой знают произведение уже все читатели. Эта задача требует знания внешних и внутренних фактов творческой жизни писателей. Таким путем устанавливается органическая связь между автором и его творением»².

Сакулинское представление о «литературной жизни» и необходимости ее синтетического изучения, об «особой атмосфере», окружающей писателя и его творчество, о важности познания творческой истории художественного произведения, «внешних и внутренних фактов творческой жизни писателей» в известной мере соприкасается с пиксановской теорией «областных культурных гнезд». У Сакулина это представление дано в общем плане, у Пиксанова — применительно к различным областям и регионам страны. Сакулин поставил — в теоретическом плане — проблему изучения литературной жизни в ее многообразии и многослойности, не дав, в отличие от Пиксанова, примеров конкретной разработки проблемы. Однако и сама общая постановка вопроса явилась стимулом развития литературного краеведения, как и внимание ученого к второстепенным литературным величинам, к разнообразным факторам, воздействующим на творческую историю художественного произведения. Во многих литературно-краеведческих работах тех лет мы находим ссылки на исследования Сакулина, на его концепцию.

Литературно-краеведческий принцип применительно к изучению устной словесности утверждался в трудах такого ученого, как Н. Л. Бродский, говорившего о том, что «изучение местного края, в частности его устно-поэтического достояния, выдвинулось за последние годы как отчетливо обозначившаяся культурная задача новой России»³. Горячим поборником литературно-краеведения был М. К. Азадовский, много сделавший для изучения литературы Сибири. В своей книге «Очерки литературы и культуры Сибири» (Иркутск, 1947) он приводит слова Л. Н. Тол-

¹ Сакулин П. Н. Русская литература (социолого-синтетический обзор литературных стилей). М., 1928, ч. 1, с. 12.

² Сакулин П. Н. Методологические задачи историка литературы. — Печать и революция, 1925, кн. 1, с. 100.

³ Бродский Н. Л., Гусев Н. А., Сидоров Н. П. Русская устная словесность (историко-литературный семинарий). Л., 1924, с. 6.

стого о том, что художественное творчество не есть только творчество столицы, а также высказывание Горького о необходимости обратить внимание на литературу областей, учесть ее значение как организатора культуры. «Как прямое следствие из этих слов, — пишет Азадовский, — вытекает задача изучения культурной жизни нашей провинции и учета исторического значения областных литератур» (с. 3).

В 1926 г. в 9-м сборнике «Родной язык в школе» со статьей «О краеведческом принципе истории литературы» выступил Н. Н. Фатов. Он писал о том, что изучение истории литературы необходимо вести конкретно, во всей ее сложности и во всем ее многообразии. «Самой неотложной задачей, — писал Фатов, — должно явиться прежде всего собирание материалов для истории провинциальной литературы в самом широком разрезе, вплоть до самых глухих центров» (с. 22). Лишь после большой подготовительной работы будет возможен подлинно научный анализ закономерностей историко-литературного развития. На примере города Твери Фатов предлагал обширную программу изучения литературной жизни края, привлекая при этом материалы из смежных областей культуры (истории периодической печати, театра, просвещения и т. д.).

В самом деле, повсеместное собирание фактического материала, касающегося жизни множества «областных культурных гнезд» в прошлом и настоящем, стало в те годы едва ли не первоочередной задачей. О необходимости сохранить редкие старинные книги, часто пропадавшие без присмотра в разных бывших усадьбах, частных домах и т. д. писал Ю. Соколов¹. О важности и ценности архивных документов, которые «могут дать богатый биографический материал, касающийся различных деятелей науки, литературы и искусства», — П. С. Богословский². О разрывании серьезной библиографической работы на местах — П. П. Макаров³. О выявлении и учете краеведческих материалов в провинциальных газетах — Л. К. Ильинский⁴. Усиленная собирательская работа развернулась в Сибири, Нижнем Новгороде, Воронеже, Перми, Ярославле, Туле, Рязани, Орле, Владимире, Иваново-Вознесенске и других городах.

Никитинский музей Воронежа обратился с просьбой к уездным музеям и местным краеведам об оказании ему помощи в собирании материалов по художественной литературе, рекомендуя пользоваться приложенной программой⁵. П. С. Богословский опубликовал статью «Пермский край в историко-литературном от-

¹ См.: Соколов Ю. Об охране книжных ценностей на местах. — Краеведение, 1923—1924, т. I, № 1—4.

² Богословский П. С. О научно-краеведческом значении консисторских архивов — Краеведение, 1926, т. 3, № 1—4, с. 528.

³ См.: Макаров П. П. Роль местных библиотек в краеведении. — Краеведение, 1923—1924, т. I, № 1—4.

⁴ См.: Ильинский Л. К. Местная пресса и краеведение. — Там же.

⁵ См.: Программа для собирания материалов и сведений о художественной литературе местного края. Воронеж, 1925. В нее входят: 1. «Устная словесность»; 2. «Рукописная старая и новая литература (сведения об авторах произведений, не попавших в печать, о литературных кружках, влиянии их на местную жизнь)»; 3. «Печатная литература (биографические сведения об авторах, перечень их произведений, литературные кружки, журналы, газеты)».

ношении»¹, заложившую основу изучения литературного прошлого Пермского края. Н. П. Анциферов в работе «Как изучать свой город» (1929) развернул перед педагогами-краеведами, которым адресована книга, свою программу изучения «культурного гнезда»: составление библиографических словарей, соби́рание материалов, в которых в художественной форме отразился город (картины, художественная проза, стихи, песни), соби́рание сведений о местах города и его окрестностях, связанных с жизнью и творчеством выдающихся деятелей культуры, соби́рание сведений о тех фактах в жизни города, которые запечатлены в творчестве писателей, в картинах художников. Заметный вклад в изучение нижегородского «областного культурного гнезда» внес А. Н. Свободов².

В ряде городов выходят краеведческие сборники, в которые включаются и материалы историко-литературного характера. В 1925 г. Тульский губисполком издал сборник «По Тульскому краю», куда вошли очерки о ряде писателей. Сборник получил в то время высокую оценку³. В 1926 г. вышел сборник «Наш край», изданный в Иваново-Вознесенске. Наряду со статьями и документами по истории, экономике края в него включены очерки, рассказы и повести Ф. Д. Нефедова, П. Зарубина, А. А. Потехина, Д. А. Фурманова и других писателей, имевших отношение к Ивановскому краю.

Собранный усилиями многих краеведов фактический материал требовал анализа и осмысления, со всей серьезностью вставляли проблемы методологического характера. «Как подходить к этому огромному, совершенно почти непочатому резервуару местной литературы? Что важно для историка в творчестве местных писателей, как разграничить областное и общелитературное их значение? — ставил вопросы М. П. Сокольников в своей статье «Литературоведение на местах и учительство». — Крайне любопытно, что литературоведческая мысль местных исследователей за последнее время все настойчивее обращается именно к разрешению вопросов методологии в изучении краевой литературы. Стало очевидным после десятилетий изыскательской работы, что дальнейшее успешное продвижение местного литературоведения будет много зависеть от методологической ясности»⁴.

Сравнивая степень разработанности методологических проб-

¹ Экономика. Пермь, 1925, № 2—3. Ряд фактов историко-литературного характера, связанных с Пермским краем, тот же автор опубликовал в Пермском краеведческом сборнике 1926 г.

² См. его работы: Краеведные основы в творчестве М. Горького. В сб.: Заседание Центр. бюро краеведения с участием М. Горького. М., 1928, а также статью «В Нижнем Новгороде на заре XX века (к характеристике культурного и литературного гнезда)» в Нижегородском краеведческом сборнике (Труды Новгородского пединститута, Нижний Новгород, 1924, т. 1).

³ В рецензии И. С. Абрамова он характеризовался как «один из интереснейших краеведческих сборников, вышедших за последнее время» (Краеведение, 1926, т. 3, с. 285). М. П. Сокольников писал о нем: «Материалы подобраны очень любовно, и, пользуясь им, преподавателям-тулякам нетрудно будет... составить маршруты местных экскурсий и наметить темы к ним. Статья о Глебе Успенском (ее автор — тульский краевед М. А. Дружинин.— Н. М.) очень помогает в распознавании социально-экономического фона растеряевщины» (Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 4—5, с. 60).

⁴ Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 4—5, с. 44.

лем в области литературного краеведения и краеведения исторического и отмечая их большую разработанность в историческом краеведении, Сокольников приходит к выводу, что обоснование «локального метода» в литературоведении — дело будущего, дело коллективной мысли, пока же, на основании накопленного материала, можно говорить лишь о некоторых чертах этого метода. «Локальный метод», по мнению автора статьи, «ведет к истокам первоначальных творческих впечатлений писателя — к его краю и тем местам, с которыми автор связывается в своей жизни и деятельности»¹, конкретизирует познание творческой истории произведения (прототипы, этнографически-бытовой аксессуар), привлекает внимание историка литературы к изучению писателей второстепенных и забытых, проводит разграничение роли отдельных писателей в общем литературном процессе и в пределах своего края, устанавливает наличие своеобразной традиции в местных литературах, способствует изучению «малых форм» литературы (очерки, наброски, путешествия и т. д.).

Статья Сокольников, как и многие другие работы того времени, не лишена налета вульгарного социологизма (особенно в излишне прямолинейных суждениях о воздействии местных влияний на классовую сущность писателя), с иными его суждениями и формулировками трудно согласиться, но она интересна и ценна своей нацеленностью на решение теоретических вопросов. В этом отношении она не потеряла своей актуальности и в наши дни, ибо и поныне степень разработанности теоретических основ литературного краеведения оставляет желать лучшего. Некоторые наблюдения автора (об истоках первоначальных творческих впечатлений, о воздействии на писателя многообразной жизни края, о конкретизации познания творческой истории произведения, об изучении второстепенных и забытых писателей, о наличии традиций в литературе края) весьма точны, многое в них не поколеблено временем. Сокольников ставит существеннейшую проблему решающего значения в художественном творчестве таланта писателя, масштабы его дарования, видя в других обстоятельствах (место рождения, время пребывания в крае) факторы второстепенные: А. А. Бестужев-Марлинский, В. Г. Короленко, В. Я. Шишков, не будучи сибиряками, писали о Сибири лучше, чем многие сибирские писатели, и оказали большее, чем они воздействие на развитие сибирской литературы.

Сокольников поднимает проблему соотношения общего литературного процесса и «местной литературы». По его мнению, «трудно дать общую сводную историю литературы того или иного края. Это была бы в значительной степени искусственная, наивная задача, потому что литературу отдельных губерний никак нельзя оторвать от общего культурного движения страны. Проследить исторические смены отдельных литературных групп и направлений, дать схему некоторого органического развития

¹ Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 4—5, с. 53.

губернской литературы совершенно невозможно, пользуясь краевыми рамками. В этой литературе трудно подметить ту или иную преемственность в деятельности писателей... Однако местные произведения в своей совокупности иногда позволяют наметить и некую своеобразную местную литературную традицию... В окраинных областях и смешанных по национальностям районах наличие таких специфических уклонов в области тематики, содержания и формы произведений сказывается порой весьма рельефно¹. В таких случаях, как полагает Сокольников, возможно изучение местных литератур, в какой-то мере абстрагированное от изучения литературы общенациональной (например, литература Сибири), в целях уяснения сложного состава этой общенациональной литературы.

Сокольникову, как он сам признавал это, удалось наметить лишь некоторые стороны методологии литературного краеведения. Другие исследователи вносили свой вклад в ее разработку.

Проблема «источков» творчества писателя как важнейшая для «локального» подхода к литературе привлекла А. Н. Свободова. Для их изучения необходимо всестороннее познание края, с которым связан писатель, его экономики, природы, географии, истории, культуры, литературной жизни. «...Все это необходимые элементы для объяснения «источников творчества», — говорил Свободов в докладе на заседании Центрального бюро краеведения, — и здесь, только в этой области круга вопросов, не претендуя ни на что другое, локальный метод окажет литературоведению очень важную пользу»².

Интересные соображения по проблеме географических границ «областного культурного гнезда» высказал А. М. Путинцев. По его мнению, они могут не совпадать с границами административными; они определяются «границами культурного тяготения вообще, а литературного в особенности — к местному (может быть, даже и не губернскому) центру. Так, понимая Воронежский край с его центром в г. Воронеже, мы самую его территорию ограничиваем северною половиною губернии с привнесением южных районов Тамбовской губернии, тяготеющих в XVIII—XIX веках в литературном отношении именно к Воронежу»³. Понятие «край» в литературном краеведении, совпадая, в основном, с современным административно-географическим понятием «область», имеет относительную самостоятельность, которая определяется исторически сложившимися условиями литературной жизни той или иной местности.

Значительное количество работ по литературному краеведению принадлежит Н. П. Анциферову. С его точки зрения, задача литературного краеведа состоит в том, чтобы «найти материал, в

¹ Родной язык и литература в трудовой школе, 1928, № 4—5, с. 51—52.

² Заседание Центр. бюро краеведения с участием М. Горького. М., 1928, с. 18.

³ Путинцев А. М. Краевая художественная литература (собрание, изучение, экспозиция). Воронеж, 1929, с. 6.

котором отражен край в художественной форме, в котором творческая интуиция привела к «видению целостного образа» многоликого края, или же к познанию одного из его ликов (обличий)»¹. Для воссоздания «целостного образа» края важны не только собственно художественные произведения, но и мемуары, дневники, письма, путевые заметки. Свидетельства старожилов и заезжих людей в этом случае дополняют друг друга, способствуют познанию края с разных сторон. Вопрос об изучении воссоздания в художественной форме целостного облика края, поставленный в работах Анциферова, не устарел и поныне: в числе других задач, решаемых литературными краеведами, стоит и задача познания специфики своего края, его «лица необщего выраженья», уловленного писателями и воплощенного в их произведениях.

Анциферов предостерегал литературных краеведов от наивно-го, прямолинейного понимания художественного отражения действительности, говорил о серьезности проблемы правды и вымысла в создании художника, касался вопроса о психологии творчества. «Впечатления действительности, — писал он, — выходят из лаборатории творчества в коренной переработке, в особом освещении. Художественная правда освещает в жизни многое столь существенное, без чего наше знание уже обойтись не может. Краеведение, стремящееся к целостному знанию, должно ознакомиться и с «особым освещением», которое рождается в лаборатории художественного творчества»².

Для понимания психологии творчества, по мысли Анциферова, краеведам многое может дать опыт изучения воссоздаваемой в произведениях местности такими писателями, как Гоголь, Мельников-Печерский, Короленко. Анциферов справедливо говорил об особой важности изучения отражения жизни края в творчестве писателя, того «местного колорита», который он видел как у писателей XIX в., так и у советских — Федина, Леонова, Каверина.

Несомненное достоинство работ Анциферова — усиление литературоведческой проблематики в литературном краеведении. Он высказал интереснейшую мысль о том, что литературное краеведение может привести «к выявлению еще не освещенных сторон творческой личности наших писателей»³, попытался выявить своеобразие творческих индивидуальностей двух очень различных по своим творческим манерам писателей-современников путем сопоставления их произведений, созданных на жизненном материале одного и того же края (Московская область): романа «Чертухинский балакирь» С. Клычкова и «Родины Берендея» М. Пришвина.

Анциферов внес существенный, хотя и не во всем бесспорный, вклад в теорию и практику литературно-краеведческих экскурсий⁴.

¹ Анциферов Н. Беллетристы-краеведы (вопросы о связи краеведения с художественной литературой). — Краеведение, 1927, т. 1, с. 32.

² Там же, с. 34—35.

³ Там же, с. 46.

⁴ См., например, его работы: «Душа Петербурга» (1922); «О методах и типах историко-культурных экскурсий» (1923); «Петербург Достоевского» (1923); «Быль и миф Петербурга» (1924); «Как изучать свой город» (1929).

Их главное назначение, по его мнению,— содействие углубленному прочтению художественного произведения, вхождению в неповторимый мир его идей и образов. «Внимательное посещение тех мест, которые, с одной стороны, влияли на душу писателя, с другой, быть может, непосредственно переломились в его творчестве,— писал он,— окажет, при известных условиях большое содействие постижению художественного произведения»¹. Экскурсии — не просто ознакомление с городом и его достопримечательностями. «Экскурсия должна быть постепенным покорением города познанию экскурсантов», — писал Анциферов². Русские писатели, «каждый в свое время, отмечали определенный момент в истории души города»³: есть Петербург Державина, Вяземского, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Некрасова, Гончарова, Достоевского, у каждого из них Петербург имеет свои особые черты. Трудно принять термин «душа города», приобретающий у Анциферова явно идеалистическую окраску, но стремление Анциферова отойти в проведении литературно-краеведческой экскурсии от поверхностного знакомства с достопримечательностями, сделать ее средством открытия новых сторон личности писателя, мира его идей и образов, мысль о том, что экскурсовод должен глубоко прочувствовать колорит города, внимательнейшим образом изучить художественные произведения, в которых этот колорит запечатлен, превратить саму экскурсию в явление искусства,— все это звучит весьма актуально и в наши дни, время небывалого «экскурсионного взрыва». «Нужно вжиться в цельное произведение и ощутить запечатленное в нем дыхание Петербурга», — писал Анциферов. — Только тогда имеет смысл приступить к построению экскурсии... Нужно совершить ряд предварительных разведок, нужно самому узнать в нашем городе по образам... черты Петербурга Достоевского, чтобы дополнить их опытом собственных наблюдений и переживаний»⁴. Экскурсии, по мысли Анциферова, призваны открыть необычное в обычном. «Эстетические экскурсии по городу и его окрестностям могут содействовать развитию умения находить красоту в самом простом, невзрачном и, главное, привычном. ...Каждый город в этом смысле может дать исследовательскую задачу: найти красоту, только ему присущую»⁵.

В 30—40-е годы появляется немало работ литературно-краеведческого характера различных типов (обзорного характера, библиографические указатели, сборники воспоминаний и т. д.). В 1930 г. в Москве выходит работа Ивана Белоусова «Писательские гнезда» с описанием московских и подмосковных мест, связанных с жизнью и деятельностью известных писателей (Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, Гоголя, Сухова-Кобылина, Герцена, Островского, Льва Толстого, Достоевского и других), в 1933 г. в Новосибирске — сборник статей «Старая сибирская сатирическая поэзия» (сост. Б. Жеребцов), в 1934 г. в Саратове — библиографический указатель А. В. Сушицкого «Саратов в беллетристике», в 1935 г. в Горьком — сборник воспоминаний «М. Горький на родине» (сост. А. И. Елисеев), в

¹ Анциферов Н. Петербург Достоевского. Пг., 1923, с. 15—16.

² Он же. Душа Петербурга. Пг., 1922, с. 19.

³ Там же, с. 39.

⁴ Он же. Петербург Достоевского. Пг., 1923, с. 63.

⁵ Он же. О методах и типах историко-культурных экскурсий. Пг., 1923, с. 9.

1940 г. в Иркутске — библиографический справочник «Сибирский литературный календарь», в 1941 в Куйбышеве — книга К. А. Селиванова «Русские писатели в среднем Поволжье (элементы краеведения в преподавании литературы)», в Калининне — сборник «Писатели Тверской губернии», в 1942 г. в Казани — книга Н. Ф. Калининна «Пушкин в Казани», в этом же году в Москве — сборник «Ясная Поляна (статьи и документы)».

Огромную роль в собирании материала литературно-краеведческого характера играли музеи, краеведческие и особенно литературные, возникшие в первые годы Советской власти и в последующее время (мемориальные музеи-заповедники, музеи-квартиры и другие). Постоянная собирательская работа проводилась в музеях Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и Москве, И. С. Тургенева в Орле, в Абрамцеве под Москвой, Н. Г. Чернышевского в Саратове, Ф. И. Тютчева и Е. А. Баратынского в Муранове, А. П. Чехова в Москве и Ялте, А. С. Пушкина в Михайловском и других. В Ясной Поляне история усадьбы, как пишет Э. Е. Зайденшнур, «изучалась по писцовым и переписным книгам XVII—XVIII столетий и по ревисским сказкам. В Тульском областном архиве изучались документы, характеризующие землевладения Волконских и Толстых. Подбирался материал к истории мемориальных зданий на усадьбе. Одновременно велась работа по изучению генеалогии крестьян Ясной Поляны, в результате чего был собран материал о людях, изображенных в художественных произведениях Толстого¹. Государственный музей И. С. Тургенева в Орле в 30-е годы расширил свою экспозицию, в 1937 г. его филиалом стало Спасское-Лутовиново, бывшая родовая тургеневская усадьба, и это весьма благоприятно сказалося на развитии Спасского-Лутовинова как музейного и культурного центра. С помощью Наркомпроса и Тургеневской комиссии при Союзе писателей коллектив музея начал работу по сбору материалов для реконструкции усадебного дома писателя, восстановлению парка. В музее осуществлялась самая разнообразная собирательская, просветительская, реставрационная деятельность².

Работа в области литературного краеведения продолжалась и в грозные годы Великой Отечественной войны, иногда в сложнейших условиях. Главным ее стимулом было высокое чувство советского патриотизма, стремление спасти и сохранить культурные ценности, уничтожавшиеся фашистскими варварами, вдохновить народ на борьбу с врагом. «Молодой боец, находясь на фронте, защищает свой родной край, свой родной кров, свой семейный очаг,— писал в 1943 г. Ю. В. Андропов.— Воспоминания о родном крае придают силы воину, и чем лучше он будет знать и любить свой край, тем сильнее он станет разить врага³.

Изменился характер работы, резко сократилось количество литературно-краеведческих изданий, но и в это время выходили книги и статьи о связях писателей с родным краем, об этом читались лекции, устраивались выставки, вечера в библиотеках, клубах, музеях, учебных заведениях, красных уголках, избах-читальнях. В июне 1942 г. в Перми состоялась литературная конференция «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», одним из активных участников и организаторов которой был писатель П. П. Бажов⁴.

¹ Зайденшнур Э. Е. Ясная Поляна в годы Советской власти.— В кн.: Ясная Поляна (статьи и документы). М., 1942, с. 119.

² См. об этом в кн.: Государственному музею И. С. Тургенева: 60 лет. Орел, 1968.

³ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи, с. 27.

⁴ См. об этом: Шарц А. Уральская литература.— Литературная Россия, 1979, 26 янв.

Спасское-Лутовиново. Реставрированный мемориальный Дом-музей И. С. Тургенева.

На территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, оказался ряд литературных мемориальных музеев, и в их числе Михайловское, Ясная Поляна, музей И. С. Тургенева в Орле. Сорок пять страшных дней находились фашисты в Ясной Поляне и, покидая ее, подожгли дом Л. Н. Толстого, который был спасен благодаря самоотверженным усилиям музейных сотрудников, колхозников, школьников. Однако музей оживленно работал как до оккупации, так и после нее. Вот страница из дневника музея первых месяцев войны: «Музей наводнен посетителями из бойцов-красноармейцев. Смотрят, слушают рассказ экскурсовода о Толстом... Во второй половине дня объявлена тревога, налет на Тулу, слышится гул зенитных орудий. Экскурсия не прерывается. Как-то особенно выразительно звучит рассказ о «Войне и мире», Отечественной войне, Бородинском бое, героизме русского народа под гул... моторов и выстрелы зенитной артиллерии»¹. Фашисты были изгнаны из Ясной Поляны в середине декабря 1941 г., а уже 1 мая 1942 г. музей был открыт для посетителей. «Посетителей пропасть и чудесные — главным образом — Красная Армия, — писала в октябре 1942 г. С. А. Толстая-Есенина. — За три месяца прошло более 10 тысяч человек. Я радуюсь всему этому, потому что эта работа — какая-то ча-

¹ Архангельская Т. Н. В дни Великой Отечественной войны. — Яснополянский сборник. Тула, 1968, с. 45.

стица участия в обороне. И видимо важная и нужная часть»¹. Сотрудники музея проводили доклады и вечера, посвященные Толстому и Ясной Поляне, в землянках, в расположениях воинских частей, напряженная работа прерывалась сигналами воздушной тревоги, гулом немецких бомбардировщиков.

Орловский музей И. С. Тургенева был эвакуирован в Пензу, в здании Пензенского краеведческого музея организовывались лекции о Тургеневе, посвященные ему литературные вечера, выставки-передвижки, обслуживались десятки тысяч трудящихся на предприятиях, в колхозах, учреждениях, госпиталях. Сразу же после освобождения Орла Тургеневский музей возвратился на родину, в кратчайшие сроки были восстановлены помещение и экспозиция. «Среди руин разрушенного города музей И. С. Тургенева лишний раз напоминает нам о том, что русский народ непобедим», — говорится в одной из записей Книги отзывов музея за 1944 г.²

Литературное краеведение оживает в послевоенные годы. Выходят новые работы о связях писателей с краем, расширяется их география — Оренбуржье, Ульяновск, Пенза, Вологда, Чистополь, Калинин, Саратов, Кострома, Куйбышев, Новгород, Казань, Мордовия, Якутия, Чувашия, Кубань и т. д. Ряд работ посвящается связям писателей с Москвой и Ленинградом, весьма оживленно работают литературные краеведы Сибири. В краеведческом аспекте изучаются жизнь и творчество многих русских писателей: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. Г. Чернышевского, А. П. Чехова, А. М. Горького и других³. Успешно разрабатываются научные основы школьного литературного краеведения⁴. Появляются серьезные библиографические работы литературно-краеведческого характера, в создании которых главная роль принадлежит областным библиотекам⁵.

Постановлением ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» (сентябрь 1959 г.), приказом министра культуры СССР от 10 октября 1959 г., утверждением нового Устава областной библиотеки определяется ведущая роль областных, краевых, республиканских (АССР) библиотек в развитии краеведческой библиографии. Они становятся центрами библиографической краеведческой работы в областях и краях, организуют справочно-библиографический аппарат, издают библиогра-

¹ Архангельская Т. Н. В дни Великой Отечественной войны. — Яснополянский сборник. Тула, 1968, с. 57.

² Государственному музею И. С. Тургенева 60 лет. Орел, 1968, с. 7.

³ См. раздел «Литературное краеведение» в кн.: История Русской литературы XIX века. Библиографический указатель/Под ред. К. Д. Муратовой. М.—Л., 1962, с. 93—95. Краткая библиография литературно-краеведческих изданий дана в кн.: Янко М. Д. Литературное краеведение. М., 1965, с. 187—192.

⁴ См.: Ставровский А. Е. Краеведческая работа в школе. М., 1954; Куприяновский П. В. Литературное краеведение в школе. Иваново, 1955; Янко М. Д. Внеклассные занятия литературным краеведением (в помощь учителю). Курган, 1957.

⁵ См.: Писатели советского Дона (библиографический справочник). Ростов-на-Дону, 1949, вып. 3; Г. И. Успенский (библиографическая памятка). Тула, 1952; Сибирь в художественной литературе (указатель литературы Западной и Восточной Сибири). Новосибирск, 1953; Некрасов и Ярославский край (указатель литературы). Ярославль, 1959, и др.

фические пособия краеведческого содержания, проводят систематическую справочно-библиографическую и информационную работу с краеведческой литературой. Возникают секторы, на которые возлагаются обязанности по руководству краеведческой работой в пределах зоны, ряда прилегающих областей (Новосибирская, Ростовская, Свердловская, Иркутская, с 1977 г.— Тульская областная библиотека им. В. И. Ленина).

Все это создавало благоприятные условия для дальнейшего развития литературного краеведения на местах.

§ 3. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ (60-е —80-е годы)

Небывалый подъем литературного краеведения связан с благотворными переменами в жизни нашей страны, с возрастанием руководящей роли партии в период развитого социализма, ее непреклонной волей соблюдать и развивать ленинские нормы партийной жизни и принципы руководства, смело и решительно устранять все то, что мешает творческой созидательной деятельности партии и народа, движению страны к коммунизму. Этот подъем вызван в культурном строительстве, происходящим в нашей стране в небывалых масштабах, неустанной заботой Ленинской партии о коммунистическом воспитании трудящихся, формировании нового человека. Важность этой задачи подчеркивалась на XXVI съезде КПСС, на июньском (1983 г.) и последующих Пленумах ЦК КПСС. «Чтобы советское общество уверенно двигалось вперед, к нашим великим целям,— говорилось на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС,— каждое новое поколение должно подниматься на более высокий уровень образованности и общей культуры, профессиональной квалификации и гражданской активности. Таков, можно сказать, закон социального прогресса»¹.

Небывалый подъем краеведения (в том числе и литературного) в 60-е —80-е годы затронул все его формы: государственное (музеи, местные Советы народных депутатов, научно-исследовательские учреждения), школьное и общественное, представленное многочисленными любителями родного края.

Свыше трехсот литературно-мемориальных музеев насчитывается в нашей стране. Музеи собственно литературные (например, Государственный литературный музей в Москве, музей Института русской литературы АН СССР (Пушкинского Дома) в Ленинграде), мемориальные музеи-заповедники, подобные Михайловскому, Ясной Поляне, Спасскому-Лутовинову, Тарханам, Карабихе, музей-квартиры писателей (последняя квартира Пушкина и квартира Некрасова в Ленинграде, дом Л. Толстого в Хамовниках в Москве, «Домик Лермонтова» в Пятигорске, дом-музей Горького в Казани и другие) сосредоточивают огромное

¹ Материалы Пленума ЦК КПСС. 10 апреля, 1984 г. М., 1984. с. 16

количество материалов литературно-краеведческого характера, систематически ведут поиск новых документов. Каждый из таких музеев стал не только «подлинным центром культуры на местах, важным источником знаний и воспитания подрастающего поколения»¹, но и своеобразным центром активной литературно-краеведческой работы в самых разнообразных ее формах, в том числе и в публикациях (путеводители, статьи, книги, сборники). Литературные отделы имеются в краеведческих музеях, создаются и народные литературные музеи на общественных началах, школьные литературные музеи.

В последнее время проявляется стремление разнообразить типы литературных музеев, приблизить их экспозицию к духу ушедшей эпохи, передать особенный колорит определенной местности, включить музей в мемориально-литературный комплекс. Назовем «Домик станционного зрителя» в деревне Выра Ленинградской области (открыт в 1972 г.), который задуман как музей дорожного быта начала XIX в., связанного с жизненной основой пушкинского «Станционного зрителя»², «Вотчинную контору Пушкиных» в Болдине (открыта в 1974 г.), где живо передан колорит типичного для помещичьего хозяйства прошлого столетия административного учреждения, которое фигурирует в «Истории села Горюхина» и других пушкинских произведениях³, музей крепостной женщины в селе Кобино Ленинградской области, где жила Арина Родионовна, няня Пушкина.

Духом документальности, живой атмосферой творческой деятельности Толстого проникнута новая экспозиция литературного музея Ясной Поляны, расположенная в так называемом флигеле Кузьминских и открытая в 1978 г., к 150-летию со дня рождения великого писателя. Принято решение о проектировании и строительстве в городе Орле мемориально-литературного комплекса «Дворянское гнездо» (на Октябрьской улице), связанного с знаменитым романом Тургенева: здесь, по преданию, находился особняк Калитиных. Мемориальный комплекс создается и в городе Старая Русса: сюда войдут Дом-музей Достоевского на набережной реки Перерытицы, усадьба, некоторые улицы города, связанные с жизнью и творчеством великого писателя, создавшего здесь большую часть «Братьев Карамазовых», работавшего над романами «Бесы», «Подросток» и другими произведениями.

Центрами библиографической краеведческой работы в областях и краях стали областные (краевые) библиотеки. Они выявляют печатные материалы о своем крае, составляют каталоги и картотеки, издают рекомендательные указатели краеведческого характера, без обращения к которым невозможна сколько-нибудь серьезная краеведческая работа.

¹ Лошнин Н. П. Литературный музей и школа. М., 1976, с. 3.

² См.: Домик станционного зрителя (музей дорожного быта начала XIX в.). Л., 1974.

³ См.: Малышкина Л. М. Вотчинная контора Пушкиных.— В кн.: Записки краеведов. Горький, 1975.

Обрыв над рекой Орлик в г. Орле — место, издавна называемое «Дворянским гнездом».

Большую роль в развитии литературного краеведения играют зональные книжные издательства, книжные магазины. Многотомную серию «Литературные памятники Сибири» издает Восточно-Сибирское книжное издательство. В нее входят романы, повести, рассказы и стихи сибирских авторов XVIII—XX столетий, мемуары, примечательные произведения сибирского фольклора, сибирские летописи. Северо-Западное книжное издательство выпускает серию «Русский Север». Подобного рода издания выходят и в Центральной России. Приокское книжное издательство, находящееся в Туле, издает серию «Отчий край», в которую включены лучшие произведения писателей, связанных с Приокской зоной, областями Тульской, Орловской, Брянской, Калужской, Липецкой: Л. Н. Толстого, В. А. Жуковского, Г. И. и Н. В. Успенских, А. В. Сухова-Кобылина, В. В. Вересаева, И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, А. А. Фета, А. Н. Апухтина, М. М. Пришвина, И. А. Новикова, И. А. Бунина, Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого и др. Аналогичная серия издается в Центрально-Черноземном издательстве (г. Воронеж). Выходящие в этих сериях книги сопровождаются обстоятельными статьями о публикуемых произведениях и их авторах, подробными примечаниями. Подобные начинания — мощный стимул развертывания литературно-краеведческой работы, собрания новых материалов о писателях-земляках: публикуются ведь и произведения, которые давно не издавались, оказались по тем или иным причинам малоизвестными широкому читателю.

Литературное краеведение определяет сейчас важное направление деятельности целых научных коллективов, например кафедры русской и советской литературы Саратовского университета, кафедры литературы Омского пединститута и др. Сложились своеобразные центры изучения русских и советских писателей в местах связанных с их жизнью и творчеством: М. В. Ломоносова в Архангельске, Л. Н. Толстого в Ясной Поляне и Туле, И. С. Тургенева в Орле, М. Ю. Лермонтова в Орджоникидзе и Пятигорске, Д. Н. Мамина-Сибиряка в Свердловске, А. М. Горького в г. Горьком, А. Неверова в Куйбышеве, Н. Г. Черны-

шевского и К. А. Федина в Саратове и Астрахани, Н. А. Некрасова в Ярославле и Костроме, А. Гайдара в Арзамасе, А. С. Серафимовича в Волгограде, М. А. Шолохова в Ростове-на-Дону, А. А. Фадеева во Владивостоке и т. д. Заметными явлениями советской культуры стали Всесоюзный Пушкинский праздник поэзии в Михайловском и других пушкинских местах, «Толстовская неделя» в Туле, приуроченная ко дню рождения великого русского писателя; Некрасовский праздник в Карабихе, Тютчевский — в с. Овстуг Брянской области, Блокский — в с. Шахматове, в Подмосковье; В. А. Жуковского — в селе Мишенском; Ломоносовские чтения в Архангельске, литературные праздники школьников. Значительная краеведческая работа проводится в Москве и Ленинграде.

Развитию литературного краеведения активно способствуют литературоведческие центры на местах, появление которых, как и постоянное расширение их географии — одно из больших достижений советской науки о литературе, всей советской культуры. «...Когда речь идет о таких наших городах, как Казань, Горький, Саратов, Волгоград, Ростов, следует говорить если не о литературоведческих школах, то уж по крайней мере о настоящих научных коллективах, научных гнездах»¹.

Заметно усилилось стремление к созданию развернутых картин литературной жизни того или иного края. Сборник «Литературный Белгород» (1970), по словам его составителей, «первая попытка собрать воедино, систематизировать и представить читателю краеведческий материал о писателях прошлого и настоящего, обстоятельствами жизни или содержанием творчества связанных с Белгородщиной»². О том, что лишь в последние годы работы ряда краеведов позволили создать более или менее общее представление о литературных связях курской земли, пишет И. Баскевич³. Все меньше остается краев и областей, где бы не вышли обобщающие работы; отметим среди них «Очерки литературной жизни Воронежского края» (1970), представляющие своеобразную летопись местной литературной истории. Ю. С. Постнов в своей книге «Русская литература Сибири первой половины XIX в.» справедливо пишет о назревшей необходимости проследить развитие литературного процесса во всех областях страны.

Авторы обобщающих, обзорных работ характеризуют как процессы литературной жизни своего края, так и различных писателей, связанных с ним. Много работ посвящается рассмотрению связей с краем отдельного писателя. Особая разновидность литературно-краеведческих работ — описание мест края, связанных с жизнью и деятельностью либо одного, либо ряда писателей.

Лучшие книги и статьи по литературному краеведению, вышедшие в 60—70-е годы, характеризуются богатством и разнообразием источников в сочетании с фундаментальной теоретической базой, осмыслением краеведческих материалов в общей перспективе изучения истории русской литературы.

¹ Овчаренко А. И. Социалистический реализм и современный литературный процесс. М., 1968, с. 309.

² Литературный Белгород. Белгород, 1970, с. 5.

³ Баскевич И. Курские вечера (литературно-краеведческие очерки и этюды). Воронеж, 1979, с. 3.

Использование целого комплекса местных источников позволяет Е. Г. Бушканцу по-новому осветить некоторые моменты идейных исканий юного Л. Н. Толстого, биографий Н. А. Некрасова, А. Н. Островский, Н. А. Добролюбова¹. Б. Т. Удодов в главе о К. Ф. Рылееве в книге «Очерки литературной жизни Воронежского края» (1970), опираясь на самые различные источники — воспоминания А. И. Косовского, сослуживца Рылеева по полку, краеведческую литературу, старые воронежские издания, архивные документы, убедительно показывает, как годы жизни поэта-декабриста в Острогожском уезде подготовили „скачок“ в его духовном и творческом развитии, который наблюдается по приезде поэта в Петербург» (с. 86). Попутно уточняются некоторые даты, связанные с воронежским периодом биографии Рылеева (а он изучен еще далеко не достаточно!), места его пребывания в Воронежской губернии. М. В. Минокин в статье «Реальная основа повести Л. Н. Толстого „Нет в мире виноватых“»², используя дневники великого писателя, мемуарную литературу, крестьянские рассказы о Толстом, показывает, как жизненные реалии, относящиеся к пребыванию Толстого в селе Кочетах Новосильского уезда Тульской губернии (сейчас Орловская область) летом 1909, весной и осенью 1910 г., отразились в этой поздней толстовской повести, как конкретные лица стали прототипами ее героев.

Для Достоевского «главным городом», где провел он многие годы, был Петербург. Тем не менее и Москва, родной город писателя, сыграл немалую роль в его жизни и творчестве. Здесь он провел детство и отрочество, и на каждом этапе сложной эволюции Достоевского, как пишет У. Гуральник, автор очерка «Достоевский» в книге «Русские писатели в Москве» (1977), «явственно прослеживается никогда не прерывавшаяся связь писателя с древней Москвой» (с. 480). Каждый приезд Достоевского в Москву, как отмечает исследователь, «по-своему интересен и значителен, так как проливает дополнительный свет на биографию великого романиста, позволяет заглянуть в его творческую лабораторию, лучше разобраться в истоках его вдохновения. Московские впечатления нашли своеобразное преломление во множестве сюжетных ситуаций, московским прототипам обязаны своим рождением некоторые персонажи романов и повестей Достоевского» (с. 489). Под этим углом зрения — для лучшего «прояснения» биографии великого писателя, проникновения в его творческую лабораторию, установления тех жизненных впечатлений, которые воплотились в романах «Идиот», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и в других произведениях, — исследователь отбирает и анализирует краеведческий материал.

Об отражении в творчестве Достоевского жизненных впечатлений, связанных с его пребыванием в Старой Руссе, пишет

¹ См.: Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. — В кн.: Казань в истории русской литературы. Казань, 1965, вып. 1.

² Научные доклады высшей школы. — Филологические науки, 1962, № 4.

Л. М. Рейнус¹. Он приводит письмо Достоевского Х. Д. Алчевской (9 апреля 1876 г.), в котором идет речь о том, что писатель «должен знать до мельчайшей точности (исторической и текущей) изображаемую действительность». Достоевский сообщает своей корреспондентке, что, готовясь написать «один очень большой роман», он «задумал погрузиться специально в изучение ...подробностей текущего». Изучение «подробностей текущего» сопровождало работу писателя над «Братьями Карамазовыми», причем многие из этих подробностей он почерпнул в Старой Руссе, уездном городе близ Новгорода, где в 70-е годы Достоевский с семьей проводил летние месяцы.

Рейнус указывает на многочисленные ассоциации, которые могли возникнуть у автора «Братьев Карамазовых» в Старой Руссе и повлиять на кристаллизацию замысла произведения, обосновывает предположения о старорусских прототипах героев Достоевского — Федора Павловича Карамазова, Грушеньки. «Изучение памятных мест Старой Руссы,— пишет Рейнус,— помогает нам увидеть, как живая российская действительность не только широкими обобщениями, но и документально точными деталями вошла в художественную ткань произведений писателя»². Вывод этот обоснован всем материалом исследования.

«В нашей книге... рассказывается, прежде всего, о том, что дал этот край творчеству писателя,— пишет Н. С. Травушкин в предисловии к своей работе «Горький у Каспия (критико-биографический очерк)», изданной в Астрахани в 1963 г.,— как увиденное Горьким на Нижней Волге отразилось и преобразовалось потом в сознании художника, как полученный здесь жизненный опыт помогал работе писателя. Перед нами приоткрывается уголок его творческой лаборатории, станут видны пути, которыми он шел от житейских наблюдений к художественным образам» (с. 4). Исследователем намечена четкая программа изучения проблемы, имеющая, кстати, общеметодологическое значение (значение края для творчества писателя, проблема жизненного опыта, приобретенного писателем в том или ином крае, роль этого опыта в писательской деятельности, преломление конкретных жизненных впечатлений в художественном творчестве). Пребывание Горького в низовьях Волги (он бывал здесь многократно, но каждый раз недолгие сроки) не привлекало пристального внимания литературоведов, поэтому с особым интересом воспринимаются страницы книги Травушкина, на которых рассматривается отражение жизненных впечатлений, полученных великим писателем в Нижневолжском крае, в его рассказах «Мальва», «Едут» (из цикла «По Руси»), «На шхуне по Каспийскому морю», очерке «Два босяка», в эпосе «Жизнь Клима Самгина». Даже хорошо знакомые горьковские произведения освещаются здесь по-новому, с неожиданных сторон. Ярко показано и то, как много дал

¹ См.: Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. 2-е изд. Л., 1971.

² Там же, с. 63.

Горький край, как в разные годы, иногда в условиях полицейских преследований, его произведения находили дорогу к читателю, помогали революционной борьбе. Автор обращается к архивным документам городов Астрахани и Горького, переписке Горького с волжанами, к редким местным изданиям и т. п.

К этим и многим другим работам можно отнести слова Л. Лотман, сказанные ею в рецензии на книгу А. И. Ревякина «Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского»¹: в последние десятилетия рождается особый жанр исследования, синтезирующий идейно-творческий, биографический и краеведческий материал в целях воссоздания образа писателя на широком историческом фоне.

Высокой филологической культурой, умелым использованием краеведческих материалов для постановки серьезных литературоведческих проблем характеризуются книги последних лет о пребывании русских писателей в Петербурге (Ленинграде), выпущенные Ленинградским издательством.

Редкому городу мира повезло на изображение его в литературе так, как Петербургу (Ленинграду). Пушкин, Гоголь, А. Григорьев, Некрасов, Достоевский, в пору символизма — Андрей Белый, Вяч. Иванов... Особый, неповторимый облик Петербурга воссоздан в поэзии А. Блока. О специфике блоковского Петербурга, о связанном с его образом ощущением катастрофичности и революционности глубоко и точно говорит Вл. Орлов в книге «Поэт и город (А. Блок и Петербург)» (Л., 1980). Автор книги воссоздает ту особую «петербургскую атмосферу», которой с детства дышал Блок, которая глубоко проникла в его сознание и быт, стала средой и материей его поэзии. Глубокая любовь Блока к Петербургу была по-своему «странной» любовью, ибо обращена она была в первую очередь не к его прославленным архитектурным ансамблям, не к парадной стороне, а к «чему-то деревенскому», к окраинам и переулкам. Исследователь характеризует сложное, диалектически противоречивое отношение Блока к этому городу, прослеживает его эволюцию. И если Петербург «был источником и катализатором всех важнейших лирических тем поэта» (с. 137), то книга о Блоке и Петербурге, краеведческая по аспекту исследования, является и книгой о творчестве поэта, об этапах его творческого пути, о сложности блоковского метода, о языке и образительных средствах его поэзии и, конечно же, о петербургском окружении Блока, родственном и литературном.

С именем Блока неразрывно соединены и Москва, Подмосковье, Шахматово. «Если город у Блока — это почти всегда Петербург, то Россия полевая и лесная — это почти всегда Шахматово и его окрестности, — пишет С. Лесневский, автор книги «Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника» (М., 1980). — Шахматово растворено в стихах Блока, укрыто от взоров. Петербург заметен и велик во всей русской литературе, а Шахматово — только в жизни Блока.

¹ Лотман Л. Книга о великом москвиче. — Русская литература, 1963, № 3.

Но от этого сияние «Малой родины» не убывает. Шахматово в судьбе поэта выдерживает сопоставление с Петербургом. Незримое, оно постоянно звучит в его поэзии» (с. 7).

В отличие от В. Орлова С. Лесневский не стремится к развернутому литературоведческому анализу блоковских произведений, связанных с Москвой и Подмосковьем. Он избирает особый жанр повествования — биографическую хронику, месяц за месяцем и год за годом прослеживая жизнь поэта на московской земле, говоря о стихах, созданных Блоком в те или иные годы, обращая особое внимание на «биографические родники», жизненные истоки блоковских образов. Автор книги тщательно отбирает материал в соответствии с краеведческим аспектом, но и в этом случае личность поэта, формирование его мировоззрения, творческая эволюция предстают перед читателем с достаточной убедительностью, тем более что во всем этом обнаруживаются новые, свежие краски, весьма часто именно краеведческим аспектом исследования обусловленные. «Как художник Блок постигал жизнь целостно, — пишет автор книги. — Крона тянется к солнцу, корни идут в глубину. Духовное в Блоке неотделимо от природного, земного. В этом был один из законов прочности силы характера Блока» (с. 210). Шахматовский Блок — это и поэт, ощущающий близость решающих перемен в социальной жизни, и внимательный, вдумчивый читатель книг по истории и философии, и чуткий слушатель народных песен, легенд, и нежный влюбленный, и гостеприимный хозяин, принимающий у себя литературных друзей, и всадник, скачущий по подмосковным полям и открывающий для себя Родину, и актер-любитель, и рисовальщик, фиксирующий в альбоме шахматовские пейзажи, и человек, заботящийся о посевах, лошадях, сетующий на неисправность овина и скотного двора...

Широкое полотно литературной жизни Сибири периода гражданской войны развернуто в книге В. П. Трушкина «Из пламени и света (Гражданская война и литература Сибири)», вышедшей в Иркутске в 1976 г. Справедливо отмечая сравнительно слабое изучение литературного процесса первых пооктябрьских десятилетий на периферии, стремясь проследить истоки литературной жизни Сибири бурных и ярких советских лет, автор воссоздает многообразие ее проявлений в Омске, Томске, Красноярске, на Алтае и Дальнем Востоке. В книге фигурируют десятки писательских имен, иные из которых забыты (таков, к примеру, один из зачинателей сибирской советской поэзии Игорь Славнин), автору пришлось открывать их, собирая материал по крупицам, используя разнообразнейшие источники.

Лишь начато научное изучение творческого пути сибирского писателя В. Зазубрина, автора первого советского романа «Два мира». Опираясь на свидетельства близких писателя и его современников, на свою переписку с ними, анализируя исторические документы (дневники и воспоминания участников гражданской войны в Сибири, партизанские воззвания и т. д.), Трушкин восполняет пробелы в познании жизни и творчества Зазубрина, под-

Шахматово. Рисунок и автограф А. А. Блока.

нимает неизученный вопрос о значении зазубринской публицистики, работы писателя в армейской газете, прослеживает соотношение исторической действительности, живых фактов с их художественным воплощением в романе. Краеведческий материал весьма органично связан здесь с выводами о своеобразии зазубринского творческого метода, о поисках путей воплощения новой, небывалой действительности как в романе Зазубрина, так и в творчестве других советских писателей того времени.

П. А. Бугаенко в своей книге «К. А. Федин и Саратовская земля» (Саратов, 1977) выделяет то обстоятельство, что «многие саратовские факты... были импульсом для художника, на их основе созданы произведения, поднявшиеся над саратовской и иной действительностью, незабываемые картины движения истории в переломные годы и целая галерея полнокровных, типических, человеческих характеров» (с. 22). Исследователь обстоятельно про-

слеживается отражение «местного колорита» в фединском творчестве, в романе «Братья», повести «Старик», сборнике рассказов «Давно и недавно», трилогии «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер», обосновывает закономерность выбора писателем места действия «Необыкновенного лета»: в этом выборе «голос сердца совпал с голосом разума», ведь именно в Саратове, родном городе Федина, «наиболее отчетливо проявлялся образ времени, выступали общие закономерности труднейшего периода в жизни народа» (с. 35). Точность и достоверность «местного колорита» сочетаются в романе с созданием впечатляющей картины больших исторических событий, и «конкретизация, детали не только не разрушают это впечатление, но, наоборот, проясняют его, делая особо осязаемым, зримым» (с. 35—36).

На ранней стадии изучения «литературной карты» того или иного края полезны и работы, устанавливающие основные фактические данные. «...Стремясь к полноте охвата писательских имен, автор в то же время сознательно не идет в сторону углубленного анализа произведений,— пишет проф. И. Щеплыкин во вступлении к книге О. Савина «Пенза литературная» (Саратов, 1977),— ибо его задача, как думается, состояла не столько в раскрытии самой сути литературного творчества тех или иных литераторов — хотя она, безусловно, учитывается им,— сколько в воссоздании наиболее значительных и зримых вех, позволяющих рассмотреть творческие связи «больших» и «малых» писателей с нашей землей» (с. 5). Но и при насыщенности значительным фактическим материалом работы такого типа проигрывают по сравнению с теми, которые обращены к «раскрытию самой сути литературного творчества» и познанию этой сути своими специфическими средствами помогают.

Все большую популярность приобретают ныне работы о книгах того или иного края, о литературно-краеведческих поисках и находках, знакомящих с самим процессом этого поиска, его увлекательнейшими перипетиями, о библиофилах, фанатически преданных благородному книжному делу, беззаветно любящих свой родной край. Это уральский библиофил и краевед В. П. Бирюков, человек огромных знаний, великого трудолюбия, удивительной скромности, более шестидесяти лет неутомимо работавший в науке и литературе, это В. А. Николаев, знаток краеведческой библиографии, автор словаря «Библиография Сибири и Дальнего Востока», библиографы И. М. Кауфман, И. М. Картавцов в книге Е. Петряева «Записки книголюбца» (Киров, 1978). Таковы и основатель знаменитой коллекции, которая легла в основу Тамбовского литературного музея, Н. А. Никифоров; воронежский библиофил, врач по профессии С. М. Деноткин; курский библиофил-краевед, архитектор Л. А. Литошенко, обладатель уникальных краеведческих изданий; профессор Воронежского университета, историк И. Н. Бороздин, владелец интереснейшей библиотеки; уроженец Воронежа ленинградец Я. С. Сидорин, ученый-кораблестроитель, библиофил и коллекционер, владелец уникальных воронежских изданий,— в работе О. Ласунского «Власть книги (рассказы о книгах и книжниках)» (М., 1980). Дважды гибла библиотека С. М. Деноткина — в годы гражданской и Великой Отечественной войн,— и каждый раз владелец возрождал ее. «Уж из особого, видно, теста вылеплены книголюбы, на особый лад скроены. Как ни казни их судьба — нет силы той, которая заставила бы их отказаться от своей страсти. Воистину могущественная власть книги!»¹. Для литературно-крае-

¹ Ласунский О. Власть книги (рассказы о книгах и книжниках). М., 1980, с. 105.

ведческих исследований последнего времени характерно это увеличение роли личного начала. И речь здесь может идти не только о воссоздании на страницах книг образов удивительных людей, поражающих своей преданностью отечественной культуре, родному краю, но и о выражении в книгах личности самого автора. Ее значимость, яркость, оригинальность, весомость преподносимых ею нравственных уроков во многом определяют успех издания.

Огромным спросом пользуются путеводители по литературным местам.

Как видим, типы литературно-краеведческих работ весьма многообразны. Различны и цели этих изданий. Одни из них рассчитаны на достаточно подготовленного читателя, на обогащение науки новыми сведениями (к примеру, выпуски Казанского пединститута «Казань в истории русской литературы», Астраханского — «Литературное краеведение (материалы к спецкурсу)», многие статьи в «Ученых записках» и тематических сборниках пединститутов и университетов), другие имеют научно-популярный характер (именно таково большинство литературно-краеведческих изданий), назначение третьих — заинтересовать широкого читателя литературно-краеведческими поисками и находками, судьбами книг, личностью краеведов-библиофилов.

Мощным стимулом развития литературного краеведения явилось принятие Верховным Советом СССР 29 октября 1976 г. Закона об охране и использовании памятников истории и культуры, в числе которых — мемориальные места, связанные с жизнью и творчеством многих писателей, дома и усадьбы, в которых они жили, памятники писателям и литературным героям. Областные отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры сделали очень многое по увековечению и пропаганде литературных памятников, в иных случаях по спасению их. В этом отношении трудно переоценить значение составляемых на местах «Материалов Свода памятников истории и культуры», подготавливающих издание многотомного научно-справочного «Свода памятников истории и культуры РСФСР». Здесь описываются, в числе многих других, и вновь выявленные литературные памятники, по каждому из них делается библиография. Подготовка таких изданий требует усилий большого коллектива краеведов, ученых, музейных и библиотечных работников, учителей.

Развитию литературного краеведения на современном этапе способствует и деятельность местных отделений Всесоюзного добровольного общества любителей книги. На заседаниях клубов книголюбов можно ознакомиться с книжными богатствами края, услышать увлекательные рассказы о книгах и писателях. Общества охраны памятников истории и культуры, любителей книги, Всесоюзное общество «Знание» способствуют невиданной прежде массовости литературного краеведения, приобщению к нему самых различных категорий трудящихся. Трудно переоценить в этом отношении и роль местной печати, радио, кино, телевидения, музеев, клубов, библиотек, других культурно-просветительных учреждений.

Литературное краеведение многоаспектно. По справедливым словам У. Гуральника, оно «теснее, чем какая-либо другая лите-

ратуроведческая дисциплина, связано с практическими проблемами советского культурного строительства», «призвано воспитывать в человеке чувство национальной гордости и интернационального братства, повышать эстетическую культуру масс»¹. Литературное краеведение стало широким общественным движением, в котором участвуют многие любители литературы, краеведы, старожилы, люди самых различных профессий. Их деятельность не всегда отвечает высоким научным требованиям, но она одушевлена благородной целью всестороннего познания своего края, улучшения его жизни на благо всей Советской страны. Усилия этих людей, их часто совершенно бескорыстный, самоотверженный труд приносят литературному краеведению ощутимую пользу. «...Краеведы, эти... скромные люди, всегда с глазами настежь и с сердцем настороже,— писал Л. Леонов,— сущие энциклопедисты родного края в диапазоне от эндемиков флоры и фауны до бесценных преданий, ускользающих от большой хроники ...Это драгоценная категория патриотов»².

Литературное краеведение на современном этапе характеризуется расширением источниковедческой базы, вовлечением в научный оборот массы вновь открываемых архивных документов, материалов эпистолярного характера, периодической печати, мемуаров и т. д., а также углубленной разработкой проблем теоретического, методологического характера.

ЛИТЕРАТУРА

Горький М. О литературе.— В кн.: Горький М. Собр. соч. В 30-ти т., т. 25.

Горький М. Заключительная речь на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.— Там же, т. 27.

Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.— Л., 1928.

Литературное краеведение.— В кн.: История русской литературы XIX в. Библиографический указатель. М.— Л., 1962.

Краевые библиографии (библиографический обзор).— В кн.: Бельчиков Н. Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1975.

¹ Гуральник У. Биография и география.— Лит. газ., 1973, 25 июля.

² Леонов Л. М. О большой щепе.— Лит. газ., 1965, 30 марта.

**§ 1. ЗНАЧЕНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ,
ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ**

Литературное краеведение во всех его видах и формах невозможно без опоры на фундаментальную источниковедческую базу. Источники литературного краеведения — это те же литературоведческие источники¹, но изучаемые в определенном аспекте и с определенной целью — выявления связей писателя с тем или иным краем, установления закономерностей развития литературной жизни края. В своей работе литературный краевед обращается прежде всего к местным источникам, т. е. доступным преимущественно на местах (непосредственно в краях и областях) или местным по своему происхождению, находящимся в первую очередь в центральных хранилищах². «В выявлении и изучении местных источников и коренится... самый смысл литературного краеведения,— пишет Е. Г. Бушканец.— В этом направлении перед исследователями, работающими в самых различных уголках нашей страны, открывается широкое поле деятельности»³.

Работа литературного краеведа над источниками имеет целенаправленный характер, определяемый конкретными задачами исследования, стремлением открыть новое, обогатить представления о литературной жизни, литературных традициях того или иного края, об отношении к нему писателя, о воздействии края на его мировоззрение, личность, творчество. Но и добываемый в упорных и настойчивых поисках фактический материал не нейтрален по отношению к ведущей идее исследования, которая указывает главное направление поиска. Такой материал корректирует идею, заставляет вновь и вновь проверять ее истинность. «От соприкосновения метода с материалом, в их взаимодействии рождается проблематика изучения этого материала. Материал оживает и претворяется в целостную картину под воздействием метода. Но и материал воздействует на метод и на научную проблематику»⁴.

¹ См. об этом: Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М., 1983.

² См. об этом: Травушкин Н. С. От жизни к образам (некоторые вопросы литературного краеведения).— Волга, 1966, № 5, с. 163.

³ Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. В кн.: Казань в истории русской литературы. Казань, 1965, вып. 1, с. 3.

⁴ Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение, с. 57.

Теория и история литературы, с одной стороны, и источниковедение — с другой, взаимосвязаны, взаимно обогащают друг друга.

Широта привлечения источников, культура работы с ними, четкое представление о специфике каждого из них, умение осознать добытый в результате поисков факт в связи с общим направлением исследовательской идеи — все это во многом обуславливает качество литературно-краеведческого труда, его научную ценность. Для литературного краеведения трудно переоценить значение тех работ советских ученых, в которых затрагиваются существенные проблемы источниковедения как вспомогательной литературоведческой дисциплины — работ Н. К. Пиксанова, П. Н. Беркова, Н. Ф. Бельчикова, Н. В. Измайлова, Д. С. Лихачева, Е. Г. Бушканца, Д. А. Тухарели и других. Полезны для литературного краеведения и труды историков — как специальные работы по историческому источниковедению, так и те работы, в которых рассматриваются источники исторического краеведения. Их использование возможно, разумеется, лишь с учетом специфики изучаемой дисциплины, недопустимости механического перенесения принципов изучения исторического процесса на художественную литературу.

Источниковедение относится к числу дисциплин, разработанных еще недостаточно. «...Источниковедение приобрело все права гражданства в нашей науке, — указывает исследователь, — только не получило систематизированного осмысления своего объекта, своих принципов и проблем, накопленных в достаточно большом количестве»¹. Трудности начинаются с классификации источников. Едва ли не каждый исследователь-литературовед, говоря об источниках, предлагает свою классификацию.

Источники могут классифицироваться по характеру существования. К примеру, воспоминания о том или ином писателе или факте литературной жизни могут быть опубликованными, могут находиться в рукописи, могут существовать устно: случается ведь и так, что сам исследователь впервые обнаруживает их в рукописи или записывает непосредственно со слов мемуариста. Намечаются, как видим, печатная, рукописная (машинописная), устная форма существования источника.

Можно классифицировать источники по месту их хранения: в архиве, библиотеке, музее, личной коллекции и т. д. Например, редкая книга или старая газета может храниться как в библиотеке, так и в архиве, в личной коллекции. Возникают пересекающиеся ряды, и иногда непросто отнести тот или иной документ к определенному виду источников: газета относится к периодике, но, сохраняемая в архиве, является и архивным документом; мемуары могут публиковаться в периодике и т. д.

Для использования в учебных целях удобна, на наш взгляд,

¹ Бельчиков Н. Ф. Проблемы литературного источниковедения. — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Л., 1969, с. 27.

классификация, предложенная Е. Г. Бушканцем и основанная на хронологическом принципе; первоначальной точкой отсчета в этом случае берется факт создания писателем художественного произведения.

Первое место, по мнению исследователя, «занимают творческие источники — подготовительные материалы, черновые рукописи, последующие рукописные редакции, прижизненные публикации произведений»¹. Творческие источники (или источники текстологического характера) имеют большое значение для изучения проблемы «от жизни к образам» (в аспекте литературного краеведения), для понимания процесса преломления жизненных реалий, почерпнутых писателем в том или ином крае, в его творческой фантазии. Как на пример того, что могут дать текстологические разыскания для понимания мировоззрения писателя, укажем на изучение Е. Г. Бушканцем черновых вариантов повести Л. Н. Толстого «Казачьи»². Они позволили исследователю выявить своеобразные итоги того, что передумал и переживал Толстой в годы учения в Казанском университете и что отразилось в «открытиях» Оленина (государственное устройство — вздор, религия — сумасшествие, наука, как ее преподают в университете, — дичь и т. д.), содержащих своего рода зачатки последующего беспощадного толстовского обличения самодержавно-феодальной государственности, лицемерной морали господствующих классов, церкви, лженауки.

Насколько ценный материал краеведческого характера могут содержать замыслы незаконченных произведений, наброски, можно судить хотя бы по тому, что именно в наброске «Лето в деревне» (1858) мы находим знаменитое высказывание Л. Н. Толстого о его отношении к Ясной Поляне, высказывание, имеющее большое принципиальное значение для понимания значения родного края в жизни и творчестве любого большого писателя (см. наст. изд., с. 4).

Вслед за творческими источниками следуют «несколько групп источников, в которых те или иные события отразились сразу или вскоре после того, как они произошли»³. Имеются в виду дневниковые записи изучаемого писателя и его современников, эпистолярная литература (письма писателя и к нему, переписка о нем третьих лиц), материалы прессы, связанные с писателем и его произведениями, официальные документы различных учреждений, касающиеся его и хранящиеся в архивах. «Проходит некоторое время, — пишет Бушканец, — личность писателя, его жизнь и литературно-общественная деятельность приобретают исторический интерес. Тогда

¹ Бушканец Е. Г. Мемуарные источники. Учебное пособие к спецкурсу. Казань, 1975, с. 3.

² См.: Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. — В кн.: Казань в истории русской литературы. Казань, 1965, вып. 1, с. 5—6.

³ Бушканец Е. Г. Мемуарные источники, с. 3.

начинает появляться еще одна группа источников — современные писателя, знавшие его лично, ...записывают то, что запечатлелось в их памяти, создают свои воспоминания»¹. Таким образом, виды источников прослеживаются во временной последовательности: от создания художественного произведения до появления мемуаров о писателе, которые могут быть отделены от его жизни и значительным промежутком. Рассмотренный здесь комплекс источников может быть дополнен некоторыми другими видами, с которыми литературный краевед сталкивается в своей работе: местные издания, фонды библиотек, памятники истории и культуры, источники изобразительного характера (картины, гравюры, открытки) и т. д.

Отметим принципиальную важность библиографического источниковедения, навыков и приемов библиографических разысканий. Для литературного краеведения имеют особое значение краевые библиографии. С библиографических разысканий начинается работа, они сопровождают весь путь исследования².

В соответствии с классификацией источников, основанной на хронологическом принципе, рассмотрим пять видов их:

1. Дневники и эпистолярная литература.
2. Периодика.
3. Архивные документы.
4. Мемуары.
5. Прочие виды источников (местные издания, фонды библиотек, памятники истории и культуры и т. д.).

Творческие источники (источники текстологического характера) здесь не рассматриваются. Это разговор особый, студенты учатся работать с ними в общем курсе литературы.

§ 2. ДНЕВНИКИ И ЭПИСТОЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Важнейшим источником познаний о связи писателей с тем или иным краем являются их дневники, записные книжки, письма, а также переписка окружающих их людей. Ценность этих документов во многом определяется тем, что, как правило, они фиксируют факты из жизни писателя, его мысли и настроения едва ли не в самый момент их возникновения, представляют собой непосредственный отклик на то или иное событие.

Л. Н. Толстой вел дневники в течение почти всей своей долгой жизни, начиная с 19-летнего возраста и кончая последними предсмертными днями, огромна и его переписка³. В письмах Н. Н. Страхову 12 ноября, 17 декабря 1872 г. он говорил о том,

¹ Бушканец Е. Г. Мемуарные источники, с. 3.

² Обзор важнейших краевых библиографий см. в кн.: Бельчиков Н. Ф. Пути и навыки литературоведческого труда. М., 1975.

³ Дневники Л. Н. Толстого занимают 12 томов Полного (юбилейного) собрания его сочинений, письма — более 30 томов (с 59-го по 89-й, частично в 90-м томе).

Л. Н. Толстой на прогулке в Ясной Поляне (фото С. А. Толстой. 1 сент. 1905 г.).

что познание мира должно начаться с познания человеком самого себя. Средством же познания себя и были для Толстого прежде всего собственные дневники. Еще в молодости он увидел значение дневника в том, что по нему можно судить о ходе развития своих способностей, что в него можно записывать «дельные» мысли. «По дневнику весьма удобно судить о самом себе,— записывает он 14 июня 1850 г.— Потом, так как я нахожу необходимым определять все занятия вперед, то для этого же необходим дневник»¹. Он хочет «пооткровеннее и поподробнее» рассказывать в дневнике о прожитых годах, «ничего не скрывая и не утаивая»².

Толстой прошел гигантский, сложнейший путь своего развития. «Обо всем этом... он сам рассказал в первую очередь в своих дневниках и письмах»³. «Жизнь Толстого, рассказанная им самим» — так озаглавливает Б. И. Бурсов раздел своего семинария по Толстому (1963), предваряющий изучение жизни и деятельности великого писателя и составленный главным образом из его дневников и писем. «Драгоценным биографическим материалом» называет переписку и дневники Толстого Н. Н. Гусев⁴,

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 46, с. 34—35.

² Там же, с. 35.

³ Бурсов Б. И. Л. Н. Толстой. Семинарий. Л., 1963, с. 39.

⁴ Гусев Н. Н. Л. Н. Толстой (Материалы к биографии с 1828 по 1855 год). М., 1954, с. 5.

справедливо указывая на имеющийся в этом материале «субъективный элемент».

Из дневников, записных книжек и писем Толстого, адресованных самым различным лицам, а также из писем самых разнообразных людей к Толстому мы в первую очередь черпаем сведения об отношении великого писателя к родному краю, к Ясной Поляне, к тем бесчисленным местам Тульской губернии, где побывал он, куда приезжал или приходил по самым различным надобностям: навестить близкого человека, помочь голодающим, хлопотать об открытии новой школы в деревне, по хозяйственным вопросам, на охоту, по общественным обязанностям в пору службы в качестве мирового посредника или присяжного на судебном заседании, во время пешеходных путешествий в Оптину Пустынь и из Москвы в Ясную Поляну, на прогулках по старому Киевскому шоссе.

За краткими дневниковыми записями угадываются черты могучей личности Толстого, его постоянное стремление вмешаться в самую гущу народной жизни, оказать помощь тем голодным и неимущим, кто нуждается в ней. «Ночь дурно спал... все думал о голоде,— записывает Толстой 16 сентября 1891 г.— Кажется, что нужно предпринять столовые»¹. «Вчера сгорели Телятинки, 8 дворов... Каждый день ходят бедные, и мы раздаем голодающим, деньги...»².

«...Баба стала рассказывать про свою несчастную участь,— хлеба нет, три девочки, одна грудная...; у отца, он сторож в лесу, украли дрова и вычли 3 рубля. Так ни с чем и ворочается, да еще одна лошадь стала, чуть не замерзла...»³. В 1898, также голодном году, Толстой сообщает в письме к Я. П. Полонскому о том, что, находясь на границе Чернского и Мценского уездов, он занимается «распределением помощи нуждающимся крестьянам»⁴.

В последние годы жизни Толстой необычайно остро воспринимал социальные контрасты, болезненно ощущал свою личную вину перед народом.

Это нашло свое яркое выражение в дневниковой записи 8 июня 1904 г.: «Особенно живо чувствовал безумную безнравственность роскоши властвующих и богатых и нищету и задавленность бедных. Почти физически страдаю от сознания участия в безумии этом и зле»⁵.

Особенно ценны дневниковые записи Толстого, связанные с творческой историей его произведений, во многих случаях имеющей прямое отношение к Тульскому краю. Так, по дневниковым записям 1851 г., сделанным в селе Пирогове Тульской губернии, можно проследить истоки замысла «Истории вчерашнего дня».

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 52, с. 53.

² Там же, т. 66, с. 323.

³ Там же, т. 33, с. 456.

⁴ Там же, т. 70—71, с. 366.

⁵ Там же, т. 57, с. 80.

а также автобиографической трилогии «Детство», «Отрочество», «Юность»¹. В том же Пирогове в июле 1896 г. писатель делает заметку в записной книжке («Татарин на дороге»), а затем расшифровывает ее в дневнике: «На краю пыльной, серой дороги куст татарина (репья), три отростка...; черный стебель надломлен и загрязнен; третий отросток торчит вбок, тоже черный от пыли; но все еще жив и в середине краснеется.— Напомнил Хаджи Мурата. Хочется написать. Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял ее!»². Таково неоспоримое свидетельство о жизненном факте, ставшем истоком одного из лучших творений Толстого. Аналогична запись 10 июня 1909 г., сделанная в Кочетах и свидетельствующая о возникновении замысла неоконченного произведения «Нет в мире виноватых»: «Вчера гулял по парку с большим напряжением. Но мысль работает. ...Земля у господ. Тоже вопиющее рабство. Как бы хотелось написать то худож[ественное], [что] начал, и все проникнуть этим...»³.

Могучим источником вдохновения для Толстого была природа родного края, трепетное восприятие которой он сохранил до конца своей жизни. «Утром опять игра света и теней от больших, густо одевшихся берез прешпекта,— писал он Софье Андреевне 3 мая 1897 г.,— по высокой уже, темно-зеленой траве, и незабудки, и глухая крапивка, и всё — главное, маханье берез прешпекта такое же, как было, когда я, 60 лет тому назад, в первый раз заметил и полюбил красоту эту»⁴. Красота родной среднерусской природы порождала мысли о назначении человека, смысле его жизни, и одна из таких мыслей, зафиксированная в дневнике великого писателя (она сделана в деревне Овсянниково, неподалеку от Ясной Поляны), особенно близка и понятна людям нашего времени: «Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. В нагроможден[ных] облаках просвет, и там, как красный неправильный угол, солнце. Все это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: Нет, этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров к [оторый] прекрасен, радостен и кот [орый] мы не только можем, но и должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, к [то] после нас будет жить в нем»⁵.

Трудно просто перечислить те места бывшей Тульской губернии, все эти уездные города, деревни, села, хутора, к которым относятся дневниковые записи Толстого, которые он в той или иной связи упоминал в своих письмах. В их числе — губернский город Тула, который Толстой, как и члены его семьи, навещали весьма часто.

¹ См. об этом в статье: Архангельская Т. Н. Л. Н. Толстой в Пирогове.— В сб.: Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978, с. 143—144.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 53, с. 99—100.

³ Там же, т. 57, с. 81.

⁴ Там же, т. 84, с. 281.

⁵ Там же, т. 52, с. 120—121.

За каждым из таких упоминаний — черточка биографии великого писателя, нить, ведущая к пониманию его личности, творчества. Так, одна из дневниковых записей Толстого касается его участия в губернском дворянском собрании для выбора членов комитета, происходившем в Туле в начале сентября 1858 г., в пору организации губернских комитетов по крестьянскому делу в связи с приближавшейся реформой. Съезд оставил у Толстого самое тяжелое впечатление. Он ясно видел, что дворянские партии, сложившиеся в ходе борьбы мнений вокруг крестьянского вопроса, как консервативная, так и либеральная, — далеки от народа и бесповоротно враждебны ему. О деятелях либеральной партии, во главе которых стоял кн. В. А. Черкасский, принявший активное участие в крестьянской реформе, Толстой записал в дневнике: «Были выборы. Я сделался врагом нашего уезда. Компания Черкасского дрянь такая же, как и их оппозиторы, но дрянь с французским языком»¹. В числе четвертой части собравшихся на съезд тульских дворян Толстой, вместе с И. С. Тургеневым и А. С. Хомяковым, подписал особое мнение, согласно которому крестьяне должны быть освобождены от крепостной зависимости с землей за выкуп.

Дворянские выборы 1858 г., происходившие в Туле, отразились в картине дворянских выборов в «Анне Карениной». Они изображены в восприятии Левина, едва ли не наиболее автобиографичного из толстовских героев. Для Левина одинаково неприглядна как консервативная, так и либеральная группа дворянства. Он хочет понять существо споров между двумя этими группами, однако убеждается в том, «что понять этого он не может... Потом, вспомнив все то волнение и озлобление, которые он видел на всех лицах, ему стало грустно: он решился уехать и пошел вниз»².

Из дневников Толстого мы узнаем о его заботах по поводу создания в 60-е годы Общества народного образования, об издании педагогического журнала с участием тульских педагогов. «Ежели бы я знал наверное, что правительство разрешит это общество, то я поработал бы над составлением самого проекта и подал бы его от другого лица», — записывает Толстой в дневнике. И далее: «Есть в Туле директор гимназии Гаярин, замечательный человек, которому я нынче сказал о своем намерении. Я надеюсь, что он не отказался бы подать (проект) от себя»³. Запись эта относится к той поре жизни Толстого, когда он, служа мировым посредником и увлекаясь педагогической деятельностью, часто бывал в тульских мужской и женской гимназиях, сблизился с их педагогами. В мужской гимназии образовался тогда педагогический кружок, в котором обсуждались интересовавшие учителей проблемы, читались статьи из специальных журналов.

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 48, с. 16.

² Там же, т. 19, с. 238.

³ Там же, т. 8, с. 606.

Толстой познакомился с кружком тульских педагогов в 1859 г. в доме Ю. Ф. Ауэрбах, начальницы женской гимназии (одной из первых женских гимназий в России). Он стал его участником, бывал на квартирах учителей, посещал гимназии, думал о создании Общества народного образования, об издании педагогического журнала, который должен был содержать «отчеты о всех опытах, удачах и неудачах новых приемов преподавания в Яснополянской школе и в Тульской гимназии, по некоторым предметам, преподаватели которых обещали нам свое содействие...»¹.

Это один из бесчисленных примеров, свидетельствующих о неиссякаемой активности Толстого. Он не просто интересуется постановкой преподавания в Тульской гимназии, но пытается сделать все возможное для распространения ценного опыта, для организации педагогического общества, журнала.

Далеко не всем проектам Толстого, связанным с народным образованием, суждено было осуществиться. Передовым веяниям противостояло враждебное отношение к ним со стороны местной администрации, а наступившая с середины 60-х годов реакция положила конец прогрессивным начинаниям в тульских гимназиях.

С Тулой связаны письма и дневниковые записи Толстого, имеющие отношение к его незаконченным произведениям и замыслам. В одном из писем к жене Толстой сообщает о том, что он узнал «много интересного от дочери Рылеева»². Речь идет о встрече великого писателя в конце марта 1878 г. с Анастасией Кондратьевной Рылеевой-Пущиной, происшедшей в Туле у Е. И. Пущиной. А. К. Рылеева жила в родовом имении Пушиных Кошелевке Тульской губернии. Встреча эта была связана с работой Толстого над романом о декабристах, для собирания материала к которому писатель несколько раз ездил в Москву, виделся с декабристами П. Н. Свистуновым, М. И. Муравьевым-Апостолом, А. П. Беляевым. Свидетельство о встрече в Туле с дочерью К. Ф. Рылеева включается в творческую историю незавершенного толстовского романа, лишней раз говорит о тщательном изучении писателем жизненной основы своих произведений.

Событиями из жизни Александры Павловны Лопухиной, тульской знакомой писателя, жены товарища тульского губернского прокурора (в 80-х годах и первой половине 90-х годов) С. А. Лопухина, Толстой предполагал воспользоваться для задуманного им произведения о женщине-матери. К этому замыслу относится его дневниковая запись 25 марта 1891 г.: «Ходил гулять и очень, как редко, живо представил — воспитание художественное. Лопухину. Мать. Вопрос матери. Записки матери. Много хорошего художественного лезло и лезет в голову»³. Как вспоминает внук Лопухиных, писатель С. М. Голицын, они бывали в Ясной Поля-

¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., с. 371.

² Там же, т. 83, с. 244.

³ Там же, т. 52, с. 24.

не, их старшие сыновья (в семье было восемь детей) часто приезжали туда к своим сверстникам — сыновьям Толстого. Толстой посещал тульскую квартиру Лопухиных, расспрашивал С. А. Лопухина, опытного юриста, о различных деталях судопроизводства (для будущего романа «Воскресение»). Семья Лопухиных была очень дружной. Сергей Алексеевич каждый вечер читал детям русских и иностранных классиков. Его артистические способности проявились в исполнении им роли Звездинцева в яснополянском домашнем спектакле «Плоды просвещения», сыгранном 30 декабря 1889 г. В А. П. Лопухиной Толстой видел «тип хорошей женщины и матери»¹.

Александра Павловна Лопухина.

В дневниках и письмах писателей содержатся свидетельства, неоценимые для литературного краеведа. По дневниковым записям В. А. Жуковского мы можем воссоздать картину пребывания поэта в родных местах в 1837 г., когда он, после долгой разлуки, посетил Мишенское, Белев, Тулу во время путешествия по России с престолонаследником. В этих записях зафиксирован маршрут путешествия, конкретные пункты, где побывал поэт, идет речь о его встречах и впечатлениях. В Тулу Жуковский прибыл из Воронежа через Елец, Ефремов, Богородицк. Он остановился в доме Верещагиных; на следующий день, 9 июля, встал в пять часов утра, гулял по городу, посетил училище и кладбище, делал зарисовки. «Тени прошедшего живут на местах, где мы жили, и встречали нас. Я вспомнил физиономии людей. Рисовал»². Поэт перечисляет людей, с которыми встретился он в этот день в Туле: гвардейского генерала Крейца, губернатора Е. И. Зурова, В. П. Минина, генерала Штадена, губернского предводителя Ахлестышева и других. 10 июля он побывал на оружейном заводе, «снова рисовал»³. 11-го путешественники выезжают из Тулы на Калугу (Жуковский отмечает «прекрасный вид на Тулу с Калужской дороги»⁴), из Калуги направляются в Белев, откуда поэт

¹ См.: Голицын С. М. О неосуществленном замысле Л. Н. Толстого. — В кн.: Яснополянский сборник, 1982. Тула, 1984.

² Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1901, с. 338.

³ Там же, с. 339.

⁴ Там же.

Сергей Алексеевич Лопухин, тульский знакомый Л. Н. Толстого.

совершил поездку в Мишенское (14 июля). Поездка эта оказалась печальной: Жуковский отмечает в дневнике приметы неумолимого времени, наложившего отпечаток на его родные места. «Вырубленный лес по большой дороге. ...Олешняк и вся гора облезли. Двор, дом, и пруд, и деревня, но прежнего нет. ...Многие из рощиц срублены»¹. Своему приятелю С. М. Соковнину Жуковский писал в эти дни: «Время — большой обжора. Много оно у меня съело с тобою. Я поглядел наше Мишенское; в нем все так изменилось, так все вверх дном, что я в другой раз и заглянуть в него не захочу. Оно мне дорого прошедшим; а след этого прошедшего уничтожен, частью временем (что грустно, но не обидно), частью рукой человеческой, что грустно и обидно. Но на старых развалинах поселилось новое»².

Письмо в этом случае дополняет дневниковую запись, расшифровывает, уточняет ее эмоциональный подтекст.

По письмам А. П. Чехова из Богимова (Калужской обл.) можно прекрасно представить всю обстановку его жизни в этом месте летом 1891 г., когда он писал, по собственному его признанию, «от утра до вечера и во сне»³, когда был закончен рассказ «Бабы», закончена повесть «Дуэль», шла напряженная работа над «Островом Сахалином», продолжалась деятельность Чехова-врача. В письмах из Богимова писатель вновь и вновь говорит о «прекрасном парке», о «зброшенной мельнице», у которой он с наслаждением ловит карасей, о катаниях на лодке и собираниях грибов, об устройстве богимовскими обитателями — ученым-зоологом В. А. Вагнером, художником-пейзажистом А. А. Киселевым с семьями — спектаклей, пикников, живых картин, рассказывает о хозяине усадьбы Е. Д. Былим-Колосовском, «щеголяющем в рубахе навыпуск и в больших сапогах, очень рассеянном, либеральном». Здесь блещет яркими красками изумительный чеховский юмор, сочетающийся иногда с горькой иронией по поводу преследовавших писателя материальных затруднений.

¹ Дневники В. А. Жуковского. СПб., 1901, с. 341.

² Там же, с. 341—342.

³ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. Письма. М., 1976, т. 4, с. 284.

«Чтобы нажить капиталы... и вынырнуть из пучины грошовых забот и мелких страхов, для меня остался только один способ — безнравственный,— пишет он Суворину 24 июля.— Жениться на богатой или выдать «Анну Каренину» за свое произведение. А так как это невозможно, то я махнул на свои дела рукой и представил им течь, как им угодно»¹.

Письма писателей — важнейший источник для воссоздания творческой истории их произведений, связанной с тем или иным краем. Так, 8 августа 1823 г., во время работы над 3-м и 4-м актами «Горя от ума», А. С. Грибоедов пишет А. В. Всеволожскому: «Любезный друг. Пишу тебе из какого-то оврага Тульской губернии, где лежит древнее господское обиталище приятеля моего Бегичева... Отсюда меня не пускают. И признаюсь: здесь мне очень покойно, очень хорошо»². Письмо имеет помету: «Тульской губ. Ефремовского уезда село Лакотцы». Полевые Лакотцы (Локотцы) — второе название села Дмитровского, расположенного к югу от города Ефремова по р. Локотцы, в то время Тульской губернии (сейчас Елецкого района Липецкой области). Именно здесь, в родовом имении Бегичевых, работал Грибоедов над своей бессмертной комедией, что подтверждается свидетельствами как самого С. Н. Бегичева, лучшего друга Грибоедова, так и многих современников³. Пишет Грибоедов и о своих посещениях другого имения Грибоедова, села Екатерининского (сейчас Куркинского района Тульской обл.). Так, в письме Бегичеву из Тифлиса в декабре 1826 г. он вспоминает их беседы в Екатерининском⁴.

Из писем Грибоедова мы узнаем о посещении им Спасского в Чернском уезде Тульской губернии, где жила в имении мужа сестра драматурга Мария Сергеевна Дурново⁵, о посещении Грибоедовым самой Тулы. Он был здесь в сентябре 1818 г., по дороге из Москвы в Петербург. С. Н. Бегичеву из Воронежа он писал: «Я в Туле пробыл целый день.., и тем только разогнал скуку, что нашел в трактире на стенах тьму глупых стихов и прозы»⁶.

Писательские письма — драгоценный документ, подчас ничем не заменимый, воссоздающий душевное состояние их авторов в тот или иной момент их жизни. Так, письма И. С. Тургенева Полине Виардо летних месяцев 1850 г., когда писатель, по приезде из-за границы, жил в родовом имении, с. Тургеневе Тульской губ., в самый разгар работы над «Записками охотника», говорят о его одиночестве, тяжелых переживаниях, жажде душевного сочувствия. Из письма Тургенева Л. Н. Толстому мы узнаем о впечатле-

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. В 30-ти т. Письма. М., 1976, т. 4, с. 251.

² Грибоедов А. С. Соч. В 2-х т. М., 1971, т. 2, с. 220.

³ См. по этому поводу: Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М., 1971, с. 384. См. также: Милонов Н. Русские писатели и Тульский край. Тула, 1971, с. 183—187.

⁴ См.: Грибоедов А. С. Соч. В 2-х т., т. 2, с. 268.

⁵ Письмо А. А. Жандру от 24 июня 1828 г. из Новочеркасска.— Там же, с. 296—297.

⁶ Там же, с. 189.

нии, произведенном на Тургенева посещением Ясной Поляны летом 1878 г.: «Не могу не повторить Вам еще раз, какое приятное и хорошее впечатление оставило во мне посещение Ясной Поляны и как я рад тому, что возникшие между нами недоразумения исчезли так бесследно, как будто их никогда и не было»¹. За каждым из таких писем — целая полоса из жизни писателя, живое ощущение его духовного мира, взаимоотношений со многими современниками.

Письма писателей освещают подчас малоизвестные факты их биографий, иногда и весьма примечательные. Примером могут служить письма И. С. Тургенева, в которых идет речь о его борьбе с кулаком Жикиным, владельцем мельницы на реке Снежеди в деревне Кальна Чернского уезда Тульской губернии². По просьбе крестьян, которых обирал и притеснял Жикин, писатель возбудил против него судебное дело. Издержав в ходе судебного процесса крупную сумму, Тургенев проиграл процесс. «Мне остается против него одно оружие, — говорил Иван Сергеевич Е. М. Гаршину, брату писателя, — написать рассказ «Непобедимый Жикин». Такой рассказ не был написан, но столкновение Тургенева с Жикиным, намерение заклеить его в своем творчестве убедительно говорят о ненависти писателя к хищникам новой формации, не уступавшим по своей жестокости помещикам-крепостникам.

Большой интерес представляет переписка писателей с различными людьми того или иного края. На этом пути возможны интересные находки в местных архивах, личных коллекциях старожилов.

Весьма яркие примеры переписки писателей (А. Н. Островского, И. С. Тургенева, Г. И. Успенского, Н. П. Огарева, Н. А. Добролюбова) с жителями Казани, своими друзьями и знакомыми, местными журналистами и читателями, а также письма казанцев писателям (А. И. Герцену, М. Е. Салтыкову-Щедрину) приводит Е. Г. Бушканец³. Житель Орла И. П. Борисов писал И. С. Тургеневу о дворянских выборах в его родном городе, о том, как проходил в нем день 19 февраля 1861 г., о любви орловчан к его произведениям и т. д.⁴

Активной корреспонденткой И. С. Тургенева была тульская писательница Любовь Яковлевна Стечкина (1851—1900), автор нескольких повестей, одна из которых — «Варенька Ульмина», опубликованная в журнале «Вестник Европы» (1879, ноябрь — декабрь), готовилась к печати при помощи Тургенева. В литературной деятельности Стечкиной он принял большое участие.

¹ Литературный архив, 1953, кн. 4, с. 269.

² См. об этом: Зильберштейн И. Неизвестные рукописи Тургенева. — Лит. газ., 1968, 16 окт.; Новиков В. По тургеновским местам. Тула, 1971, с. 78—94.

³ См.: Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. — В кн.: Казань в истории русской литературы, сб. 1, с. 10—12.

⁴ См. об этом в кн.: Чернов Н. Орловские литературные места. Тула, 1970, с. 28—29.

В сентябре 1878 г. Тургенев навестил семью Стечкиных, живших в с. Плутневе близ станции Суходол Алексинского уезда. О Стечкиной автор «Отцов и детей» рассказывал Л. Н. Толстому во время встречи с ним в Ясной Поляне в августе 1878 г. Отношение Тургенева к тульской писательнице — яркое свидетельство чуткости большого писателя к своим собратьям по перу, постоянной готовности помочь начинающим. Переписка И. С. Тургенева и Л. Я. Стечкиной дает благодарный материал и для изучения работы прославленного писателя как редактора¹.

В письмах к уроженцу Тульского края С. Е. Ганьшину (1878—1953), поэту-самоучке, одному из представителей революционной поэзии предоктябрьской поры, А. М. Горький в феврале 1912 г. с сочувствием говорил о бодром тоне его стихотворений: «это так важно в наше унылое, запутанное время...». С присущим ему тактом и большой доброжелательностью к поэту Горький советовал Ганьшину учиться на классических образцах русской поэзии². Известно, с какой заботой относился Горький к тем, кто нуждался в его совете и помощи, какую обширную переписку с начинающими — да и не только начинающими — писателями он вел, как широка была география этой переписки. Литературные краеведы могут найти ценные сведения об этих многочисленных горьковских адресатах в самых различных областях нашей страны.

Как правило, литературные краеведы располагают личными эпистолярными фондами, скапливающимися за годы разысканий. К примеру, О. Савин, автор книги «Пенза литературная» (Саратов, 1977), использовал в ней письма, полученные им от сестры и жены А. Малышкина, от В. Звягинцевой, поэтессы и переводчицы, от жены и сына литовского поэта Л. Гиры. В личных коллекциях туляков хранятся письма К. А. Федина, относящиеся к работе известного советского писателя над романом «Костер», действие многих сцен которого разворачивается в Туле и Ясной Поляне³, Эд. Межелайтиса, приехавшего в числе других литовских поэтов в Ясную Поляну и Тулу в годы Великой Отечественной войны (поэты выступали перед бойцами литовской части, перед туляками), и от многих других писателей.

Автору этих строк довелось переписываться со многими советскими писателями, чей жизненный и творческий путь оказался связанным с Тульским краем (или близкими тех из них, кто ушел из жизни). Помимо биографических сведений о себе, о своих связях с Тульской землей, эти писатели рассказывали о творческой истории своих произведений, о культурной жизни Тульского края, участниками которой они были. Так, С. П. Бородин, автор известных исторических романов «Дмитрий Донской» и тетралогии «Звезды над Самаркандом», ранние годы своей жизни провел в г. Белеве бывшей Тульской губернии, учился в Белевском реальном училище им. В. А. Жуковского, увлекался живописью и литературой, был активным участником белевского Пролеткульта. В своих письмах он сообщил много интересного о культурной жизни Белева в 20-е годы, о том, что театр, основанный и поддержанный белевским Пролеткультом, зна-

¹ См.: Письма И. С. Тургенева к Л. Н. и Л. Я. Стечкиным. Одесса, 1903.

² См.: Горький М. Письма к рабкорам и писателям. М., 1936, с. 11.

³ См.: Левинсон З. И. В единстве (о творчестве К. А. Федина). Тула. 1979 (глава «Во имя нашей жизни», с. 141—169 — о романе «Костер»).

чительно поднял культуру театрального дела, проявил большой вкус и взыскательность в понимании пьес, в выборе репертуара, добился невиданного в Белеве декоративного оформления спектаклей — здесь особенно велика заслуга талантливого художника, уроженца Белевского уезда Т. И. Катуркина. Бородин подчеркивает огромную роль Пролеткульта в формировании большого количества увлеченных, преданных своему призванию деятелей советской культуры и искусства. «...В студии, — пишет он (27 мая 1969 г.), — сидели рядом и общались стремились к познанию основ культуры вчерашний гимназист, бывший московский артист... солдат, из-за ранения отчисленный из Красной Армии, профессиональный художник, пересматривающий свое эстетическое кредо, и прочее подобное же разнообразие людей. В Белевской художественной студии эти, если переводить на конкретных людей, роли распределяются так: вчерашний гимназист (реалист) — это я; недавний помещик, профессиональный актер московской «Летучей мыши» — Н. Н. Сабинин, солдат — П. Чибисов, талантливо и широко писавший первые картины, художник — Т. И. Катуркин, и на каждое место можно назвать много имен — Н. Н. Эльманович, Х. М. Успенская, С. Маликова, Н. Ходасевич, — это недавние реалисты и гимназистки, успевшие только что получить аттестаты об окончании своих школ, рядом с Н. Н. Сабининым — станут О. П. Павлова, Е. М. Сорокина (в свое время известная балерина), пианист И. П. Дедок и др. На месте солдата — С. Медведев (я его впоследствии потерял из виду, но это был одаренный человек и в живописи и в театре), «живописец вывесок» Суворов, в 50-летнем возрасте упорно учившийся рисунку, по ночам изучавший историю искусств — Гнедича, Грабаря, А. Бенуа и потом просивший нас растолковать ему непонятные места в этих многогомяных исследованиях».

Бывшая актриса белевского театра Х. М. Успенская, проживающая сейчас в г. Калинин, рассказала нам в своих письмах о том, что в репертуаре театра в 20-годы почетное место занимала классика, шли пьесы Гоголя, Островского, Шекспира, Лопе де Вега, Мольера, Гольдони, Ибсена. Спектакли ставились в строго реалистической манере. По ее словам, «новые чувства, которые дала людям революция, делали игру актеров ярче, глубже, выразительнее». Так, эпистолярные свидетельства очевидцев помогли представить весьма яркую страницу жизни «культурного гнезда» Тульского края в определенный период его развития.

Своеобразным источником сведений об отношении писателя к тому или иному краю являются дневники и письма близких ему людей. Таковы, к примеру, дневники С. А. Толстой, Т. Л. Толстой-Сухотиной (дочери великого писателя), филолога И. М. Ивакина, В. Ф. Лазурского (яснополянского учителя детей Толстого), пианиста А. Б. Гольденвейзера, секретарей писателя Н. Н. Гусева и В. Ф. Булгакова и других близких к Толстому лиц¹. Огромны по объему «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого, домашнего врача Л. Н. Толстого. Он вел их в течение последних шести лет жизни великого писателя, тщательнейшим образом фиксируя все то, что происходило в это время в Ясной Поляне. Дневники Маковицкого — «это хроника жизни Толстого не только по дням, но буквально по часам; это широкая панорама быта яснополянского дома; это и интересный памятник эпохи, своеобразно отражающий ...годы русско-японской войны, первой русской революции и последовавшей за ее поражением полосы реакции»².

¹ Обзор дневников, которые велись близкими Л. Н. Толстого, см. в статье: Э. Е. Зайденшур «Яснополянские записки», их место среди других дневников о Толстом» в кн.: У Толстого (1904—1910). «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. — Лит. наследство, т. 90. В 4-х кн. М., 1979, кн. 1 (1904—1905).

² Там же, с. 5.

Как пишет В. Ф. Асмус, записки «детально и достоверно воспроизводят внешние формы течения жизни в Ясной Поляне»¹, ее повседневного обихода, рассказывают обо всех посетителях Ясной Поляны — от крестьян и неизвестных простых людей до прославленных деятелей науки, искусства, литературы, о беседах и спорах, которые вел с ними Толстой, о музыкальных вечерах в яснополянском доме, об обширнейшем круге чтения Толстого, фиксируют высказывания Толстого по разнообразнейшим вопросам, отражают жизнь большой семьи Толстого с ее трудностями и конфликтами, свидетельствуют о творческих замыслах писателя его последних лет, «прекрасно передают силу, напряженность и содержание духовных интересов, царивших в доме Толстого и вокруг Толстого: высокий уровень умственных запросов, которыми жил не только глава дома — сам Лев Николаевич, но и входившие в поле его интеллектуального притяжения другие обитатели и посетители яснополянской усадьбы»².

По дневникам Маковицкого можно судить о том, с каким огромным интересом относился Толстой, не принимавший революционных способов изменения жизни, к событиям первой русской революции, в том числе и к тем из них, которые разворачивались буквально на его глазах в Тульском крае. Именно через них, через эти живые, конкретные факты он часто судил об общих процессах социально-политической жизни страны. «Его (Толстого. — Н. М.) живо интересует все, что творится в окрестностях, — записывает Маковицкий 25 августа 1906 г.»³.

«Как нехорошо в Туле, — приводит он слова Толстого в записи 10 марта 1905 г., — как везде видно, что народ обманывают: солдаты, кабаки, церкви... Как обманут народ»⁴. В записи 15 июня 1906 г. идет речь о приехавшем в Ясную Поляну рабочем тульского патронного завода, потерявшем зрение на тяжелой работе⁵, в записи 2 декабря 1906 г. приведены слова Толстого: «На заводах, фабриках однообразное и нездоровое занятие», подтвержденные примером Тульского оружейного завода, «где рабочий приставлен к прессу — подставляет железные пластины, в которых машина выбивает дырку»⁶.

17 октября 1905 г. Михаил Львович, сын писателя, вернувшись из Тулы, рассказал о забастовавших железнодорожниках, о том, что «губернатор и вице-губернатор... не знают, что делать. В тюрьме арестанты выломали дверь; солдаты... троих застрелили». «Я думал о том, что рассказывал Миша, — приводит Маковицкий слова Толстого. — ...Революция началась. Чтобы она удалась, чтобы они захватили власть, нужна организация, нужны большие перевороты»⁷.

¹ Лит. наследство, т. 90, кн. I. с. 12.

² Там же, с. 14.

³ Там же, кн. 2, с. 218.

⁴ Там же, кн. 1, с. 206.

⁵ Там же, кн. 2, с. 164.

⁶ Там же, кн. 2, с. 512.

⁷ Там же, кн. 1, с. 429.

21 октября 1905 г. тульские рабочие под руководством большевиков организовали демонстрацию против разгула черной сотни. «Черносотенцы бросились на демонстрантов, но, получив сокрушительный отпор, стали разбегаться, оставляя убитых и раненых, — читаем мы в «Очерках истории Тульской организации КПСС». — В это время по сигналу на помощь черной сотне прискакали казаки, отряды полиции... и началась зверская расправа с рабочими-дружинниками, с безоружными рабочими-демонстрантами. В этом столкновении погибли члены большевистской организации Тулы Алексей Бабякин, Николай Батишев, Алексей Казков, Павел Зусман, Николай Рязанцев и другие. Всего было убито во время вооруженного столкновения рабочей дружины с черносотенцами и казаками 25 человек и ранено более ста»¹. Известие о кровавом побоище в Туле привез в Ясную Поляну Н. Н. Гусев. «Была демонстрация революционеров, на которую напала черная сотня, — записывает Д. П. Маковицкий. — Л[ьва] Н[иколаевича] ранили в сердце эти известия»². 9 января 1906 г. Толстой расспрашивал Александру Львовну о том, что происходило на вчерашнем дворянском съезде в Туле. «...Постановления реакционные: выразить Дубасову благодарность за подавление вооруженного восстания в Москве, Л[ев] Н[иколаевич]: «Ужасно!»³ Весной 1907 г. Андрей Львович рассказывал «про озлобление рабочих в Туле»⁴, Михаил Сергеевич Сухотин — о поджогах помещичьих усадеб⁵, осенью 1908 г. Михаил Львович — о смертных казнях в Туле⁶. Все эти факты тульской действительности тех лет вплетались в общую картину русской жизни, дополняли и конкретизировали ее, находили свое отражение в произведениях Толстого, в его публицистике.

Об октябрьских событиях 1905 г. в Москве и Туле, о столкновениях черносотенцев с социал-демократами пишет в своем дневнике и Т. Л. Сухотина-Толстая, добавляя при этом: «Папá уехал в Басово, чтобы на шоссе узнать от возвращающихся из Тулы о новостях»⁷. В ее дневнике весьма интересны также записи 1894—1897 гг., касающиеся Марии Михайловны Холевинской (с 1884 г. — врача Тульской городской больницы). Подруга Татьяны Львовны, она часто бывала в Ясной Поляне, многократно арестовывалась тульской полицией за хранение и распространение запрещенных сочинений Толстого, сидела в тульской тюрьме, отбывала ссылку в Астрахани. «Приехала Холевинская, — записывает Татьяна Львовна 10 февраля 1894 г. — Папá за ней ездил. Я ее мало видела, да она уже устала сто раз рассказывать про свой арест, а нам рассказала Маша»⁸. 15 марта 1897 г.:

¹ Очерки истории Тульской организации КПСС. Тула, 1967, с. 71.

² «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого, кн. 1, с. 433.

³ Там же, кн. 2, с. 12.

⁴ Там же, с. 389.

⁵ Там же, с. 423.

⁶ Там же, кн. 3, с. 252.

⁷ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник. М., 1979, с. 440.

⁸ Там же, с. 294.

«Была сегодня в Туле, чтобы видеть Холевинскую. Дом ее заперт, карточка с двери снята, и на окнах билетика, а она уже четыре дня тому назад уехала на место своей ссылки в Астрахань. Очень было грустное и тяжелое впечатление»¹.

Определенный интерес представляет дневник А. А. Цурикова (1849—1912), юриста, служившего до 1901 г. в Тульской и Орловской губерниях и жившего в имении жены Огничное Чернского уезда Тульской губернии (дневник хранится в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина). В дневнике зафиксированы впечатления от многократных встреч с Л. Н. Толстым в 1891—1898 годах. В середине апреля 1891 г. автор дневника присутствовал в Ясной Поляне при обсуждении вопроса о разделе имущества, в октябре 1898 г., по просьбе Толстого, читал и исправлял в рукописи описание суда над Катюшей Масловой в «Воскресении»².

В архиве Гос. музея Л. Н. Толстого в Москве хранится обширная переписка семейных великого писателя, его ближайших друзей. Она «возникла в первые же дни супружеской жизни Толстого, когда из усадьбы полетели письма в родной московский дом молодой графини и оттуда в Ясную Поляну. (<...> Почти полстолетия, едва ли не каждый день, писалась хроника яснополянской жизни, ничем не прикрашенная, ценная своей непосредственной простотой. Первоклассные человеческие документы! В своем роде они неповторимы...»³. Эти письма (их авторы С. А. Толстая Т. А. Кузминская, А. А. Толстая, Т. Л. Сухотина, М. Л. Оболенская, А. Е. Берс и другие) изобилуют упоминаниями о работе Толстого над своими произведениями, его общественной деятельности, разнообразнейшими бытовыми подробностями⁴.

Внучка Л. Н. Толстого Татьяна Михайловна Альбертини-Сухотина, живущая сейчас в Италии, передала на родину эпистолярный архив своей матери, Татьяны Львовны Сухотиной-Толстой (около полутора тысяч писем). В годы своей жизни в Ясной Поляне Татьяна Львовна вела переписку отца, написала по его поручению множество писем самым различным лицам, в том числе и виднейшим русским и зарубежным писателям, ученым, деятелям искусства. В архиве Татьяны Львовны сохранились письма Н. С. Лескова, одно из которых (17 февраля 1893 г.) касается деятельности Толстого и его близких во время голода

¹ Сухотина-Толстая Т. Л. Дневник, с. 392. См. также: Шифман А. И. Дело Марии Холевинской.— Литературная Россия, 1978, 28 мая. (То же в кн.: Шифман А. И. Страницы жизни Льва Толстого. М., 1983.)

² См. Сидорова А. Б. Встречи с Толстым (Из огнищенского дневника Цуриковых).— В кн.: Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М., 1978, вып. 39.

³ Толстой в письмах родных и близких (публикация О. А. Голиненко и Б. М. Шумовой).— Яснополянский сборник. Тула, 1972, с. 207.

⁴ См.: Толстой в письмах родных и близких.— Яснополянский сборник (1972, 1976, 1978, 1982 гг.); Лев Толстой в письмах Н. Н. Страхова к А. А. Фету (публикация И. Г. Ямпольского).— Яснополянский сборник, 1972.

в Рязанской губернии, письма В. Г. Короленко, в которых речь идет о рассказе Т. Л. Сухотиной-Толстой «Курзик» — о тяжелой жизни и трагической смерти яснополянского крестьянина Федота¹.

§ 3. ПЕРИОДИКА

В свое время Н. К. Пиксанов призывал краеведов к изучению местной прессы и деятельности местных издательств, указывал на то, что органы печати, при всем различии их общественно-политической направленности, «содержат много точных данных о местной культурной жизни»². Сейчас собран, систематизирован и изучен огромный материал, касающийся периодической или повременной печати, которая является важнейшим источником изучения родного края. И все же местная, провинциальная русская печать изучена далеко не достаточно, хотя роль ее в истории отечественной литературы исключительно велика. По словам исследователя, «возникновение и развитие местных газет часто было результатом проявления серьезных усилий, следствием упорной борьбы и труда местной интеллигенции, выходцев из простонародья. ...Просветительские тенденции местной печати были чрезвычайно сильны, несмотря на строгий надзор цензуры, администрации и противоборство рептильных изданий. Выявление подобных изданий и тенденций в местной печати — дело чрезвычайно нужное и благородное»³.

С самого своего зарождения местная периодика сыграла немалую роль в организации и активизации литературной жизни краев и областей. В основном местные литераторы сотрудничали в первом провинциальном русском журнале «Уединенный пешехонец», который издавался в Ярославле в 1786—1787 годах. При Тобольском главном народном училище выходил в 1789—1791 годах журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». В этот период он был единственным провинциальным журналом в России, в нем сотрудничали преподаватели училища, активнейшим его редактором и сотрудником был ссыльный поэт П. П. Сумароков. Деятельность тобольского журнала «была одним из проявлений идеологической борьбы того времени, борьбы передовой части русского общества, защищавшей интересы крестьянства и буржуазного прогресса в феодально-крепостнической России»⁴.

Местные авторы, учителя Орловской гимназии, писали свои произведения для журнала «Друг Россиян», издававшегося в Орле с 1816 г. Журнал этот, будучи одним из свидетельств ожив-

¹ См.: Шифман А. Вблизи Льва Толстого. — Литературная Россия, 1977, 2 сент.

² Пиксанов Н. К. Областные культурные гнезда. М.— Л., 1928, с. 64.

³ Есин Б. И. Русская газета и газетное дело в России. М., 1981, с. 38. См. также кн.: Есин Б. И. Путешествие в прошлое (Газетный мир XIX века). М., 1983.

⁴ Трусова З. Н. Общественно-политические тенденции журнала «Иртыш, превращающийся в Ипокрену». — В кн.: Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.). Новосибирск, 1976, с. 30.

ления культурной жизни Орла после событий 1812 г., особенно в средних слоях общества — чиновничестве, интеллигенции, мещанстве, в целом носил верноподданнический характер. Но некоторые его материалы представляют значительный интерес: здесь, к примеру, публиковались рецензии на спектакли крепостного театра гр. Каменского, того самого театра, рассказы о котором послужили жизненным материалом для повестей «Сорока-воровка» Герцена и «Тупейный художник» Лескова.

Ярким отражением литературной и — шире — культурной жизни Казани, Поволжья, Сибири 30-х годов прошлого столетия был «Заволжский муравей», издававшийся в Казани, — один из лучших провинциальных журналов первой половины XIX в., в котором помещались стихи С. Н. Глинки, Д. П. Ознобишина, Н. М. и Л. Н. Ибрагимовых, А. А. Фукс (казанской знакомой А. С. Пушкина), печатались произведения сатирика П. А. Анорова, краеведческие работы издателя журнала М. С. Рыбушкина¹.

Из казанских, тобольских, томских «Губернских ведомостей» мы узнаем о примечательном факте культурной жизни Казани и многих других русских городов в эпоху падения крепостного права — литературных вечерах, которые использовались разночинцами-демократами для пропаганды освободительных идей не только как легальная трибуна. Средства от их проведения часто поступали на нужды революционного подполья. В Казани такие вечера организовывались и проводились местным комитетом «Земли и воли», вызывали большую тревогу местных властей. К примеру, 18 марта 1862 г. в Казани был проведен вечер с чтением «О душевных болезнях вообще и об эпидемическом развитии оных в особенности», на котором обсуждалась повесть Герцена «Доктор Крупов»².

Замечательным памятником культуры Воронежского края был первый русский научный филологический журнал «Филологические записки», издававшийся в 1860—1917 годах. Появившийся в пору подъема освободительного движения в стране, этот журнал, многим обязанный инициативе его первого редактора-издателя воронежского педагога А. А. Хованского, помещал работы учителей-словесников из многих городов, а также видных ученых, как Ф. И. Буслаев, А. Д. Галахов, А. А. Потебня, А. Н. Веселовский, Я. К. Грот, О. Ф. Миллер, Н. И. Кареев, И. А. Бодуэн де Куртенэ. В журнале разрабатывались проблемы древней и новой русской и зарубежной литературы, методики преподавания литературы, острые проблемы современного литературного развития. Особое место занимало изучение творчества писателей-земляков А. В. Кольцова, И. С. Никитина, А. П. Серебрянского. Обширное и пестрое содержание журнала было довольно эклектичным, тем не менее сотрудничество крупных ученых обеспечило журналу большую популярность. Его «выписывали книгопродавцы Парижа и Лейпцига, у него были читатели в Праге, Загребе, Берлине, Иене, Упсале, Граце, Вене, Страсбурге и даже в далекой Америке. Но особый интерес он вызвал среди интеллигенции славянских стран — в нем систематически помещались материалы по вопросам

¹ См. об этом издании: Аристов В., Ермолаев Н. Все началось с путеводителя... Казань, 1975, с. 35—72.

² См. об этом: Вульфсон Г. Н., Литвин Ф. А. Разночинцы-демократы о литературных вечерах эпохи падения крепостного права. — В кн.: Вопросы историографии и источниковедения. Казань, 1969, сб. 4.

языка и литературы украинского, болгарского, сербского, чешского и других славянских народов»¹.

О литературной жизни Самарского, Оренбургского, Казанского краев в период первой русской революции дают живое представление выходявшие тогда сатирические журналы «Горчишник» (Самара), «Кобылка» (Оренбург), «Застенок», «Метеор» (Казань). Около 500 экземпляров (118 названий) сатирических журналов 1905—1907 годов, т. е. почти треть вышедших в России в те годы, сохранилось в коллекции казанского библиофила и коллекционера В. В. Егерова. Ценность этой коллекции станет особенно очевидной, если учесть плохую сохранность сатирических журналов по сравнению со всеми другими: именно сатирические журналы настойчиво преследовались царским правительством и чаще других подвергались уничтожению².

Своеобразным резервуаром художественной литературы, могущим фактором повсеместного роста и развития литературно-творческих сил стало массовое рабселькоровское движение, развернувшееся в нашей стране под руководством Коммунистической партии с первых же лет существования Советского государства. Газета и журнал были первой школой для тех, кто вчера еще нес бремя непосильного труда, нищеты, вековой темноты, кто, быть может, впервые взялся за перо и ощутил, после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, прилив небывалых сил, потребность поделиться с читателем своими думами и чувствами, рассказать о пережитом, поведать о счастье приобщения к новой жизни. Эти процессы своеобразно преломлялись в различных краях Советской России. Обследование обширного, разнообразного материала периодической печати на местах в первые советские десятилетия имеет значение в плане осознания принципиальной значимости того широкого фронта «массовой художественной самодеятельности», который, по словам К. Зелинского, «сегодня существует на правах резервной армии, на «литературных подступах», а в те годы выступил на первый план как новое явление самой народной культуры»³.

Особого внимания заслуживает местная периодика незабываемых лет Великой Отечественной войны, фронтовая печать. И по сей день местные газеты, областные и районные, представляют собой в своем роде незаменимый источник разнообразнейших сведений литературно-краеведческого характера, своеобразную летопись литературной жизни края. Как правило, здесь появляются первые публикации произведений местных авторов, материалы о культурной жизни края, о поисках и находках краеведов.

С сотрудничеством в местной периодике подчас оказываются связанными целые творческие этапы крупных писателей. Так, важное место в биографии И. А. Бунина занимает его работа (с 1889 по 1892 г.) в газете «Орловский вестник». Здесь были опубликованы бунинские рассказы «Первая любовь», «Божьи люди»,

¹ Слинко А. А. Воронежские «Филологические записки» (1860—1917).—В кн.: Очерки литературной жизни Воронежского края. Воронеж, 1970, с. 235.

² См. об этом в кн.: Аристов В., Ермолаева Н. Все началось с путевода... , с. 74.

³ Зелинский К. На рубеже двух эпох. М., 1959, с. 26.

Период сотрудничества в «Орловском вестнике» связан и с «юношеским романом» Бунина — его любовью к В. В. Пашенко (об этом идет речь в статье А. Бабореко «Юношеский роман И. А. Бунина», опубликованный в 15-м номере альманаха «Литературный Смоленск» за 1956 г., и в книге Л. Н. Афонина «Рассказы литературоведа», вышедшей в Туле в 1979 г., в главе «Юношеский роман Бунина»). Глубокое чувство писателя к Пашенко нашло отражение в его стихах второй половины 90-х годов, рассказе «В ночном море», «Жизни Арсеньева» (образ Лики).

Примечательны связи А. П. Чехова с газетой «Оренбургский край» в 90-е годы, публикация в этой газете его произведений, его интерес к корреспонденциям беллетриста В. Л. Кинг-Дедлова, служившего тогда в Оренбурге, в которых рассказывалось об оренбургских быте и нравах той поры. Чехов «проявлял заинтересованность в печатании своих произведений на периферии»¹, его творческие связи с оренбургской газетой «сыграли свою роль в творчестве писателя и, конечно, стали явлением в культурной жизни Оренбурга»². Интереснейшим периодическим изданием была казанская газета «Волжский вестник». Н. П. Загоскин, ее издатель и редактор, сумел в последние десятилетия прошлого века привлечь к сотрудничеству в ней Д. Н. Мамина-Сибиряка, В. Г. Короленко, Г. И. Успенского и других писателей. Для Короленко «Волжский вестник», пишет Е. Г. Бушканец, «был своей газетой, которой писатель на протяжении восьми лет отдал немало сил и творческой энергии»³.

В газете печатались рассказы Короленко (в 1885 г. — «Старый звонарь», «В ночь под светлый праздник», «Глушь», «На станке»; в 1886 — «Море»; последние два были впоследствии переработаны автором и стали известными под названиями «Ат-Даван» и «Мгновение»), многочисленные корреспонденции, рецензии, публицистические статьи под различными псевдонимами. Как пишет исследователь, «Короленко постоянно переписывался с редакцией, давал советы и указания, помогал в подборе сотрудников, просматривал получаемые газетой беллетристические произведения. Именно благодаря постоянному сотрудничеству Короленко «Волжский вестник», по словам А. М. Горького, превратился в «самую влиятельную газету Поволжья»⁴.

Сам Горький опубликовал в «Волжском вестнике» в 1893—1894 годах четыре рассказа⁵. В декабре 1883 г. Г. И. Успенский

¹ Большаков Л. Отыскал я книгу славную... (Поиски и исследования). Челябинск, 1971, с. 194.

² Там же, с. 203.

³ Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. — В кн.: Казань в истории русской литературы. Сб. 1, с. 12. О сотрудничестве Короленко в «Волжском вестнике» идет речь и в статье Бушканца «Загадка «Зрителя» (Из записок литературоведа)» (Литературный Татарстан, Казань, 1957, кн. 12). Исследователь открыл шесть произведений в этой газете за подписью «Зритель».

⁴ Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве..., с. 13.

⁵ См.: Горьковские чтения 1949—1952. М., 1954, с. 406—413.

выслал в редакцию «Волжского вестника» свою статью о К. Марксе. Не допущенная цензурой, она распространялась по Казани в рукописных списках. В 80—90-е годы в «Волжском вестнике» сотрудничал Е. Чириков, Н. Гарин-Михайловский. В научной библиотеке Казанского университета сохранились цензорские гранки «Волжского вестника», которые позволяют освободить опубликованные в газете произведения от цензорских искажений. «Все это дает нам право рассматривать местную печать как ценный историко-литературный источник, — справедливо замечает Е. Г. Бушканец. — Значение ее усиливается благодаря хорошо поставленному отделу литературной критики на страницах «Камско-Волжской газеты», «Волжского вестника», «Волжско-камского слова» и других казанских изданий»¹.

Олег Савин в книге «Пенза литературная» (1977) приводит материалы «Пензенских губернских ведомостей» (1887, 12 ноября) о деле крестьян села Долгорукова Инсарского уезда: крестьяне убили управляющего, отличавшегося грубым самоуправством, двух из них повесили. Этим материалом заинтересовался Л. Н. Толстой, его ужасал неслыханно жестокий приговор, он писал о нем Джорджу Кеннану, а также Н. А. Тучковой-Огаревой, хозяйке этого села. Пензенская периодика начала XX в. связана с жизнью и деятельностью А. И. Куприна, уроженца Пензенского края. Как о большом таланте, подающем блестящие надежды и привлекающем к себе общественное внимание, писали о нем «Пензенские губернские ведомости» 17 июля 1908 г. «В пензенской газете «Чернозем», — свидетельствует О. Савин, — увидели свет два произведения А. И. Куприна, публикации которых не обнаружены в столичных изданиях. 10 июня 1916 г. там был напечатан рассказ «Интервью»..., а 28 и 29 сентября — «Канталупы»². «Газетным дневником», «газетной летописью» жизни и творчества А. М. Горького можно назвать нижегородские газеты с конца 90-х годов XIX века до 1917 г. «...Материалы о нем появлялись чуть ли не ежедневно. Здесь перепечатывались сведения, появляющиеся о Горьком во всех газетах России, а также газетах Германии, Франции, Швейцарии, Австрии и других стран. Это и проблемные статьи, и рецензии, и сведения о сценической судьбе горьковских пьес, о личной жизни писателя, его общественных начинаниях, росте его влияния во всем мире. Многие заметки сейчас позволяют уточнить некоторые факты биографии...»³.

«История периферийных журналов — область, почти не затронутая наукой», — пишет астраханский исследователь Э. Н. Аламдарова, рассказывая о журнале «Военмор», органе политотдела Волжско-Каспийской военной флотилии и издававшемся в грозные дни ноября 1919 г., когда Астрахань была окружена белогвардейцами. В журнале этом активно участвовала Лариса Рейснер, здесь публиковались ее стихи, статьи, очерки⁴.

¹ Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей, с. 13.

² Савин О. Пенза литературная. Саратов, 1977, с. 79.

³ Вопросы литературы, 1961, № 6, с. 252.

⁴ См.: Аламдарова Э. Н. Журнал «Военмор». — В кн.: Литературное краеведение (материалы к спецкурсу). Астрахань, 1969, вып. 4, с. 3.

В смоленских газетах 20—30-х годов советского времени начинали свою творческую деятельность М. В. Исаковский и А. Т. Твардовский. В первые пооктябрьские годы в них увидели свет лирические стихи Исаковского «Засуха», «Под самарским небом», «Черный чад», поэма «400 миллионов»¹. Исаковский редактировал ельнинскую уездную газету, состоял в штате губернской (с 1929 г. — областной) смоленской газеты «Рабочий путь». Поэт утверждал, что «программа» его литературной деятельности сложилась под влиянием занятий журналистикой².

В смоленских газетах и в других местных изданиях 20-х — начала 30-х годов опубликовано множество по существу забытых, не переиздававшихся произведений юного Твардовского. Он был активнейшим селькором; писал, по его словам, «о неисправных мостах, о комсомольских субботниках, о злоупотреблениях местных властей и т. д. Это делало меня, рядового сельского комсомольца, в глазах моих сверстников и вообще окрестных жителей лицом значительным. Ко мне обращались с жалобами, с предложениями написать о том-то и о том-то, «протянуть» такого-то в газете... Потом я отказался послать и стихи»³. Как пишет исследователь, «ранние стихи Твардовского, при всей их неровности, дают серьезный повод для большого разговора»⁴, проясняют истоки творческого пути замечательного советского поэта.

Сотрудничество в ростовских газетах 20-х годов — «Трудовой Дон», «Советский юг», «Донская беднота», «Трудовая жизнь» — было началом литературного пути Николая Погодина. Здесь публиковались его многочисленные очерки, стихотворения. Своим «поэтическим словом совсем молодой Погодин боролся за упрочение советских порядков, за успешное осуществление социалистических преобразований во всех сферах народной жизни»⁵.

Сызранская периодика первых пооктябрьских лет связана с истоками творчества Константина Федина. В 1919 г. Федин редактировал сызранский литературно-художественный журнал «Отклики», где опубликовал свой первый рассказ «Счастье» (под псевдонимом К. Алякринский) и ряд других произведений. Деятельность Федина в «Откликах» долгое время оставалась неизученной, между тем как «анализ работы Федина в «Откликах» весьма важен для понимания мировоззрения и творческих принципов писателя, первые литературные шаги которого были проделаны под знаком искреннего стремления создать искусство, рожденное революцией»⁶. Сам писатель говорил о том, что он «прошел в Сызрани свой приготовительный класс необходимых работнику печати навыков», что восемь месяцев сызранской жизни заняли большое место в его писательской судьбе⁷.

Еще мало изучена журналистская деятельность таких советских писателей, как В. Зазубрин⁸, А. Платонов⁹ и многих других. Изучение тульской периодиче-

¹ См. об этом: Шурыгина Л. Первые шаги (литературная жизнь Смоленская периода революции и первых лет Советской власти). Смоленск, 1963, с. 15.

² См.: Исаковский М. Собр. соч. В 4-х т. М., 1968, т. 1, с. 64. См. также: Будаев Д. И. М. В. Исаковский — редактор ельнинской уездной газеты. — Русская литература, 1980, № 3.

³ Твардовский А. Собр. соч. В 5-ти т. М., 1966, т. 1, с. 9. См. также: Фоянко в И. О. Смоленский селькор. — В кн.: Вопросы печати. Ученые записки Ленинградского гос. ун-та им. А. А. Жданова, Серия филологических наук. 1959, вып. 47.

⁴ Акаткин В. М. Перед дорогой (стихотворения А. Т. Твардовского 20-х — начала 30-х годов). — Русская литература, 1979, № 3, с. 28.

⁵ Шумов В. Сотрудничество Н. Погодина в газетах 20-х годов. — Вопросы литературы, 1970, № 5, с. 252.

⁶ Левинсон З. И. Рассуждения о К. А. Федине. — В кн.: Творчество К. Федина (статьи, сообщения). М., 1966, с. 241.

⁷ Там же, с. 239, 248. См. также: Горбунов А. П. Федин-публицист (сызранский период). — В кн.: Журналистика в Сибири. Иркутск, 1972.

⁸ См.: Трушкин В. В. Я. Зазубрин в газете «Красный стрелок». — В кн.: Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1972.

⁹ См.: Шубин Л. Начало сознания (О публицистике Андрея Платонова воронежского периода). — Литературное обозрение, 1981, № 9.

ской печати первых пооктябрьских лет помогает уяснению истоков творчества некоторых советских писателей, например: Артема Веселого (Н. Кочурова) А. Г. Глебова (Котельникова), А. А. Демидова и др., дает возможность познакомиться с их произведениями, подчас неизвестными, забытыми, скрытыми под различными псевдонимами. Далеко не все эти произведения выявлены и изучены, краеведческий поиск здесь перспективен и многообещающ. Отметим, что в 1917 г. в газете «Белевский пролетарий» публиковались стихи будущего известного советского писателя С. П. Бородина, в тульской периодике 20-х годов начинали свою творческую деятельность А. И. Алдан-Семенов, М. Ф. Чумандрин, В. И. Дмитриевский, И. И. Доронин, В. И. Немцов и другие.

Вскоре после окончания Великой Отечественной войны в г. Сталиногорске (теперь г. Новомосковск Тульской обл.) жил и работал в качестве ответственного секретаря газеты Ярослав Смеляков¹. Многие из его произведений, написанных здесь, впервые публиковались в «Сталиногорской правде», «Московской кокагарке». Смеляков был и автором увидевших свет в этих газетах рецензий на спектакли местного театра, зарисовок о горняках. Он руководил литобъединением, часто выступал перед шахтерами, ему обязаны своим творческим ростом многие новомосковские литераторы. Постоянное общение с рабочими людьми, непосредственное участие в их жизни и труде, в постоянном кипении трудовых буден многое дали Смелякову как поэту.

Обращение к местной периодике подчас способствует прояснению творческой истории художественных произведений.

В «Тульских губернских ведомостях» (1872) было помещено сообщение о самоубийстве А. С. Пироговой, бросившейся под поезд на станции Ясенки (теперь Шекино), случае, который, как свидетельствует С. А. Толстая, навел Толстого на мысль о трагическом финале романа «Анна Каренина»².

21 октября 1880 г. в Тульском окружном суде рассматривалось дело чернских крестьян Колосковых, которое явилось истоком драмы Толстого «Власть тьмы», написанной через шесть лет, в октябре 1886 г. В своей работе о творческой истории толстовской драмы Г. А. Шарапова обращает внимание на то, что за время, прошедшее с того момента, как тульский судебный деятель Н. В. Давыдов сообщил Толстому подробности дела Колосковых, конкретные обстоятельства этого дела могли забыться, однако о них напоминала Толстому сама жизнь, могли напомнить газеты, в которых фигурировали факты, подобные делу Колосковых. «Тульские губернские ведомости» систематически помещали списки дел, назначенных к слушанию в судебном заседании. В сентябре — октябре 1886 г. тульская газета сообщила о ряде таких дел (убийство крестьянами незаконных детей, отравление мужей и т. п.). «Если допустить, что Толстой читал «Тульские губернские ведомости», то интересно заметить, что время появления в печати сообщений об этих делах совпадает с решением писателя создать драму, в сюжет которой вошло неповторимое само по себе дело, тем не менее крепко связанное с широким кругом аналогичных жизненных явлений»³.

¹ См. об этом: Дементьев В. Ярослав Смеляков. М., 1967; Поздняков С. Могучий талант. — Новомосковская правда, 1963, 22 янв.

² Толстая С. А. Почему Каренина — Анна и что навело на мысль о подобном самоубийстве? — В кн.: Дневник С. А. Толстой (1886—1891). М., 1928. с. 44—45.

³ Шарапова Г. А. К вопросу о творческой истории драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы». — Толстовский сборник № 3. Тула, 1967, с. 267.

Поистине прав был Горький, когда писал о том, что сама жизнь оправдывает Толстого от упреков в якобы чрезмерном сгущении темных красок в его драме. Жуткая реальность старой русской пореформенной деревни отразилась и в скупых строчках сообщений тогдашних тульских газет.

Материалы тульской периодики позволили В. Громову прояснить некоторые стороны идейного содержания рассказа «Бежин луг» из цикла «Записки охотника». В то время, когда Тургенев работал над этим рассказом, в «Тульских губернских ведомостях» появился очерк Зеленецкого «Город Чернь и его уезд» (1850, № 2—6), где упоминались народные предания о разбойниках, обитавших вблизи Черни — Кудеяре, Ваньке Казяве и других. Характерно, что цензурный комитет решил сделать «вразумление» начальнику Тульской губернии по поводу именно этих указаний, просочившихся в местную печать, а Николай I одобрил решение комитета, наложив на него свою резолюцию: «Справедливо». В. Громов убедительно доказывает, что некоторые рассказы мальчиков из знаменитого тургеневского произведения (Бежин луг расположен в Чернском районе Тульской области) напоминают народные предания, воплотившие антикрепостнические настроения народа¹. На это указывал и В. Базанов, связывая историю Тришки, которую рассказывают Ильяша и Павел, с героями крестьянской революции, подобными Разину или Пугачеву².

Как известно, цензура обратила особое внимание на рассказы мальчиков о Тришке, в журнальном варианте тургеневского произведения вместо имени Тришки стояло просто «Леший». Писатель, видимо, смягчил и замаскировал антикрепостническую сущность рассказа о Тришке, одного имени которого помещики и всевозможные представители власти боялись, как огня. Использование краеведческих материалов, обращение к местной периодике помогло в данном случае ярче показать скрытый социальный смысл хрестоматийного тургеневского произведения.

Тульская периодика 60-х годов прошлого столетия в сочетании с другими источниками немало дает для понимания жизненной основы «Нравов Растеряевой улицы» Г. Успенского. Писатель внимательно следил за тульской периодикой, отзывался в своих статьях на некоторые ее публикации, вступал с ними в полемику.

В содержании «Нравов Растеряевой улицы» прослеживаются примечательные связи с сатирической журналистикой 60-х годов. Там помещались материалы, имевшие отношение к Туле (под прозрачными наименованиями «Тулуп» — Тула и река Упа, на которой стоит город, или «Самоваров»)³. В одной из корреспонденций (Скука в гор. Тулупе.— Будильник, 1866, № 9) рисуется выразительная картина провинциального застоя, пошлости и

¹ См.: Громов В. Предания Бежина луга. Тула, 1969.

² Базанов В. П. И. Якушкин. Орел, 1956, с. 16.

³ Об этом пишет М. С. Альтман (См.: Русская литература, 1964, № 2, с. 197).

сплетен в гостиных. «Я показал вам теперь, что у нас есть и развитые люди, которые занимают друг друга, танцуют, играют в карты, объясняются в любви на французском языке...— и при всем том тишь у нас страшная, самая мертвая, самая отчаянная — и как же только врут эти газеты, которые говорят, «что вот, наконец, и наши провинции шибко пустились по мировой дороге прогресса и т. д.». Пустились! О, как часто мы пускаемся в буйную до дикости присядку, только не видят этого газетные корреспонденты и не пишут об этом. (...) Мы по-прежнему остаемся при нашей тишине, как угар ошеломляющей наши головы, при нашей скуке...». Для нравов города Тулупа характерны невежество, дикость, грубость в семейных отношениях, циничный разврат (Колония любви в гор. Тулупе.— Будильник, 1866, № 17), произвол «людей с капиталом», «именитого купечества» (М. Стопановский. Сказки современной Шехерезады.— «Искра», 1866, № 15; Акробат в гор. Тулупе.— «Будильник», 1866, № 81—82). Как и в книге Г. Успенского, при всем различии художественного воплощения, в этих материалах ощущается стремление к разоблачению либеральных иллюзий о бурном общественном прогрессе, стремление высказать о жизни русской провинции в период буржуазных преобразований горькую, суровую правду.

Материалы периодической печати могут иногда стать источником художественного образа. Ю. В. Лебедев обратил внимание на стихи Н. А. Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (глава «Сельская ярмонка») о старообрядке, предсказывающей голод по той причине, что «бабы начали Рядиться в ситцы красные»: «А ситцы те французские — Собачьей кровью крашены!»¹. Долгое время источник этих стихов не был установлен, их связывали с крестьянскими преданиями и легендами. Он отыскан в газете «Русская речь» (1861, 7 сентября, № 72, с. 310), где в отделе «Внутреннее обозрение» было помещено сообщение о том, что в Вятской губернии крестьяне решили уничтожить наряды из красного ситца «в полном убеждении, что красная краска для ситцев готовится из собачьей крови, и потому в одежде, сшитой из этого ситца, нельзя ходить в церковь», по этой же причине плохо родится хлеб. «Очевидно, исследование источников некрасовской поэмы, которую автор собирал «по словечку» в течение многих лет, нельзя ограничить фольклорными материалами. Необходимо обратиться к журнальной и газетной хронике, к изучению текущих фактов народной жизни 1860—1870-х годов, получивших подробное описание в массовой журналистике эпохи»².

По материалам периодической печати можно судить об отношении к писателю местной общественности. Таковы, к примеру, материалы тульской периодики по поводу смерти Л. Н. Толстого. Если официальные «Тульские губернские ведомости» ни словом

¹ Некрасов Н. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949, т. 3, с. 181—182.

² Лебедев Ю. В. Об источнике одного образа в поэме «Кому на Руси жить хорошо». — Русская литература, 1978, № 1, с. 186.

не обмолвились о смерти великого писателя, то либерально-буржуазная «Тульская молва» поместила множество корреспонденций о Толстом, начиная с сообщения о его болезни по пути из Ясной Поляны. Узнав о том, что городская дума собирается почтить память скончавшегося Толстого, один из депутатов, как пишет «Тульская молва», «пришел в ужас и заявил протест против чествования «антихриста». Но были и совершенно противоположные отклики. Среди множества телеграмм, шедших тогда в Ясную Поляну, была и телеграмма от служащих Тульского губернского земского управления: «Потрясенные глубоким горем ...мы... благоговейно преклоняем колена перед прахом и могилою того, кто был красой и гордостью России». Трогательно отнесся к известию о смерти Толстого простой народ, говоривший о необходимости установления дня траура. «Идущие из Москвы по направлению к Туле поезда шли переполненными до последней возможности», «тульские гостиницы переполнены лицами, приехавшими на погребение Толстого», «редакция местной газеты была буквально осаждена запросами о часе погребения Льва Николаевича», «в местных эстампных магазинах громаднейший спрос на открытки с изображением Льва Николаевича и сцен из его жизни... Распроданы также все бюсты писателя, а спрос на них все возрастает», «после двух часов дня из Тулы потянулась вереница экипажей в Ясную Поляну, с туляками, пожелавшими отдать последний долг родному писателю», «местные похоронные бюро, несмотря на высказанную волю Льва Николаевича не возлагать на гроб венков, получили срочные телеграммы от лиц, учреждений и газет возложить венки на его гроб» («Тульская молва», 1910, 9 и 10 ноября).

§ 4. АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Одна из основных задач литературного краеведения — открытие и введение в научный оборот неизвестных ранее архивных материалов, тех местных по своему значению документов, которые хранятся как в местных, так и в центральных архивах. Их запасы поистине неисчерпаемы, тщательные целенаправленные разыскания приводят к новым и новым находкам. «...Даже и в тех архивохранилищах, где учтена и описана каждая незначительная бумажка, в тысячи тысяч листов никто еще не вникал, они еще ждут исследователя,— пишет И. Андроников.— Бездны исторических тайн, увлекательнейших, нежели самые напряженные рассказы о приключениях, хранятся в архивах»¹. Давно уже производились, к примеру, поиски архивных документов о пребывании Пушкина в селе Болдине Нижегородского (Горьковского) края. В связи с 175-летием со дня рождения великого поэта архивные фонды г. Горького были обследованы вновь, и в результате этого горьковскому краеведу Н. И. Куп-

¹ Наука и жизнь, 1969, № 11, с. 26.

прияновой удалось обнаружить новые документы, в их числе три с неизвестными ранее пушкинскими автографами. Найденные документы позволили уточнить болдинскую хронику поэта, содержат новые данные о жизненной основе повести «Дубровский», о наблюдениях Пушкина над миром уездного чиновничества в связи с вводом его во владение частью села Кистенева¹.

Архивные разыскания, при всей их возможной результативности, весьма непросты. Начинающему исследователю, отправляющемуся в архив, следует быть готовым к большому и усидчивому кропотливому труду, который далеко не всегда увенчивается быстрыми и счастливыми находками. Путь к открытиям, даже самым малым, оказывается подчас долгим и трудным, радости на нем могут перемежаться и с горечью неудач.

Занятия в архивах требуют от начинающего исследователя известной подготовленности, знания системы архивных учреждений, порядка пользования архивными материалами, техники работы над ними. Обо всем этом идет речь в содержательной главе «Государственные архивы СССР» (автор В. Н. Ашурков) в книге «Историческое краеведение» (1980). В нашей стране существует Единый государственный архивный фонд, в который не входят документы КПСС и ВЛКСМ: они составляют архивный фонд КПСС, и ВЛКСМ в Центральном партийном архиве при Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; местных партийных и комсомольских организаций — в краевых и областных партархивах.

Материалы Единого государственного архивного фонда СССР сосредоточены в центральных государственных архивах, центральных государственных архивах союзных и автономных республик, местных архивах. В упомянутой главе о государственных архивах СССР подробно говорится о центральных архивах Москвы и Ленинграда, специфике каждого из них. Так, Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА, Москва) хранит фонды центральных учреждений России до XIX в. и местных до начала XVIII в., монастырские и личные фонды; Центральный государственный исторический архив СССР в Ленинграде (ЦГИАЛ) — материалы высших и центральных учреждений царской России XIX—начала XX в. и т. д. Особое значение для литературного краеведения имеют фонды Центрального государственного архива литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) в Москве, Центрального государственного архива кино-, фото-, фонодокументов СССР (ЦГАКФФД) в Подмосковье, крупнейших литературоведческих научно-исследовательских институтов (Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР в Москве, Института русской литературы [Пушкинского Дома] АН СССР в Ленинграде), рукописных отделов таких библиотек, как Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва), Государственная публичная библиотека СССР им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) и, конечно же, фонды местных, областных архивов.

Начинающему исследователю следует иметь в виду публикации как центральными, так и местными архивами сведений о хранящихся в них материалах. Такие публикации появляются в тематических серийных изданиях, например: интереснейшие книги «Встречи с прошлым», издаваемые ЦГАЛИ, — отдельных сборниках; журнале «Советские архивы» (выходит с 1966 г., ранее издавались журналы «Красный архив», «Архивное дело», «Исторический архив», «Вопросы архивоведения»). Данные о подобных публикациях можно найти в каталогах сборников документов, изданных архивными учреждениями СССР в 1917—1960 годах (М., 1961), каталогах архивоведческой литературы и сборников документов за 1960—1963 годы (М., 1964), 1964—1967 годы (М., 1970).

Общие сведения о государственных архивах и их фондах содержатся в книге «Государственные архивы СССР» (М., 1956), более подробные — в путеводителях по центральным и большинству областных архивов. С обращением к таким путеводителям и следует начинать тому, кто хочет ознакомиться с фондами того или иного архива. Помимо очерка по истории данного архива, здесь проаннотированы важнейшие фонды дореволюционных и советских учреждений, ор-

¹ См.: Куприянова Н. И. Осень 1830 г. — В кн.: Записки краеведов (очерки, воспоминания, статьи, документы, хроника). Горький, 1975.

ганизаций, предприятий, а также фонды личного происхождения. Пользование пу-теводителями облегчают имеющиеся в них предметные, географиче-ские, именные указатели. По ним можно определить, в каком фонде следует искать документы по интересующей исследователя теме или относящиеся к конкретному лицу. Непосредственно во время работы в архиве исследователь знако-мится с описями нужных ему фондов, а затем с необходимыми ему делами, входящи-ми в тот или иной фонд. Следует иметь в виду и то, что в архивах имеются карточные каталоги документальных материалов. В систематическом порядке на предметно-тематических карточках здесь дается описание отдельного архивного документа.

Обращаться в архив надо лишь в тех случаях, когда по интересующей теме просмотрены опубликованные материалы (в том числе и архивные). В библиотеках архивов хранится местная пресса, литература по истории края, редкие, подчас уникальные, издания — все то, что имеет для краеведа исключительную ценность.

Существует определенный порядок работы с архивными документами, изло-женный в «Правилах пользования документами и материалами в читальных залах Государственных архивов СССР». Разрешение на занятия в архиве дается его директором на основании отношения учреждения (организации), где указывается тема и цель работы с приложением ее плана-проспекта. С особой тщатель-ностью и точностью следует делать выписки из архивных дел (лучше на отдельных листах-карточках) с непременным указанием архива, номера и наименования фонда, номера описи, номера дела, заголовка, даты начала и конца дела, его ли-ста, даты и заголовка документа. В работе с архивными документами необходимо руководствоваться марксистско-ленинской методологией, позволяющей оценить их общий характер, достоверность и полноту.

Материалами первостепенной важности для литературного краеведа являются хранящиеся в архивах рукописи изучаемого писателя, автографы его произведений, воспоминаний, дневни-ков, писем и т. д. Именно они в первую очередь открывают широ-кие возможности для разнообразных видов текстологической ра-боты.

В подавляющем большинстве случаев автографы писателей хранятся в центральных архивах, где для них созданы наиболее благоприятные условия. Так, пушкинские автографы сосредото-чены в Институте русской литературы академии наук СССР (Пушкинском Доме) в Ленинграде; автографы Л. Н. Толстого — в «стальной комнате» Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва), М. Горького — в Архиве Горького (Москва); многих других писателей дооктябрьского времени и советской эпохи — в Центральном государственном архиве литературы и искусства (Москва) и т. д. Но немало автографов обнаружено и в област-ных хранилищах. Ведь «многие архивы оказались рассеяны по разным хранилищам. В пяти местах хранятся части архива А. Островского, в восьми — имеются большие и совсем маленькие фонды В. Брюсова... в пяти — фонды А. Блока»¹. Возмож-ность неожиданных находок объясняется и взаимопрони-цаемостью архивов различных лиц: «Письма писателей лежат в фондах художников, музыкантов, артистов, рисунки художни-ков — в фондах ученых, а рисунки ученых — в фондах других ученых... Отечественная культура — единый организм, и история ее запечатлена в многочисленных архивах, рассеянных

¹ Чудакова М. Беседы об архивах. 2-е изд. М., 1980, с. 105.

по разным городам, но представляющих собою... некое весьма сложное единство»¹.

В архивах Казани были найдены черновая тетрадь М. Ю. Лермонтова², неизвестный автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Родина»³. Там «хранятся неопубликованные письма Е. А. Баратынского, в Отделе рукописей научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского — автограф Д. В. Давыдова, немало различных рукописей находится до сих пор в личных коллекциях старожилов. Выявление, учет и публикация этих материалов — прямая обязанность литературного краеведения»⁴. В Свердловский областной архив в свое время поступили 104 тетради, написанные Д. Н. Маминым-Сибиряком и переданные им в 1891 г. Уральскому обществу любителей естествознания. Эти тетради, содержащие рукописи ряда произведений писателя, позволили исследователям восстановить важнейшие вехи творческой истории многого из того, что было им создано, в том числе романов «Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Три конца»⁵.

Наряду с автографами писателей большую ценность представляют рукописные сборники, списки произведений. Они позволяют уточнить тексты художественных произведений (в иных случаях открыть их заново!), судить о распространении их в читательской массе, о воздействии их на читателей. Особое значение рукописные сборники и списки приобретают в тех случаях, когда отсутствуют автографы произведений и самый текст их является спорным, когда произведения запрещались цензурой, искажались, становились известными в различных вариантах, разночтениях.

В рукописном фонде научной библиотеки Казанского университета им. Н. И. Лобачевского хранится «Казанский сборник» XVIII века, содержащий материалы научной полемики, которая связана с именами М. В. Ломоносова, А. П. Сумарокова, И. П. Елагина и других поэтов. Большинство вошедших сюда стихотворений не печаталось в то время и не сохранилось ни в каких других рукописных сборниках. «Казанскому сборнику» посвящены труды Н. Булича, А. Афанасьева, П. Беркова. В том же фонде хранятся отдельные произведения и сборники казанских литераторов, рукописные журналы казанских учебных заведений первой половины XIX в., материалы Казанского общества любителей отечественной словесности — одного из первых провинциальных литературных объединений в России; сборник казанского историка и библиографа Платона Заринского, составленный в 30-е

¹ Чудакова М. Беседы об архивах, с. 107.

² См. о ней: Эйхенбаум Б. Казанская тетрадь Лермонтова. — Литературное наследство, т. 45—46.

³ См.: Фролова Т. Д. Неизвестный автограф стихотворения Н. А. Некрасова «Родина». — Доклады и сообщения филологического фак. Ленинградского ун-та. Л., 1950, вып. 2.

⁴ Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. — Казань в истории русской литературы, сб. 1, с. 14.

⁵ См. комментарии Е. Боголюбова к этим произведениям в кн.: Мамин-Сибиряк Д. Н. Собр. соч. В 12-ти т. Свердловск. 1948—1949, т. 2, 3, 5.

годы XIX в. и содержащий стихи Пушкина, Лермонтова, Вяземского, Рылеева, Кольцова. Здесь находится и библиотека П. М. Медведева (1837—1906), известного провинциального режиссера, актера и антрепренера,— бесценный источник для изучения истории казанского театра¹. В рукописном фонде библиотеки можно найти списки многих художественных произведений XIX в., в том числе пьесы И. А. Крылова «Трумф», комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»², нелегальных стихотворений Богораза-Тана, В. И. Немировича-Данченко, Г. Галиной, М. Л. Михайлова, И. В. Омуревича, П. Ф. Якубовича, И. И. Гольц-Миллера, П. Л. Лаврова.

В Государственном архиве Воронежской области и в Доме-музее И. С. Никитина в городе Воронеже хранятся рукописные собрания стихов XVIII в., любовно и тщательно оформленные, передававшиеся из поколения в поколение; по этим собраниям можно судить о читательских вкусах, отборе поэтов и их произведений³. Среди воронежских читателей особенно популярным было имя К. Ф. Рылеева, чей жизненный и творческий путь связан с их родным краем. В Доме-музее Никитина «хранится обширный рукописный сборник, в котором содержатся копии дум Рылеева, относящиеся к 1823 г. («Олег Вещий», «Наталья Долгорукая», «Рогнеда», «Иван Сусанин»). Воронежский областной архив располагает редкими списками рылеевских произведений, сделанными в 1828 г., когда имя «государственного преступника» Рылеева находилось под строжайшим запретом. Много списков середины XIX в.»⁴. В Смоленском областном архиве (в личном фонде дворян Пенкиных) и в фондах Дома-музея Никитина в Воронеже имеются списки поэмы А. С. Пушкина «Братья разбойники», восходящие, по-видимому, к не дошедшему до нас пушкинскому автографу. Они могут служить своеобразным «связующим звеном между черновыми набросками и текстом окончательной редакции пушкинского произведения»⁵.

Трудно переоценить роль архивных документов в изучении жизненной основы художественного произведения, созданного на материале впечатлений, которые были почерпнуты писателем в том или другом крае.

В Государственном архиве Тульской области (ГАТО), в фонде Тульского окружного суда, хранится дело «О крестьянах дерев-

¹ См. об этом в статье В. В. Аристов «Казанские списки комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». (В кн.: Казань в истории русской литературы. Казань, 1968, сб. 2). См. также: Аристов В., Ермолаева Н. Все началось с путешественника... . Казань, 1975.

² См.: Аристов В. В. Казанские списки комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума».—В кн.: Казань в истории русской литературы. Казань, 1968, сб. 2.

³ См.: Очерки литературной жизни Воронежского края. Воронеж, 1970, с. 9—10.

⁴ Удодов Б. Т. К. Ф. Рылеев.— В кн.: Очерки литературной жизни Воронежского края, с. 104.

⁵ Илюшин А. Смоленский и воронежский списки поэмы Пушкина «Братья разбойники».— Русская литература, 1965, № 3, с. 184.

ни Сидоровка Чернского уезда Ефреме и Марфе Колосковых»¹, послужившее Л. Н. Толстому истоком сюжета драмы «Власть тьмы». «Фабула «Власть тьмы» почти целиком взята мною из подлинного дела, рассматривавшегося в Тульском суде,— свидетельствовал сам автор драмы.— Сообщил мне подробности этого дела мой большой приятель, тогдашний прокурор, а теперешний председатель суда Давыдов»². Сравнение судебного дела с толстовской драмой позволяет прийти к выводам о способах работы великого писателя над конкретным жизненным материалом, о типизации им реальных жизненных явлений. Многие документы архива Тульской области, характеризующие Тулу 50—60-х годов прошлого столетия, ее социальный состав, экономику, быт, культуру, помогают представить жизненную основу произведений Г. И. Успенского, в которых отразились реальные тульские впечатления, в том числе «Нравов Растеряевой улицы», «Наблюдений Михаила Ивановича».

Архивные документы дают очень многое, когда изучается такой жанр, как очерк, в котором реальный факт играет особенно большую роль (в «документальном» или «публицистическом» очерке — определяющую), его изображение и осмысление в ряду многих других фактов становится главным, опорным моментом идейно-эстетической концепции произведения. Это относится и к другим публицистическим жанрам.

В Орловском архиве, к примеру, хранятся документы о «добрынинском бунте» (в селе Добрыни Орловской губернии), событиям которого посвящен очерк Н. С. Лескова «Дворянский бунт в Добрынинском приходе». Жизненная основа очерка — следствие по делу о доносе священника Добрынской церкви на помещика П. Н. Анциферова (в мае 1866 г.), якобы замешанного в заговоре с целью покушения на жизнь царя, в намерении поднять против правительства «дворянский бунт», чтобы вернуть крестьян в прежнее крепостное состояние. Обманом и подкупом священник собирал среди крестьян лжесвидетельства против Анциферова, но помещик успел первым донести губернатору и архиерею о том, что его противник «возмущает» крестьян.

Создавая свой очерк, Лесков пользовался добытыми им копиями документов из этого следствия, сами же они, по его словам, составляли тайну орловских архивов. Обнаруженные в наше время орловским краеведом Н. Черновым, эти документы уточняют жизненную основу лесковского очерка, дополняют ее. Становится очевидной опора писателя на конкретный жизненный факт в произведении, которое «прозвучало как сатира на полицейское засилье и духовенство»³.

В городе Енотаевске Астраханской губернии П. И. Якушкин написал один из лучших своих очерков «Бунт в селе Никольском». В

¹ ГАТО, ф. 21, оп. 1, д. 2106-а.

² Толстой Л. Н. Полн. собр. соч., т. 26, с. 706. Дело крестьян Колосковых опубликовано в книге Н. В. Давыдова «Из прошлого» (М., 1913, с. 307—311).

³ Чернов Н. Орловские литературные места. Тула, 1970, с. 123.

Астраханском архиве хранятся документы «О сопротивлении крестьян села Никольского», дающие возможность выявить жизненную основу этого очерка, прийти к интересным выводам о соотношении ее с самим произведением, в котором, по словам исследователя, есть «немало сцен и подробностей, не нашедших отражения в официальной переписке»¹.

Обличая различные формы государственного насилия, Л. Н. Толстой в публицистическом трактате «Царство Божие внутри вас» (1893) упоминает (в главе 12) историю с «бабьим бунтом», происшедшим в деревне Оболешево бывшей Орловской губернии. Речь идет о тяжбе оболешевских крестьян с чиновником Пушиным, владельцем водяной мельницы, хотевшим поднять уровень плотины, чтобы получить больше доходов. Орловский губернатор Неклюдов принял сторону Пушина, явился в Оболешево с солдатами и учинил там бесчеловечную экзекуцию. М. В. Минокин нашел материалы об этом бунте в Государственном архиве Орловской области, а в Оболешево — очевидцев трагедии (С. Г. Осина, В. К. Полякова, П. П. Другову). «Как документы, так и рассказы очевидцев, — пишет Минокин, — могут служить прекрасным комментарием к приведенному рассказу Толстого»².

Велика, а иногда и незаменима роль архивных документов в изучении биографии писателя, его родословной, его служебной и общественной деятельности. Так, неопубликованный план автобиографии казанского краеведа прошлого столетия Н. Я. Агафонова (хранится в Отделе рукописей научной библиотеки Казанского университета им. Н. И. Лобачевского) позволяет говорить о возможности делового свидания Агафонова с Чернышевским в Казани осенью 1861 г., в тот напряженный по общественно-политическим событиям период, когда ученики Чернышевского по Саратовской гимназии работали над созданием в Казани революционного подполья. О свидании этом, помимо свидетельства Агафонова, ничего не известно. Прояснение обстоятельств этой встречи было весьма важным для раскрытия связей Чернышевского с казанской революционно настроенной молодежью³. Документы Иркутского архива, имеющие отношение к приезду жены и сына Чернышевского к нему на каторгу в Забайкалье в 1866 г., вносят ясность в обстоятельства этого свидания, которое по-разному истолковывалось в литературе о Чернышевском⁴. Материалы Тамбовского областного архива сообщают новые данные о жизни А. И. Левитова⁵.

¹ Самаренко В. П. Фольклорист-демократ П. И. Якушкин. — В кн.: Литературное краеведение (материалы к спецкурсу). Астрахань, 1967, вып. 2, с. 35.

² Минокин М. В. Лев Толстой в Орловском крае. Орел, 1960, с. 23—24.

³ См.: Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в. — В кн.: Казань в истории русской литературы, сб. 1, с. 10.

⁴ См.: Тагаров З. Свидание Н. Г. и О. С. Чернышевских в Забайкалье. — Вопросы литературы, 1965, № 7, с. 251—254.

⁵ См.: Силаев А., Шахов В. Некоторые новые данные о жизни А. И. Левитова (по материалам Тамбовского областного архива). — Русская литература, 1965, № 2.

«Формулярный список» Алексея Ираклиевича Левшина, хранящийся в Государственном архиве Тульской области¹, его прошение о внесении детей в дворянскую родословную книгу Тульской губернии, как и сведения, содержащиеся о Левшине в «Родословце Тульского дворянства», помогают представить основные вехи изученной еще далеко не достаточно биографии выдающегося ученого-географа, писателя и государственного деятеля, сослуживца А. С. Пушкина по одесской канцелярии М. С. Воронцова в 1823—1824 годах. Пушкин проявил большой интерес к фундаментальному труду Левшина «Описание киргиз-казацких орд и степей» (1832), получившему мировую известность: это был первый обобщающий научный труд, подытоживший сведения о жизни народов Казахстана и Средней Азии за целое семидесятилетие. В пушкинской «Истории Пугачева» есть множество ссылок на труды Левшина, которые, как считал поэт, отличаются «истинной ученостью и здравой критикою».

Левшины — представители древнего дворянского рода, владевшего имениями в ряде русских губерний, в том числе и Тульской, их родовым имением было село Пожилино, неподалеку от г. Ефремова. Здесь находится фамильный склеп, в котором в 1879 г. был погребен А. И. Левшин, в 1896— его вдова Е. Ф. Левшина-Брискорн.

Разыскания в Ярославском областном архиве привели А. Ф. Тарасова к обнаружению новых документов о семье Н. А. Некрасова, которые «позволяют лучше представить грешневскую обстановку в период детства поэта, лучше понять его стихи ... уточняют, а в некоторых случаях и поправляют принятые в литературоведении представления об А. С. Некрасове (отце поэта.— Н. М.) и его семье»².

Недостаточно изучена и биография писателя-демократа Николая Васильевича Успенского. Принято считать, что он родился в 1837 г. в селе Ступине Ефремовского уезда Тульской губернии. Так было сказано в биографическом очерке писателя, принадлежащем П. Юдину и опубликованном в журнале «Исторический вестник» (1896, №12), причем автор этого очерка ссылается на послужной список Н. Успенского, составленный с его слов (метрическое свидетельство о рождении писателя до сих пор не найдено). Так говорится в справочной и учебной литературе. Но имеются документальные данные, противоречащие этим утверждениям. И. В. Дедусенко на основании материалов, хранящихся в Гос. архиве Тульской области («Клировые ведомости по Ефремовскому уезду» за 1848, 1849 и 1850 гг. и «Ведомость об учениках Тульской духовной семинарии... за 1851-й учебный год»), высказывает убедительное предположение о том, что Н. Успенский родился в мае 1834 г. в с. Большое Скуратово Чернской округи, где

¹ См.: ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 1307, л. 29—55.

² Тарасов А. Ф. Новые архивные материалы о семье Некрасовых (Грешнево).— Русская литература, 1967, № 3, с. 142.

в то время находилась семья Успенских¹. Предположение о рождении писателя в 1834, а не в 1837 г. можно подтвердить и еще одним документом Тульского архива: «Ведомостью об уволенных и исключенных учениках Тульской духовной семинарии... в июне 1855 г.». Здесь сказано, что Николай Успенский, Ефремовской округи села Новомихайловского священника Василия Успенского сын, коему от рождения 20 лет, вступил в семинарию в 1850 г. и в 1855 г. «уволился по прошению для поступления в С.-Петербургскую медико-хирургическую академию»². Но если в 1855 г. Н. Успенскому было 20 лет (подтверждается дата его рождения — 1834 г.), в Тульскую духовную семинарию он поступил в 1850 г. и уволился из нее в 1855 г., то нельзя считать правильными даты пребывания писателя в Тульской духовной семинарии, приводимые в десятитомной «Истории русской литературы» АН СССР: с 1848 по 1856 г.³

В фондах местных учреждений, а также в фондах личного происхождения архива Тульской области хранится множество документов, широко освещающих общественную деятельность Л. Н. Толстого. Многочисленные конфликтные дела с помещиками, с крапивенским уездным мировым съездом, журналы заседаний Тульского губернского по крестьянским делам присутствия, утвержденные Толстым уставные грамоты дают документальное подтверждение деятельности великого писателя в качестве мирового посредника, во всех спорных случаях защищавшего крестьянские интересы и вызвавшего к себе ненависть помещиков. 30 апреля 1862 г. Толстой подал тульскому губернатору прошение об освобождении его от этой должности.

Во многих документах отражена педагогическая деятельность Толстого: избрание его членом училищного совета на заседании Крапивенского уездного земского собрания, его работа по народному образованию в селе Никольском-Вяземском, высоко оцененная в докладе гласного Волкова (прочитан 5 сентября 1877 г. и помещен в «Журналах заседаний Чернского земского собрания»), избрание Толстого почетным попечителем Тульского реального училища, его попытка открыть в Ясной Поляне в 1876—1877 гг. педагогические курсы.

Группа документов красноречиво свидетельствует о разнообразной помощи Толстого нуждающимся в ней крестьянам, о выдаче хлеба яснополянским крестьянам-погорельцам, о работе на голоде в начале 90-х годов. В фондах Тульского архива мы находим сведения о служебной деятельности писателя — в качестве канцелярского служащего Тульского дворянского депутатского собрания.

Литературная и общественная деятельность Толстого вызывала враждебное отношение к нему со стороны самодержавия,

¹ См.: Вопросы литературы, 1965, № 5, с. 253—254; Дедусенко И. В. Николай Успенский. Тула, 1975, с. 5—7.

² ГАТО, ф. 6, оп. 2, д. 1955.

³ История русской литературы. М.—Л., 1956, т. 8, ч. 1, с. 562.

церкви, местных властей, преследования близких Толстому людей. В числе других документов, имеющих отношение к Толстому, в областном архиве Тулы находятся дела о жандармском обыске в Ясной Поляне (1862 г.), об установлении строгого надзора за проживающими в Ясной Поляне студентами, о тщательном наблюдении жандармерии, полицейских властей за всеми лицами, с которыми общался Толстой, дело «О состоящем под гласным надзором в г. Чердыне, Пермской губернии рязанском цеховом Н. Н. Гусеве», относящееся к высылке личного секретаря Толстого.

В Тульском архиве хранится также большое количество документов, имеющих отношение к Толстому, имущественно-хозяйственного, финансового и бытового характера: проведение реформы 1861 г. в имениях Толстого, раздел земли и имущества между писателем и его родственниками, долговые обязательства, прошения Толстого относительно обучения его сыновей в Тульской мужской гимназии и т. д.; о родословной писателя (об И. А. и П. Н. Толстых — деде и бабке по отцовской линии, Н. С. Волконском — деде со стороны матери, Н. И. и М. Н. Толстых — родителях писателя, о его сестре М. Н. Толстой, братьях С. Н. и Н. Н. Толстых, о жене и детях, о роде Ергольских), о Ясной Поляне, ее истории, землях и лесах, заботе о ней со стороны Советской власти¹.

Документы, имеющие отношение к Толстому, находятся в самых различных республиках, краях и областях нашей страны². Такие документы отлагались прежде всего в тех местах, где Толстой жил более или менее долго, учился, служил. Помимо Тульского края в котором прошла большая часть жизни писателя, это Москва и Ленинград, Казань и Башкирия, Кавказ и Крым, Курск и Воронеж, Астрахань и Арзамас, Орел и Рязань и т. д. Так, в документах Орловского областного архива содержатся сведения об открытии Толстым столовых для крестьян во время голода 1898 г. Деятельность Толстого на голоде испугала полицию и помещиков Мценского уезда, орловский губернатор запретил открывать столовые за «отсутствием нужды» (!)³. В Воронежском — дела Воронежского губернского жандармского управления о распространении в губернии произведений Толстого, «носящих противоправительственный характер», а также о «противоправительственной деятельности» проживающих в Острогжском уезде Воронежской губернии «последователей лжеучения гр. Л. Н. Тол-

¹ См.: Крутиков В. И. Из истории общественной деятельности Л. Н. Толстого. — В кн.: Яснополянский сборник. Тула, 1960; Тарасов Н. П. Документальные материалы Л. Н. Толстого и о Л. Н. Толстом, хранящиеся в Государственном архиве Тульской области. — В кн.: Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978; Общественная деятельность Л. Н. Толстого в Тульском крае (сборник документов). Тула, 1981.

² См.: Л. Н. Толстой. Аннотированный каталог (документы архивохранилищ СССР). Тула, 1982.

³ См.: Чернов Н. Орловские литературные места. Тула, 1970, с. 109.

стого и его ближайшего сотрудника В. Г. Черткова»¹, в Астраханском — об использовании публицистики Толстого — статей «Рабство нашего времени», «Голод или не голод?», «Ответ Синоду», «В чем моя вера» и других в пропагандистской работе астраханскими революционерами².

Но произведения великого писателя, художественные и публицистические, имели огромный общественный резонанс, о них повсюду писали и говорили, они распространялись, несмотря на запреты властей; повсеместно привлекала к себе колоссальная личность Толстого, повсюду жили его многочисленные корреспонденты. Толстой не был, к примеру, в Сибири. Однако сибирские краеведы используют в своих работах документы сибирских архивохранилищ, касающиеся Толстого³, рассказывают о цензурных преследованиях, которым подвергалась сибирская пресса начала XX в. за публикацию «толстовских» материалов, о праздновании 80-летия великого писателя в далеких сибирских городах, о переводах его произведений на языки сибирских народностей, сопоставляют его публицистику 90-х годов с революционной сибирской поэзией, говорят о переписке Толстого с сибиряками, воссоздают образы сибиряков, общавшихся с Толстым, — таким был, например, якутский врач П. Н. Сокольников, который, по просьбе Толстого, сопровождал семьи духоборов во время их поездки с Кавказа до Якутии в 1899 г.⁴ Расширение географии толстоведческого краеведения — закономерное явление наших дней.

Оно свидетельствует о величии Толстого, огромной и повсеместной его популярности, о несравненной силе общественного воздействия его произведений.

В фонде Тульской казенной палаты (Гос. архив Тульской области) имеется немало документов, характеризующих служебную деятельность М. Е. Салтыкова-Щедрина, который был управляющим палатой с 29 декабря 1866 г. по 13 октября 1867 г. Годы службы Салтыкова в провинции (в Тулу он приехал из Пензы) были для великого сатирика тяжелыми годами постоянных столкновений с чиновниками-бюрократами, с провинциальным обществом. Жалобы на «вязкую», «засасывающую тину», на бесплодность своего труда, на «страшную тоску» мы встречаем в его письмах этих лет.

В числе работ о служебной деятельности Салтыкова-Щедрина отметим наряду с известными книгами С. Макашина о жизни писателя — разыскания астраханского исследователя И. В. Князе-

¹ См.: Очерки литературной жизни Воронежского края XIX — начала XX в. Воронеж, 1970, с. 386.

² См.: Траушкин Н. С. Люди и книги русской революции. — Литературное краеведение (пособие к спецкурсу). Астрахань, 1971, вып. VIII.

³ См., к примеру: Блюм А. Л. Н. Толстой и сибирская цензура. — Сибирские огни. Новосибирск, 1968, № 8; Каплон И. Так отмечали юбилей. — Тобольская правда, 1968, 7 сент.

⁴ См. об этом в кн.: Пинигин В. В. Любящий вас Лев Толстой. Якутск, 1978.

ва, выявившего и изучившего архивные документы в ряде городов, где служил сатирик. Тульскому периоду служебной деятельности Салтыкова посвящена книга Князева «М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле» (Тула, 1960). Опираясь на выявленные им документы Гос. архива Тульской области, Центр. гос. архива литературы и искусства и на другие источники, автор убедительно показывает, как в решении разного рода конфликтов Салтыков всегда принимал сторону бедняков, простых трудовых людей. Он неуклонно защищал крестьян, тульских кустарей, мелких чиновников от произвола вышестоящих властей, готов был нарушить буквы закона, когда речь шла о помощи беднякам. Салтыков не склонен был щадить тех, кто наживался за счет бедноты, сурово преследовал разного рода злоупотребления со стороны состоятельного купечества, «настойчиво, последовательно использовал в отношении «торгующего класса» — крупных и мелких торговцев, владельцев питейных заведений различного типа «штрафную политику»¹. Совершенно противоположной политики придерживался тогдашний тульский губернатор М. Р. Шидловский, тоже прибегавший к штрафам, но он применял их не к состоятельным торговцам, а к крестьянам, к беднейшему мещанскому населению Тулы и уездных городов.

Документальные свидетельства проясняют социальную сущность конфликта Салтыкова и Шидловского, отнюдь не сводимого к особенностям «тяжелого» характера великого сатирика, как склонен был объяснять этот конфликт сослуживец Салтыкова по Тульской казенной палате². Шидловский жаловался на беспокойного управляющего палатой и в министерство финансов, и в III отделение, и царю Александру II. Как свидетельствует М. И. Семевский, удаление Салтыкова из Тулы было санкционировано самим царем, признавшим сатирика «беспокойным человеком»³.

Служебная деятельность Салтыкова-Щедрина ярко характеризует личность писателя, его общественную позицию в 60-е годы, многими нитями связана с его творчеством. Деятельность в качестве управляющего Тульской казенной палатой представляла сатирику, по справедливым словам исследователя, «обширный материал для размышлений на тему о путях развития России в пореформенный период... он мог делать широкие выводы о том, что экономическая политика, осуществляемая правительством, была направлена на укрепление самодержавия, на защиту помещиков и буржуазии и что эта политика по своей сущности носила антинародный характер»⁴.

В Туле Салтыковым-Щедриным был написан памфлет «Губернатор с фаршированной головой», высмеивающий Шидловского.

¹ Князев И. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле, с. 21.

² См.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957, с. 475—503.

³ Там же. с. 528.

⁴ Князев И. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле, с. 58. См. также: Макашин С. Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы. Биография. М., 1984, с. 280—285.

Рукопись этого произведения до нас не дошла, но можно предположить, что оно было использовано сатириком в обрисовке Брудастого и Прыща в «Истории одного города». О Туле, о реке Упе есть упоминание в сказке «О том, как один мужик двух генералов прокормил», об Алексине, уездном городе Тульской губернии, — в «Дневнике провинциала», наблюдения над провинциальной чиновничьей бюрократией отразились в «Письмах о провинции».

Анализ документов фонда Тульской казенной палаты (ГАТО) позволил местному краеведу А. А. Петухову прийти к интересным выводам относительно личности автора наиболее подробных воспоминаний о службе Салтыкова-Щедрина в Туле¹. Эти воспоминания за подписью И. М. М. появились в журнале «Исторический вестник» (1902, № 1, с. 158—180), а еще раньше отрывок из них, подписанный фамилией Михайлов, был опубликован в 1889 г. в газетах Одессы и Казани. Воспоминания (полностью) были включены в книгу «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников» (М., 1957), редакторы которой расшифровали инициалы И. М. М. как И. М. Михайлов. «Однако при тщательном просмотре полно сохранившегося фонда Тульской казенной палаты за 1860—1900 годы, — пишет Петухов, — чиновник И. М. Михайлов не выявлен»². Автором же воспоминаний был, видимо, старший делопроизводитель Тульской казенной палаты в 60-е годы И. М. Мерцалов. Документы фонда Тульской казенной палаты позволяют конкретнее и полнее представить сослуживцев великого сатирика, людей, окружавших его в Туле.

В Государственном архиве Рязанской области хранятся документы, которые позволяют уточнить некоторые моменты родословной С. А. Есенина, историю его родного села Константинова, содержат сведения о его односельчанах. Одним из них был К. П. Воронцов, первый комсомольский вожак Константинова, друг детства Есенина и страстный поклонник его поэзии. Воспоминание о Воронцове, возможно, отразилось на страницах поэмы «Анна Снегина»³. Изучение документов, хранящихся в Государственном архиве Курской области, позволило И. З. Баскевичу уточнить ряд фактов биографии Ивана Вольнова, прийти к выводу о несостоятельности представления об автобиографизме «Повести о днях моей жизни», ибо «и фактическая, и духовная биография И. Е. Вольнова далеко не совпадает с биографией его героя. ...Его произведение — не натуралистическая хроника, а художественное обобщение, в котором личный опыт и переживания самого писателя сплавлены с его наблюдениями, с опытом масс»⁴.

В местных архивах можно найти множество свидетельств о

¹ См.: Петухов А. А. Об авторе воспоминаний «М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле». — Советские архивы, 1975, № 6.

² Там же, с. 84.

³ См.: Прохоров С. «Я, гражданин села...». — Литературная Россия, 1981, 30 октября.

⁴ Баскевич И. Курские вечера. Воронеж, 1979, с. 80—81.

связи писателей с русским освободительным движением, о преследовании их властями, полицейском надзоре за ними.

В числе интереснейших документов Гос. архива Тульской области имеется «Определение сената о ссылке в Сибирь на каторжные работы бывшего ученика... Михаила Орлова за сочинение стихов противоправительственного и антирелигиозного содержания», датированное 12 ноября 1836 г. В нем идет речь о том, что «священнический сын Михайла Орлов (21 года) признался перед судом и обличен в сочинении и написании стихов с дерзкими выражениями против христианской веры и высочайшей императорской фамилии, почему его, Орлова, за сие преступление... лишить всех прав состояния и сослать в Сибирь на каторжную работу»¹.

Дело М. Орлова — красноречивое свидетельство распространения вольнолюбивых идей в тяжелое время 30-х годов, после разгрома декабристского восстания. В стихах ученика Тульской губернской гимназии звучат мотивы, близкие поэзии А. И. Полежаева, познавшего за свои вольнолюбивые произведения страшную участь солдатчины и безвременно погибшего в тюремной больнице, — мотивы ненависти к самодержавию, тирании, пафос богоборчества:

Закон царей
И бич народа —

Вот пища палачей,
Вот знак романовского рода...

В областном архиве Томска «хранятся секретные бумаги, которые получал томский полицмейстер от своих начальников и подчиненных и которые сам он адресовал и тем и другим, когда принимал «политического ссыльного, дворянина Владимира Галлактионовича Короленко» и когда отправлял его в дальнейший путь. Материалы Томского архива позволяют внести некоторые уточнения и дополнения в те сведения о сибирском периоде жизни писателя, которыми располагает наше литературоведение»².

В фонде Тульского уездного полицейского управления (Гос. архив Тульской области) имеется личное дело В. В. Смидовича (Вересаева). Известно, что в 1901—1903 годах Вересаев был выслан в Тулу из Петербурга за участие в студенческом революционном движении, за связь с кругами социал-демократии. Писатель в эти годы принял активное участие в работе тульской социал-демократической организации, много сделал для тульских подпольщиков. Осенью 1903 г. тульские рабочие под руководством большевиков провели первую политическую демонстрацию, и по тульским заводам в числе других распространялась прокламация, написанная Вересаевым. Все это время писатель находился под негласным надзором, о каждом его шаге докладывалось жандармскому управлению, которое тщательно следило за поведением поднадзорного. «В департаменте полиции, — сообщал чинов-

¹ См. об этом в кн.: Тульский край (документы и материалы). 1966, ч. 1. Тула, с. 133—134.

² Сорокина Д. Л. В. Г. Короленко в Томске. — Русская литература, 1975, № 1, с. 177.

ник жандармского управления тульскому уездному исправнику,— имеются указания, что состоящий под негласным надзором полиции врач В. В. Сидович (литературный псевдоним Вересаев) за свои «Записки врача» выручает большие деньги, которые почти полностью отдает на революционные дела. (<...>Имею честь покорнейше просить установить за деятельностью и сношениями Сидовича тщательное наблюдение и о последующем меня уведомить»¹.

О том, что Вересаев «много сделал для тульских подпольщиков», говорила А. И. Степанова, жена известного деятеля Тульской большевистской организации С. И. Степанова, принимавшая активное участие в революционной работе. Выступая от имени тульских рабочих на вечере, посвященном 50-летию литературно-общественной деятельности Вересаева, в Москве, 22 декабря 1935 г., она рассказала об устройстве Вересаевым в Туле литературных вечеров, куда сходились сосланные студенты, интеллигенты, рабочие. «На этих вечерах мы получали все то, что нам нужно было для дальнейшей работы в кружках, в подполье, с рабочими»².

Архивные документы могут дать ценные сведения о современниках писателя. Так, оренбургский краевед-архивист С. А. Попов по документам Гос. архива Оренбургской области (так называемым «ревизским сказкам») выявил имена и возраст многих крестьян, с которыми беседовал Пушкин, собиравший в 1833 г. в Поволжье и Оренбургском крае материалы о Пугачевском восстании³. Документы Центрального гос. исторического архива в Ленинграде, архивохранилищ Новгородской и Курской областей вносят много нового в представление о жизни и деятельности такого незаурядного человека, как П. В. Зиновьев, приятеля А. И. Герцена (познакомился с Зиновьевым в начале 40-х годов во время своей службы в Новгороде) и Белинского, знакомого И. С. Тургенева, друга многих декабристов⁴.

Архивные фонды оказываются ценнейшим подспорьем при изучении мало известных писателей. К таким относится Г. А. Хрущов-Сокольников (1845—1900), автор многочисленных романов, очерков, рассказов, стихотворений⁵. Установлению биографических данных этого писателя помогает «Дело Тульского дворянского депутатского собрания по внесению в дворянскую родословную книгу Тульской губернии рода Сокольниковых и Хрущовых-Сокольниковых»⁶, в нем содержится ряд документов, относящихся к родословной писателя, связанной с Тульским краем. Материалы Гос. архива Горьковской области проясняют биографические факты писателя-большевика И. М. Касаткина, ученика и друга А. М. Горького⁷.

Еще мало изучено литературное наследие писателя-самоучки А. С. Фролова (1880—1931). Туляк по рождению, он рано стал учеником на самоварной фабрике Ванькина, работал на баташевской самоварной фабрике, участвовал в стихийно

¹ По Тульскому краю (пособие для экскурсий). Тула, 1925, с. 500—501.

² Рукописный отдел Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ф. 45, оп. 1, д. 11, л. 29—30.

³ См.: Попов С. А. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина.— Советские архивы, 1969, № 5, с. 113—116.

⁴ См. о нем: Перкаль М. Новгородский знакомый А. И. Герцена и друг декабристов П. В. Зиновьев.— Русская литература, 1963, № 4.

⁵ См. о нем: Альтман М. С. Карающая лира (об одном забытом писателе-туляке).— Коммунар. 1957, 28 мая; он же. Роман о Тульском крае.— Литературная Тула, 1958, № 14.

⁶ ГАТО, ф. 39, д. 2136.

⁷ См.: Харчев В. В. Нижегородский период в жизни и творчестве И. М. Касаткина (материалы к биографии).— Русская литература, 1971, № 1.

вспыхнувшей рабочей забастовке, был уволен с клеймом забастовщика. Долгие поиски работы... Случайная деятельность писца в страховом обществе, неукротимое тяготение к культуре, знаниям, мысли о социальной несправедливости, сближение с революционно настроенной интеллигенцией, участие в первой политической демонстрации тульских рабочих, аресты, полицейские участки, тюрьмы, митарства с поступлением на работу, выступления на многочисленных митингах, мавках, демонстрациях...

Впоследствии Фролов работал в ремонтной мастерской на сахарном заводе, принимал активное участие в деятельности Тульской с.-д. организации, подвергался постоянному полицейскому преследованию. Фролов — автор книги воспоминаний «Пробуждение» (вышла в Госиздате Украины в 1923 г. и, в сокращенном варианте, в издании Тульского истпарта в 1925 г.). Это живое и яркое свидетельство о быте дооктябрьской Тулы, о жизни ее рабочего класса, о нарастании революционного движения.

В Гос. архиве Тульской области хранится объемистое «Дознание, произведенное при Тульском губернском жандармском управлении по обвинению рабочего А. С. Флорова», начатое 3 июля 1913 г. и законченное 23 декабря 1914 г.¹ Оно содержит переписку петербургской и тульской жандармерии по поводу первого рассказа Фролова «На рассвете». В рассказе этом шла речь о расстреле политических заключенных и о том, как солдат Хоменко, пережив сильное душевное потрясение, отказался стрелять в «политических», бросив к ногам офицера свое ружье. Автор обрисовывает нравственное прозрение своего героя, превращение замордованного начальством солдата в человека думающего и чувствующего, принимающего решения, которые подсказывает ему совесть, всей душой поверившего, что правда и справедливость на стороне тех, кого ему приказывают расстреливать.

Как пишет Фролов в своей книге «Пробуждение», с этим рассказом, возвращенным ему без всякого ответа редакцией журнала «Мир божий», он ходил за советом о своей будущей писательской деятельности к В. В. Вересаеву, который жил в это время в Туле. Вересаев одобрил искренность и образность рассказа, посоветовал не бросать писательского дела, но напряженно и вдумчиво работать над каждой строкой. «Вышел я от Вересаева ободренным, крылатым, — пишет Фролов. — Я понял: нужно учиться и работать. И я твердо решил посвятить себя только этому делу».

Свой первый рассказ, одобренный Вересаевым и по его совету настоятельно переработанный, Фролов послал в ленинскую газету «Правда». Рукопись его была обнаружена жандармами во время обыска в редакции «Правды» 18 апреля 1913 г. «По содержанию своему, — говорится в упомянутом «Дознании», — рукопись эта возбуждает к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы и вражду между классами населения». Автору предъявлялось обвинение в государственном преступлении, предусмотренном 129 ст. Уголовного уложения и каравшемся заключением в тюрьме до трех лет. Так как Фролов выехал в это время на Урал к родственникам жены, в дело были вовлечены жандармские управления Екатеринбург, Томска, Барнаула, Перми. «Дознание» закончилось безрезультатно, жандармам в то время не удалось найти Фролова, однако спустя несколько месяцев автор рассказа «На рассвете» был арестован и поплатился за его сочинение тюремным заключением.

Читатели «Правды» не увидели в газете этого рассказа, но познакомились с другим материалом писателя-туляка. В номерах 103 и 104 «Правды» (29 и 30 августа) 1912 г. увидели свет его «Записки самоварщика» с подписью «Бывший рабочий Н.» (вошли затем в книгу «Пробуждение»). Здесь рассказывается о каторжных условиях труда тульских самоварщиков, о работе самоварных токарей, слесарей, сборщиков. Зарисовки Фролова — точное свидетельство очевидца, живое обвинение бесчеловечия капиталистической системы производства. Они органически примыкали к многочисленным рабочим корреспонденциям «Правды», которые на конкретном материале разоблачали ужасы капиталистической эксплуатации. В их авторе ощущается писатель, умеющий наблюдать, подмечать выразительные детали, владеющий языком: самоварная мастерская наполнена «снизу доверху каким-то зеленоватым туманом. где гномы-люди со скрюченными пальцами на руках, потные, грязные, с расстегнутыми воротами и засученными рукавами, с бледными лицами и помутившимися от усталости глазами, качаясь из сто-

¹ См.: ГАТО, ф. 1300, оп. 1, д. 1138.

роны в сторону или сгибаясь всем корпусом, делают то, что люди называют самоваром».

Ценнейшие сведения литературно-краеведческого характера можно почерпнуть в архивах Москвы и Ленинграда, многие из документов которых могут быть названы местными по своему происхождению.

Пушкинист Б. С. Мейлах много лет искал материалы, которые помогли бы ответить на вопрос, в какой степени знал Пушкина народ в дореволюционной России, как пушкинское слово влияло на народное сознание. Нет исследования на эту тему, на веру принималось общераспространенное мнение о незнании народом Пушкина. Не дало результатов обращение к письмам современников, к мемуарам, к журналистике и критике. Но вот исследователь обратил внимание на неизученный архив забытой дореволюционной газеты «Сельский вестник», предназначавшейся для деревни (фонд «Сельского вестника» хранится в рукописном отделении Института русской литературы АН СССР), и был поражен: он обнаружил в этом фонде «сотни писем крестьян о Пушкине, писем со всех концов России, из центральных губерний и глухомани, писем, написанных зачастую на серой оберточной бумаге, большей частью полуграмотных, каракулями, по одной, по пять, по десять и больше страниц, иногда даже стихами, и все о Пушкине! (...) Впервые можно было судить об отношении народа к Пушкину, о знании и понимании народом Пушкина, о том, каким был образ поэта в крестьянском сознании, причем судить по рассказам самих крестьян!»¹.

Поводом для появления этих писем послужило обращение «Сельского вестника» к своим читателям незадолго до 100-летия со дня рождения великого поэта с просьбой сообщить о распространении его сочинений в народе и об отношении народа к ним. Редакция получила около тысячи писем со всех концов России, бóльшая часть которых осталась в архиве (было опубликовано лишь 101 письмо) и не могла появиться на страницах газеты из-за полного несоответствия с сугубо официозной, религиозно-монархической ее направленностью. «В сознании народа жил другой образ Пушкина — своей жизнью и творчеством показавшего пример самоотверженного служения народу, правде, справедливости»². Основываясь на открытом им фонде, Мейлах приводит интереснейшие примеры жизни в самых различных российских губерниях, в различных слоях народной массы творений великого поэта, отношения народа к ним, народных преданий и легенд о Пушкине.

В Центральном государственном историческом архиве СССР (Ленинград) С. И. Машинский обнаружил никем до него не исследованные материалы по «делу о вольнодумстве» в Нежинской гимназии, где с 1821 по 1828 г. учился Н. В. Гоголь. Примеча-

¹ Мейлах Б. Талисман. Книга о Пушкине. 2-е изд. М., 1984, с. 172—173.

² Там же, с. 175.

тельна судьба этих материалов: в связи с доносом о «неблагополучии» в Нежинской гимназии, поступившим А. Х. Бенкендорфу, для обследования ее был послан из Петербурга член Главного правления училищ Э. Б. Адеркас, он-то и привез в столицу многочисленные бумаги, имевшие отношение к «делу о вольнодумстве»; эти бумаги сохранялись впоследствии в архивах министерства просвещения. Документы, найденные Машинским, позволяют воссоздать атмосферу, в которой происходило формирование мировоззрения автора «Мертвых душ» и «Ревизора», те жизненные конфликты, которые повлияли впоследствии на создание ряда его произведений¹.

В Москве, в Центральном государственном архиве литературы и искусства, хранится фонд А. В. Сухова-Кобылина: дневники и записные книжки (1827—1900 гг.), отдельные черновики произведений, рукописи философских работ². Эти материалы дают яркое представление о жизни драматурга в своем родовом имении Кобылинке Тульской губернии (сейчас Плавский район Тульской области), о его творчестве, идейных исканиях, быте, хозяйственных заботах (лесоводство, устройство сахарного завода, записи дневных расходов, состояние погоды). Использованные в работах о Сухово-Кобылине (И. Клейнера, К. Рудницкого, М. Бессараб и других³) и требующие дополнительного изучения, они тем более важны и ценны, что «долгая жизнь писателя известна нам лишь в отрывочных эпизодах», иные из ее моментов все еще продолжают оставаться загадочными, что на протяжении долгого времени существовали искаженные представления о нем как об «авторе одного произведения», «случайном драматурге», о его трилогии как «драмах на крови»⁴.

Дневниковые записи свидетельствуют о глубоком переломе в сознании драматурга, в его мировоззрении после загадочного убийства его гражданской (невенчанной) жены Луизы Симон-Деманш: «Жизнь начинаю постигать иначе. Труд, труд и труд. Возобновляющий, освежительный труд. Среди природы, под ее утренним дыханием»⁵; «Я продолжал светскую жизнь до жестокого дня 7 ноября (в этот день в 1850 г. произошло убийство Симон-Деманш.— Н. М.), который был жестокою точкою поворота меня в меня самого... Через это и началась моя внутренняя жизнь»⁶; «Зная наслаждения всякого рода, я прихожу к убеждению, что лучшими из них являются те, которые доставляют нам

¹ См. об этом: М а ш и н с к и й С. Чегодан Адеркаса. М., 1974.

² Об истории и составе этого фонда см.: В о л к о в а Н. Б. Странная судьба (Из дневников А. В. Сухова-Кобылина). В кн.: Встречи с прошлым. М., 1978, вып. 3.

³ См.: Р у д н и ц к и й К. А. В. Сухово-Кобылин. М.: 1957; К л е й н е р И. Драматургия А. В. Сухова-Кобылина. М., 1961. О н ж е. Судьба Сухова-Кобылина. М., 1969; М и л о н о в Н. Драматургия А. В. Сухова-Кобылина. Тула, 1956; Б е с с а р а б М. Сухово-Кобылин. М., 1981.

⁴ Р у д н и ц к и й К. А. В. Сухово-Кобылин, с. 3—14.

⁵ Там же, с. 36.

⁶ Там же.

наука и искусство»¹. Пьесы Сухово-Кобылина — не случайное, а глубоко закономерное явление русской литературы, ее «сатирического направления», недаром Горький называл Расплюева, героя сухово-кобылинской «Свадьбы Кречинского», в одном ряду с героями «наших прославленных комедий» — Фамусовым, Скалозубом, Молчалиным, Репетиловым, Хлестаковым, Городничим, героями, которые «дают совершенно точное представление о своем классе, о своей эпохе»². Сухово-Кобылин — не «автор одного произведения» и не одной только трилогии «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина». В его архиве хранятся варианты сцены из сельской жизни «Торжественное соглашение, или Нормировка раздробительной продажи духа святого» антиклерикального характера, а также сатирический памфлет «Квартет», гневно и страстно обличающий чиновничий произвол.

Знаменательна запись, сделанная драматургом в 70-е годы после посещения банка в Туле. Он увидел, «до какой степени велика совершившаяся перемена в общественном сознании. Дворянство, род — совершенно падшие и улетучившиеся понятия — все значат деньги. Люди... за своими загородками и конторами суть магнаты и персоны — остальные пари»³. Частное, конкретное наблюдение перерастает в широкий обобщающий вывод о развистии буржуазных отношений, порожденной ими всесильной властью денег.

Архивные документы свидетельствуют о преклонении драматурга перед гением Л. Н. Толстого, с которым он был знаком в Петербурге в 50-е годы, но не встречался во время своей жизни в Тульском крае. Сухово-Кобылин сохранил газетную вырезку со статьей М. «Россия в суждениях итальянцев» («Новое время», 1894, июль) — рецензией на книгу Томмазо Карлетти «Современная Россия», вышедшую в Милане на итальянском языке в 1894 г. (на русском в Петербурге — в 1896 г.). Он подчеркнул красным карандашом строки в этой рецензии: «Перед Толстым, писателем, он (Карлетти.— Н. М.) глубоко преклоняется, как вообще перед русскою литературою, которую считает наиболее блестящею и оригинальною в современной Европе». Сухово-Кобылину оказалась созвучной мысль об огромном мировом значении русской литературы и о том, что наиболее полным, ярким выражением существенных особенностей этой литературы является творчество Толстого⁴.

В отделе рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР (Москва) хранится биография С. Е. Ганьшина (1878—1963), уроженца Тульского края, представителя революционной поэзии предоктябрьской поры, автора стихотворных сборников «Искра» (1912), «Предрасветные песни» (1913), «Песни гражданина» (1916). Автор этой биографии — Наум Громыхин (псевдоним

¹ Рудницкий К. А. В. Сухово-Кобылин, с. 37.

² Горький М. Собр. соч. В 30-ти т., т. 26, с. 411.

³ Цит. по кн.: Клейнер И. Судьба Сухово-Кобылина, с. 93.

⁴ Подробнее см. об этом в ст.: Милонов Н. А. Толстой и Сухово-Кобылин. — В кн.: Толстовский сборник. Тула, 1962.

Г. П. Завражного, поэта и беллетриста-самоучки, уроженца Веневского уезда Тульской губернии).

Очень интересен хранящийся в ЦГАЛИ (Москва) фонд одного из старейших поэтов-революционеров советской эпохи С. А. Басова-Верхоянцева (1869—1952), уроженца деревни Макеево Тульской области, автора поэмы-сказки «Конек-скакунок» (1906), имевшей в свое время немалое революционное значение и подвергшейся систематическому преследованию со стороны царского правительства. Здесь содержатся воспоминания поэта, в которых подробно рассказывается о его отношении к Тульскому краю, об учении в Тульской классической гимназии, о формировании его революционных убеждений, о работе на тульских предприятиях, организации им рабочих волнений. В очерке «Маевка», навеянном тульскими впечатлениями, воссозданы картины старой дооктябрьской Тулы, в воспоминаниях о Л. Н. Толстом и Ясной Поляне, написанных в 1932 г., переданы народные рассказы о великом русском писателе, приведены интересные примеры использования толстовских произведений в революционной пропаганде, говорится об истории Ясной Поляны и ее окрестностей, подчеркнуты заслуги Советской власти, резко изменившей судьбу этих мест.

Много ценного для литературного краеведа таят в себе фонды музеев. Так, обстоятельная разработка темы «Л. Н. Толстой и Тульский край» невозможна без обращения к фондам Государственного музея Л. Н. Толстого (Москва), Музея-усадьбы Ясная Поляна. К примеру, рукописи воспоминаний М. П. Новикова, крестьянина села Боровкова Тульской губернии, человека, долгие годы общавшегося с Толстым и находившегося под его непосредственным благотворным влиянием, хранятся в Гос. музее Л. Н. Толстого (Москва), в отделе рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Музее истории религии и атеизма АН СССР в Ленинграде¹.

В фондах Тульского краеведческого музея можно найти автографы Вересаева, например автограф его письма в ответ на запрос Тульского губисполкома о его отношении к Тульскому краю (запрос был послан писателю в Москву в связи с изданием книги «По Тульскому краю»). Автограф позволяет устранить ошибку, вкравшуюся в издание. Вересаев писал в автографе: «До 17 лет непрерывно, а потом много лет летом я жил в Туле и Тульской губернии и, конечно, насквозь пропитался именно тульской природой. Везде, где я изображал провинциальный город («Без дороги», «На повороте», «К жизни»), — материалом мне служила Тула. Зыбино, с его характерным старинным помещичьим домом, усадьбой и окрестностями, описано в «Без дороги» и «На повороте». В книге «По Тульскому краю» (изд. Тульского губисполкома, 1925) на странице 498 приводится это интереснейшее вересаевское высказывание, но вместо слова «город» («Везде, где я изображал провинциальный город...») ошибочно напечатано слово «быт» («Везде, где я изображал провинциальный быт...»).

Много редкостей хранит и библиотека Орловского краеведческого музея², в числе которых — книги, принадлежавшие В. Г. Белинскому: книжное собрание великого критика у его вдовы М. В. Белинской приобрел И. С. Тургенев и в 1854 г. перевез его в Спасское-Лутовиново. В Оренбургской областной библиотеке обнаружил Л. Большаков рукописную книгу «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии в течение 1821 года и сопряженными с ним обстоятельствам» с водяным знаком на бумаге «1824» и без какой-либо авторской подписи. Книга эта содержит историю национально-освободительного греческого движения в 1821 г. и историю этерии (тайного общества греков в России). Автором рукописи, дубликат которой хранится в Центральном государственном военно-историческом

¹ См. об этом: Королев А. А. Времен связующая нить... (Л. Н. Толстой и М. П. Новиков). Тула, 1978.

² См. об этом: Катанов В. Друзья на всю жизнь (заметки книголюбца). Тула, 1975, с. 11.

архиве Москвы, по предположению Большакова, является знаменитый декабрист П. И. Пестель. Произведение представляет собой замечательный образец исторической прозы декабристов, сам Пестель предстает здесь в особом качестве — как писатель, политический публицист¹.

Большой интерес представляют личные архивы писателей, а также лиц из их ближайшего окружения: родственников, друзей; архивы краеведов, этнографов, деятелей культуры, книголюбов. О ценнейших собраниях казанских библиофилов В. В. Егерева, П. М. Дульского, П. Е. Корнилова, А. Терегулова, А. А. Фирсова рассказали В. Аристов и Н. Ермолаева², о неутомимом собирателе книг орловском инженеру И. М. Пухальском — В. Катанов³. Коллекция древнерусских рукописей и автографов деятелей русской литературы и искусства, принадлежавшая Егерову, хранится сейчас в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; рукописи XIV, XVII, XVIII веков, принадлежавшие Пухальскому, находятся в хранилище Пушкинского Дома в Ленинграде. Подобные примеры можно найти едва ли не в каждой области. Число книголюбов, страстных почитателей книжных и иных культурных ценностей в нашей стране растет с каждым днем.

Автору этих строк посчастливилось стать обладателем небольшой, но весьма содержательной коллекции, которая долгое время хранилась у потомков декабриста С. Н. Бегичева, лучшего друга А. С. Грибоедова. Ее переслала мне Марина Дмитриевна Бибикова, правнучка Бегичева, проживающая сейчас в г. Орджоникидзе. В ней более десятка фотографий потомков Бегичева, представителей четырех поколений, от его старшей дочери Марии Степановны до ныне здравствующей М. Д. Бибиковой. Примечательна маленькая любительская фотография, изображающая Марию Степановну в доме села Екатерининского. Виден интерьер комнаты, стены которой увешаны миниатюрами и фотографическими карточками, старинный широкий диван, большое окно, через которое льются в комнату солнечные лучи. На других снимках мы видим вторую жену Бегичева Марию Ивановну Бегичеву-Лелу, его дочь Екатерину Степановну Тиличеву, внуков — Дмитрия Никитича и Александра Никитича, внучку Марию Никитичну (с мужем Владимиром Павловичем Ганенфельдом), правнуков Марию Владимировну и Николая Владимировича, праправнучку Марину Дмитриевну.

В коллекции — многочисленные фотографии дома в селе Екатерининском, уголков парка, живописных окрестностей сел Екатерининского и Дмитровского, разделяемых нешироким здесь Доном. Здесь же — старинная миниатюра с изображением Никиты Степановича Бегичева, сына Степана Никитича, в детском возрасте, оттиск из журнала «Русское слово» (1859, № 4—6) с публикацией статьи Д. А. Смирнова «Черновая тетрадь Грибоедова»⁴. На первой странице — автограф Смирнова: «Семейству Степана Никитича Бегичева, память о котором для меня драгоценна». Предметы бытового обихода: граненый бокал, привезен-

¹ См.: Большаков Л. Отыскал я книгу славную... (Поиски и исследования). Челябинск, 1971, с. 128.

² См.: Аристов В., Ермолаев Н. Все началось с путеводителя... (поиски литературные и исторические). Казань, 1975.

³ См.: Катанов В. Друзья на всю жизнь.

⁴ Д. А. Смирнов (1819—1866), родственник А. С. Грибоедова, посвятил более четверти века собиранию материалов и биографических сведений о нем. См.: Смирнов Д. А. Рассказы об А. С. Грибоедове, записанные со слов его друзей. — В кн.: А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 223—301.

ный Бегичевым для второй его жены М. И. Лелу с изображением герба рода Бегичевых¹, веер, принадлежавший жене его сына Никиты Степановича.

Особый интерес представляет альбом форматом 18,5 × 11,5 см, состоящий из 68 нумерованных листов в черном переплете с золотым тиснением на обеих его внешних сторонах. На обратной стороне переплета надпись по-французски: «Журнал путешествия, написан Надеждой Бегичевой тринадцати лет и посвящен ее отцу». Страницы альбома исписаны на французском языке аккуратным бисерным почерком, перемежающимся порою с почерком более небрежным и крупным.

Надежда Бегичева — крестница Грибоедова. В упомянутом нами «Деле о дворянстве рода дворян Бегичевых» имеется свидетельство Тульской духовной консистории о том, что 28 июля 1828 г. у помещика С. Н. Бегичева родилась дочь Надежда и одним из ее воспитанников был «статский советник Александр Сергеев Грибоедов»². Тринадцать лет Надежде исполнилось 28 июля 1841 г., значит, альбом (даты в нем отсутствуют) относится к самому началу 40-х годов прошлого столетия.

В «Журнале путешествия» Н. С. Бегичевой речь идет о ее более чем годовой поездке по странам Западной Европы — Польше, Германии, Австрии, Италии, Швейцарии. Содержание «Журнала» весьма разнообразно. Здесь и наблюдения над явлениями общественной жизни, над нравами жителей той или иной страны, и размышления о национальном достоинстве народов, социальных взаимоотношениях, и живые впечатления от увиденных пейзажей, архитектурных сооружений, картинных галерей. «Журнал» поражает обилием размышлений, рассуждений по поводу увиденного и пережитого, свидетельствует о напряженной внутренней жизни автора, его несомненной литературной одаренности, явной незаурядности его личности.

В принадлежности авторства «Журнала» Надежде Степановне не сомневались потомки Бегичева, но есть обстоятельства, которые ставят личность автора под сомнение. Не противоречат ли возрасту тринадцатилетней девочки слишком уж «взрослые» мысли, здесь изложенные? Почему страницы «Журнала» исписаны разными почерками, не принимал ли участие в написании его кто-либо из взрослых? В решении этих вопросов мог бы помочь еще какой-либо документ, написанный рукою Надежды Степановны. Сравнение почерков помогло бы с точностью установить, что именно в «Журнале» написано ее рукою. К сожалению, никакого другого автографа дочери Бегичева обнаружить пока не удалось. Трудно и надеяться на это: дочь Бегичева умерла совсем молодой. В неизданных воспоминаниях Е. И. Раевской (Бибиковой), хранящихся в отделе рукописей Государственного литературного музея (Москва)³ и содержащих интереснейшие сведения о самом Бегичеве и его семье (Е. И. Раевская — соседка Бегичевых по имению), говорится о том, что Надежда Степановна «скончалась 20-ти лет от роду».

При всем сказанном значение «Журнала» как документа не зачеркивается. Он имеет прямое отношение к личности С. Н. Бегичева и дружбе его с великим автором «Горя от ума», помогает понять причины восторженного отношения Грибоедова к своему другу, проливает свет на ту атмосферу, которая господствовала в семье Бегичевых⁴. В «Журнале» отражены принципы воспитания, которые дал Степан Никитич своей дочери, а также нравственные, эстетические принципы, утверждавшиеся в этой семье. Содержимое «Журнала» с его чуткостью к общественно-политическим вопросам, горячим патриотизмом, широтой культурных интересов, изумительно развитым эстетическим чувством перекликается с тем, что мы

¹ Описание и изображение герба Бегичевых содержится в специальном дипломе, выданном Екатериной II и хранящемся в «Деле о дворянстве рода дворян Бегичевых» (ГАТО, ф. 39, оп. 2, д. 188, л. 21).

² Там же, д. 188, л. 17.

³ Шифр ОФ 2893.

⁴ В «Журнале» ни разу не упомянуто имя Грибоедова. О самом Степане Никитиче сказано очень немного: в начале, в описании прощания с отцом в Петербурге («...Очень печально расставаться с моим Рарá, он был всегда так добр к нам, ласкал нас, говоря: «Вы — мое утешение») и в конце, когда речь идет о возвращении в Россию («В Нарве мы встретились с Рарá, новое счастье, я была вне себя от радости...»). О бегичевской коллекции более подробно см.: М и л о н о в Н. А. С. Н. Бегичев. — В кн.: Декабристы-гуляки. Тула, 1977.

знаем о С. Н. Бегичеве, о его причастности к декабризму, о его нравственном благородстве, буквально покрывшем Грибоедова, о его умении понимать и ценить художественное дарование своего великого друга.

Время не пощадило архива С. Н. Бегичева, тем ценнее то немногое, что хранилось у его потомков, передавалось из поколения в поколение. Нет уже, к сожалению, домов и других строений в селах Екатерининском и Дмитровском, где бывал у своего друга Грибоедов, где создавались сцены бессмертной комедии «Горе от ума». Фотографии дома в селе Екатерининском позволяют хорошо представить его с различных точек обзора, могут оказаться неоценимыми при восстановлении дома Бегичевых. На «Журнале путешествия» Н. С. Бегичевой, хранившемся в бегичевской семье, лежит блеск духовной красоты лучших людей пушкинской эпохи, к которым принадлежали Грибоедов и Бегичев.

Говоря о большом значении архивных материалов как источника литературного краеведения, следует предупредить молодых исследователей о недопустимости слепой веры в любой документ, найденный ими в архиве. По тем или иным мотивам официальные документы прошлых лет могут ведь и скрывать истину либо искажать ее. Они «...иногда содержат «факты», которых вообще не было, — пишет Е. Петряев. — Попадая в краеведческие и даже академические публикации, они создают то ложное знание, которое можно назвать невежеством образованных. Нередко страницы дневника или письмо проясняют то, что не удавалось узнать из груды казенных бумаг»¹. Как и любой другой источник, архивные материалы нуждаются в тщательном анализе, в «перекрестной» проверке другими источниками, сопоставлении их.

§ 5. МЕМУАРЫ

Свидетельство современников, как всегда пристрастное, не может служить доказательством истины и последним ответом на вопрос, — писал В. Г. Белинский, — но оно всегда должно приниматься в соображение при суждении о писателях, ибо в нем всегда есть своя часть истины, часто невозможная для потомства»². «Пристрастность» мемуаров, свойственный им субъективизм вызывают необходимость критического к ним отношения, тем не менее они, по справедливым словам П. Г. Зайончковского, «представляют исключительную ценность как содержащие материалы, не находящие отражения ни в официальных документах, ни в источниках других типов»³. Они воссоздают «живой образ человека, свидетельствуют об отношении к нему современников, сообщают подчас неизвестные факты его биографии»⁴, «подобно портретам в живописи, запечатлевают лики былого»⁵. В изучении мемуаров как ценнейшего исторического и литературоведческого источника сделано немало. Вышли фундаментальные библиографи-

¹ Петряев Е. Впереди — огни (Очерк культурного прошлого Забайкалья). Иркутск, 1968, с. 322.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. VII, с. 111.

³ История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. т. 1, с. 3.

⁴ Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1972, с. 5.

⁵ Барахов В. С. Искусство литературного портрета. М., 1976, с. 4.

ческие указатели, дающие надежные ориентиры в огромном фактическом материале. Особое значение среди них имеет продолжающееся издание «История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях (аннотированный указатель книг и публикаций в журналах)», первый том которого, охватывающий период XV—XVIII вв., появился в 1976 г. Здесь можно найти сведения практически по любой области, поиски облегчит обращение к географическому и другим указателям, имеющимся в этом издании.

Мемуарам посвящена специальная работа Е. Г. Бушканца¹. Ее автор обстоятельно рассматривает проблемы, связанные с изучением мемуарной литературы: выяснение подлинности, атрибуция (установление принадлежности тому или другому автору анонимно или псевдонимно опубликованных воспоминаний), значение идейно-политических позиций мемуариста, его личности, датировка воспоминаний, учет цензурных возможностей автора, изменения его отношений к освещаемым событиям (в период между событиями, о которых рассказывает мемуарист, и временем написания мемуаров), учет источников, которые привлекаются мемуаристами, не полагающимися на свою память (дневники, письма, газетные сообщения), проверка сообщаемых в мемуарах сведений другими источниками и т. д.

Воссоздание «живого образа человека» в его неповторимой индивидуальности, отношение к писателю современников (по их собственным свидетельствам), освещение новых, подчас неизвестных фактов его биографии — все то, что мы находим в мемуарной литературе, — чрезвычайно важно для литературного краеведа, который подходит к этому источнику со своими специфическими задачами. Мемуары «соответствуют» характернейшей особенности литературного краеведения — «приближению» писателя к людям, никогда не видевшим и не знавшим его как человека (исключая, разумеется, отражения личности писателя в его собственных произведениях), снятию с него «хрестоматийного глянца», восприятию его живого облика через раскрытие его связей с теми местами, которые были близки и дороги для него.

Огромна мемуарная литература о Л. Н. Толстом. Близкие великого писателя, его друзья и знакомые, его личные секретари, многочисленные посетители Ясной Поляны, русские и зарубежные, оставили воспоминания, с большей или меньшей степенью достоверности, о Толстом в разные периоды его жизни (преимущественно в поздние годы), о коренном переломе, совершившемся в его духовном развитии, семейной трагедии последних лет, имевшей глубокие социальные корни, уходе из Ясной Поляны. В мемуарах живо воссоздается бытовой уклад яснополянского дома, рассказано о богатейшем духовном мире и широком круге интересов великого писателя, его творческих замыслах, общественной деятельности, хозяйственных увлечениях, распорядке его дня, запе-

¹ Бушканец Е. Г. Мемуарные источники (учебное пособие к спецкурсу). Казань, 1975.

Л. Н. Толстой с крестьянами. 1908 г.

чатлены образы людей из родственного и дружеского окружения Толстого, о многообразнейших «живых и трепетных нитях», которые связывали его с родным краем¹.

Здесь содержатся красноречивые свидетельства — на материале жизни Толстого в родном крае — о близости писателя к простым трудовым людям, о его постоянном стремлении помочь нуждающимся. Словацкий доктор Альберт Шкарван был удивлен знанием Толстым жизни яснополянских крестьян, их нужд и забот². О многообразных формах помощи со стороны Толстого бедным яснополянским крестьянам вспоминают американский журналист и путешественник Джордж Кеннан³, великий русский художник И. Е. Репин⁴, поэт и беллетрист А. В. Жиркевич⁵, личный секретарь писателя Н. Н. Гусев⁶, свояченица Толстого Т. А. Кузминская⁷, сами яснополянские крестьяне и многие другие. «Он делал

¹ Наиболее полный свод мемуаров о Толстом см. в кн.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. В 2-х т. М., 1978.

² См.: Шкарван Альберт. Глазами словацкого друга.— Литературное наследство. М., 1965, т. 75, кн. 2, с. 135.

³ См.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1, с. 374.

⁴ Там же, с. 484—485.

⁵ Там же, т. 2, с. 20.

⁶ Там же, с. 359.

⁷ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Тула, 1976, с. 266.

всю тяжелую работу, которая производится на крестьянском наделе,— пишет о Толстом его старший сын Сергей Львович,— косил траву и убирал сено, косил рожь и овес, возил навоз, пахал, сеял и бороновал»¹.

О постоянных хлопотах Толстого во время его приездов в Тулу «за кого-нибудь, попавшего в беду», говорит в своей книге «Из прошлого» (М., 1913) Н. В. Давыдов, в 70-е годы прокурор, а затем председатель Тульской окружного суда. «...Мы отправлялись по городу вместе,— вспоминает Давыдов,— и заходили к служившему в начале 80-х годов в Туле вице-губернатором Л. Д. Урусову... Иногда Лев Николаевич привозил с собой то лицо, за которое он хлопотал ...и тогда мы шли в суд, или же приглашал к себе кого-либо из местных поверенных, всегда охотно бравших на себя, причем бесплатно, ведение дел, рекомендованных Львом Николаевичем. Помню, что я от имени Льва Николаевича всего чаще обращался к присяжному поверенному Гольденблатту»².

В голодном 1898 г. Толстой, по воспоминаниям его сына Ильи Львовича, «целые дни, часто до глубокой ночи, разъезжал по деревням... Через неделю у нас уже действовало 12 столовых в Мценском уезде и столько же в Чернском»³.

Близость Толстого к народу, стремление помочь ему проявились и в педагогической деятельности великого писателя. О Толстом-педагоге, его школах в Ясной Поляне и других местах Тульского края вспоминают учителя П. В. Морозов⁴, Н. П. Петерсон⁵, А. А. Эрленвейн⁶, бывшие ученики яснополянской школы⁷. Интересны воспоминания Е. Л. Маркова, в то время педагога Тульской мужской гимназии. В конце 50-х годов прошлого столетия, под воздействием освободительных идей эпохи гимназия, как пишет Марков, «без всяких формальных разрешений мало-помалу совсем отступила от официальных программ преподавания и превратилась, так сказать, в деятельную педагогическую лабораторию, где испробовались и применялись разные педагогические системы и методы. Многие, что вошло потом в обиход наших учебных заведений, было введено, как первый опыт, в тульской гимназии того времени»⁸. Свидетельство Маркова помогает понять причины сближения Толстого с Тульской гимназией, его большой интерес к ней в те годы, когда он сам увлекался педагогической деятельностью, напряженно искал в педагогике новых путей. Связи Толстого с Тульской гимназией не порывались и в последующие годы: здесь сдавали экзамены за гимназические курсы его сыновья Сергей, Илья, Лев. В мемуарах Сергея Львовича говорится о

¹ Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, 1975, с. 145.

² Давыдов Н. В. Из прошлого. М., 1913, с. 267—268.

³ Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1914, с. 228.

⁴ Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1, с. 108—113.

⁵ Там же, с. 122—126.

⁶ Там же, с. 127—140.

⁷ Там же, с. 141—150.

⁸ Марков Е. «Живая душа» в школе.— Вестник Европы, 1890, кн. 2, с. 572.

том, как отец живо интересовался его гимназическими делами, как в Ясную Поляну приезжал директор гимназии А. Г. Новоселов¹.

Во множестве мемуаров говорится о любви Толстого к природе, исключительно чутком восприятии ее. Писатель Г. П. Данилевский приводит в своих воспоминаниях слова Толстого об удивительной силе непосредственных впечатлений от природы: «И как я люблю и ценю художников, черпающих свое вдохновение из этого могучего и вечного источника! В нем сила и правда»². Сам Толстой был именно таким художником, природа родного края всегда оказывалась для него неиссякаемым источником вдохновения. «На охоте он любил одиночество, природу и то особое охотничье настроение, когда охотник, созерцая природу или страстно гонясь за добычей, забывает всякие житейские дрязги; на охоте же он задумывал свои произведения, — рассказывает о Толстом его сын Сергей Львович. — Он говорил, что только охотник и земледелец чувствует красоту природы»³.

С. Л. Толстой считал Ясную Поляну тем местом, откуда великий писатель «черпал обильный материал для своего творчества, материал, вылившийся под его пером в художественные описания и образы»⁴. Он пишет о воздействии на художественные произведения Толстого услышанных им на Киевском шоссе (оно проходило близ Ясной Поляны и было любимым местом прогулок писателя) народных рассказов, «народного языка, местных наречий, северного, поволжского, украинского, многих поговорок и пословиц...»⁵; отмечает, что «самоубийство Анны Карениной навеяно самоубийством сожительницы А. Н. Бибикова...»⁶ (речь идет об А. С. Пироговой, жившей с Бибиковым в Телятниках, неподалеку от Ясной Поляны). По свидетельству Сергея Львовича, «описание в «Воскресении» дальней деревни, где Нехлюдов предлагал крестьянам свой земельный проект, напоминает Никольское-Вяземское»⁷. Заметим, что в огромной мемуарной литературе о Толстом воспоминания Сергея Львовича отличаются особой достоверностью, «необыкновенной внутренней честностью и прямоотой»⁸.

Старшая внучка Толстого А. И. Толстая-Попова отмечает в своих мемуарах сходство описания Отрадного, имения Ростовых в «Войне и мире», с Никольским-Вяземским⁹, которое узнается и в нищем селе Панове в «Воскресении»; о страшной бедности николаевских крестьян рассказывает В. Ф. Булгаков¹⁰. Х. Н. Аб-

¹ См.: Толстой С. Л. Очерки былого, с. 50.

² Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1, с. 351.

³ Толстой С. Л. Очерки былого, с. 121.

⁴ См.: Ясная Поляна. Статьи и документы. М., 1942, с. 106.

⁵ Толстой С. Л. Очерки былого, с. 93.

⁶ Там же, с. 55.

⁷ Там же, с. 118.

⁸ Пузин Н. П. С. Л. Толстой. — В кн.: Толстой С. Л. Очерки былого, с. 15.

⁹ См.: Толстая-Попова А. И. В родном имени Толстых. — Новый мир, 1935, с. 195.

¹⁰ См.: Булгаков В. Ф. О Толстом. Тула, 1978, с. 138.

риковос свидетельствует в своих воспоминаниях о том, что сюжет рассказа «После бала» взят Толстым из жизни его брата Сергея Николаевича¹. Обращение к этому сюжету явилось, по-видимому, следствием бесед Толстого с братом в селе Пирогове весной 1903 г.² Так мемуарная литература помогает нам представить многообразное отражение в толстовском творчестве впечатлений, почерпнутых писателем в родном крае.

Во время работы над романом «Воскресение» Толстой посещает Тульский суд, «где рассматривалось с присяжными заседателями дело по обвинению одного молодого тульского мещанина в покушении на убийство»³. Н. В. Давыдов, вспоминая об этом, оттеняет такие качества Толстого-писателя, как неустанное, пытлиное изучение жизни, жадное внимание к людям из самых различных сословий, постоянное стремление быть в гуще событий, в поисках ответа на мучающие и тревожащие его вопросы. Работая над романом «Воскресение», писатель, по свидетельству Давыдова, «подолгу пребывал в тюрьмах и исправительных отделениях, беседуя с «преступниками» всех категорий в Крапивне, Туле и Москве».

Еще ждут дополнительного изучения многочисленные связи Толстого с жителями Тулы, иные из которых становились прототипами его произведений, и здесь не обойтись без мемуарных свидетельств. Член Тульского окружного суда Иван Ильич Мечников, брат выдающегося русского ученого-биолога, как пишет Т. А. Кузминская, «послужил Льву Николаевичу прототипом главного героя в повести «Смерть Ивана Ильича»⁴. Кузминская беседовала впоследствии со вдовой Мечникова, передававшей его мысли и разговоры о бесплодно прожитой жизни. «Я видела, — пишет Кузминская, — как в пребывание Мечникова в Ясной Поляне Лев Николаевич прямо впивался в него, почуяв художественным чутьем незаурядного человека»⁵. С. П. Спиро в своих воспоминаниях передает слова Толстого о его беседах с И. И. Мечниковым, известным ученым: «В разговоре мы вспоминали, что я знал его брата Ивана Ильича, — даже моя повесть «Смерть Ивана Ильича» имеет некоторое отношение к покойному»⁶. На страницах своих воспоминаний Т. А. Кузминская рассказывает о своей жизни в Туле в одном доме с Гартунгами, семьей Марии Александровны Гартунг (Пушкиной), старшей дочери великого поэта, о знакомстве с ней Толстого на вечере у генерала Тулубьева, о поразившей писателя внешности этой женщины. По словам Кузминской, Мария Александровна «послужила ему типом Анны Карениной, не характером, не жизнью, а наружностью»⁷.

¹ См.: Летописи Гослитмузея. М., 1948, т. 2, кн. 12, с. 454.

² См.: Архангельская Т. Н. Л. Н. Толстой в Пирогове. — В кн.: Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978, с. 157—158.

³ Давыдов Н. В. Из прошлого, с. 257.

⁴ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, с. 441.

⁵ Там же.

⁶ Спиро С. П. Беседы с Л. Н. Толстым (1909 и 1910 гг.). М., 1911, с. 35.

⁷ Кузминская Т. А. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне, с. 460.

В воспоминаниях С. Л. Толстого, а также в «Дневниках» С. А. Толстой можно найти много сведений о тульском вице-губернаторе Л. Д. Урусове, одном из первых последователей толстовского учения, в воспоминаниях Т. А. Кузминской и Н. В. Давыдова — о взаимоотношениях Толстого и тульского губернского предводителя П. Ф. Самарина.

В 1887—1893 годах должность тульского губернатора занимал Н. А. Зиновьев, к которому Толстой не раз обращался с просьбами о помощи различным лицам, пользовался его поддержкой при организации помощи голодающим. Резкому охлаждению этих отношений способствовало участие Зиновьева в усмирении крестьян села Бобрики Тульской губернии — об этом идет речь в статье Толстого «Царство божие внутри вас». В 1970 г. были опубликованы интересные воспоминания дочери Зиновьева Н. Н. Фере¹. Они относятся к 1888—1911 годам и свидетельствуют о довольно прочных связях семьи Зиновьевых с семьей Толстых, с Ясной Поляной. Общение этих семей является наглядным свидетельством «огромного влияния Л. Н. Толстого на мыслящих людей из господствующего класса»², что можно сказать и о других представителях губернских властей, с которыми общался Толстой.

Демократически настроенная тульская интеллигенция относилась к Толстому с огромным уважением, видя в нем не только великого писателя, но и замечательную личность, общение с которой имеет огромное положительное нравственное значение, особенно для молодого поколения. В один из июньских дней 1907 г. в гости к Толстому приехало около тысячи детей тульских рабочих. Организатором и руководителем этой поездки был А. Д. Ротницкий, старейший работник Литфонда СССР, тогда председатель «Комиссии детских развлечений» Тульского отделения Общества охранения народного здоровья, энтузиаст-общественник, много сделавший для организации досуга тульских детей. Об этом дне вспоминали находившийся тогда в Ясной Поляне художник М. В. Нестеров, литератор П. А. Сергеевко, сын В. Г. Черткова Владимир, о нем пишет С. А. Толстая в своих «Ежедневниках» (1907) и в письмах от 27 июня 1907 г., адресованных Т. Л. Толстой-Сухотиной и А. А. Измайлову, критику и публицисту³. На основе воспоминаний об этом дне А. Сергеевко, бывший тогда секретарем Черткова, опубликовал очерк «В гостях у Льва Толстого»⁴. Опубликованы воспоминания и самого Ротницкого⁵. Перед нами своего рода «мемуарный цикл», освещающий конкретный факт

¹ См.: Антюфеева И. Н. Неизвестные воспоминания о Л. Н. Толстом. — Русская литература, 1970, № 4.

² Там же, с. 121.

³ См.: Толстая С. А. Дневники. В 2-х т. М., 1978, т. 2, с. 266. Письма хранятся в Отделе рукописей Гос. музея Л. Н. Толстого (Москва), фонд С. А. Толстой, папка № 32.

⁴ См.: Нева, 1960, № 11.

⁵ См.: Ротницкий А. Пришли 800 детей — хорошо. — Юность, 1974, № 10.

биографии писателя и составляющий как бы проекцию ряда зеркал, каждое из которых по-своему отражает те или иные детали и подробности этого факта.

С творчеством Толстого связаны примечательные события культурной жизни Тулы, отразившиеся в мемуарной литературе. Таким событием было первое публичное представление комедии «Плоды просвещения» 15 апреля 1890 г. в зале тогдашнего дворянского собрания (теперь Дом Офицеров), Представление (силами любителей) состоялось по инициативе Н. В. Давыдова, который был режиссером и исполнителем одной из ролей в домашнем спектакле «Плодов просвещения», сыгранном в Ясной Поляне 30 декабря 1889 г.

«Репетиции происходили частью у меня, частью в дворянском собрании, на сцене, — рассказывает Давыдов о тульском спектакле. — В одну из этих репетиций сторож собрания доложил мне, что какой-то мужик, по-видимому трезвый, желает непременно видеть меня и требует, чтобы его пустили в залу. «Мы его и гнали уже, да не идет», — добавил сторож. Я побежал вниз в швейцарскую, догадавшись, кто этот трезвый мужик, и через несколько минут ввел в залу, к великой радости участвовавших в пьесе, Льва Николаевича, принятого за «мужика» сторожами ввиду его более чем скромной одежды. Спектакль удался в полной мере»¹. Давыдов прекрасно воссоздал историю посещения Толстым репетиции «Плодов просвещения», но о самом спектакле он написал чрезвычайно мало, судить о нем приходится по воспоминаниям других очевидцев.

О яснополянском и тульском спектаклях идет речь в воспоминаниях С. А. Толстой², С. Л. Толстого³, А. М. Новикова⁴, В. М. Лопатина⁵. Тульский спектакль посетили специально ради него приехавшие из Москвы А. И. Южин-Сумбатов и В. И. Немирович-Данченко, так вспоминавший об этом: «На этот спектакль в Туле я поехал со своим другом Южиным-Сумбатовым. Любители играли великолепно. Впечатление было жизненное и очень яркое. На спектакле присутствовала вся семья Л. Н. Толстого, кроме него самого»⁶. Именно мемуарная литература помогает нам в данном случае представить знаменательное событие в культурной жизни города, событие, связанное со сценической историей толстовского драматического произведения.

С театральной жизнью Тулы связана и встреча Толстого с К. С. Станиславским в доме Давыдова в 1893 г., во время гастролей театрального коллектива Общества искусства и литературы. «Репетиции и другие приготовления к нашим гастролям

¹ Давыдов Н. В. Из прошлого, с. 291.

² См.: Толстая С. А. Моя жизнь. — Новый мир, 1978, № 8.

³ См.: Толстой С. Л. История писания и первой постановки «Плодов просвещения». — Театр, 1940, № 11.

⁴ См.: Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников, т. 1, с. 439—450.

⁵ Там же, т. 2, с. 96—103.

⁶ Немирович-Данченко В. И. Из прошлого. М., 1936. с. 359.

происходили... в гостеприимном доме Николая Васильевича Давыдова, близкого друга Льва Николаевича Толстого,— рассказывает Станиславский.—...Однажды, в разгар веселья, в передней показалась фигура человека в крестьянском тулупе. ...Его встретили общим радостным восклицанием. В первую минуту я не понял, что это был Л. Н. Толстой»¹. Эта встреча произвела на Станиславского неизгладимое впечатление. Он дает в своих воспоминаниях великолепный словесный портрет Толстого. Глаза великого писателя, «то острые, колючие, то мягкие, солнечные» «пронизывали душу и точно зондировали ее», иногда «становились веселыми и шутливыми, выходили из густых бровей и светились», иногда в них «блестели искры гениального художника». Ничто не может заменить подобного мемуарного свидетельства, принадлежащего выдающемуся художнику с его редкой наблюдательностью, остротой восприятия, великолепным литературным дарованием.

Мемуарная литература о Толстом наглядно подтверждает справедливость соображения С. Житомирской о том, что мемуары, наряду с эпистолярной, «дают историку незаменимую возможность извлечь из одного источника несколько рядов фактических и логических данных для своего анализа»²: мы находим здесь массу сведений об отношении писателя к его родному краю, о его современниках, о культурной жизни края и т. д. То же прослеживается, разумеется, и в воспоминаниях о других писателях. Таковы, к примеру, по отношению к Тульскому краю, воспоминания С. Н. Бегичева об А. С. Грибоедове. Здесь и до сих пор не совсем уточненные моменты творческой истории «Горя от ума» (рассказ о пребывании Грибоедова в августе 1823 г. в одном из тульских поместий Бегичева и о работе великого драматурга над его комедией³), и воссоздание живых черт удивительной грибоедовской личности: «светлый ум... благородная душа, страстная любовь к отечеству», «необыкновенная способность к музыке», сильная воля, любовь к театру, серьезные литературные интересы, «неистощимая веселость и острота», «всегдашнее любознание»⁴. Речь идет и о беседах друзей, многие из которых происходили в тульских имениях Бегичева: «Не имею довольно слов объяснить, до чего приятны были для меня частые (а особливо по вечерам) беседы наши вдвоем. Сколько сведений он имел по всем предметам! Как увлекателен и одушевлен он был, когда открывал мне, так сказать, нараспашку свои мечты и тайны будущих своих творений или когда разбирал творения гениальных поэтов!»⁵.

В этих воспоминаниях — история прекрасной дружбы двух людей, один из которых — великий писатель, другой — декабрист,

¹ Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1980, с. 142—143.

² Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1976, с. 3.

³ См.: Пиксанов Н. К. Творческая история «Горя от ума». М., 1971, с. 384.

⁴ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 23, 24, 25, 27.

⁵ Там же, с. 29.

человек передовых воззрений, высокой культуры, редкого по красоте и обаянию нравственного облика. «Конечно, из всех, которые называют себя теперь его друзьями, никто более меня не имеет на это права! — с полным основанием заявляет Бегичев. — Я знал его с юношеских лет, долго жил с ним, следил за каждым его шагом и пользовался неизменной его дружбой до конца жизни»¹. Пребывание Грибоедова в одном из тульских имений Бегичева во время работы над «Горем от ума», где драматургу было «очень покойно, очень хорошо»², — убедительный пример заботы Бегичева о своем гениальном друге, постоянного стремления создать ему наилучшие условия для творческой работы.

Воспоминания Бегичева были написаны спустя много лет после гибели автора «Горя от ума», тем не менее они отличаются правдивостью и объективностью, «дают очень много ценного для характеристики» Грибоедова; «для нас — это один из первоисточников»³. О самом Бегичеве, так много сделавшем для своего гениального друга и пользовавшемся огромным уважением со стороны Грибоедова, известно до обидного мало. Тем ценнее рукопись неизданных воспоминаний Е. И. Раевской (Бибиковой), посвященных Бегичеву⁴. В них есть отдельные неточности, но они дают весьма интересную характеристику Степана Никитича, рисуют его личность, свидетельствуют о его чуткости к событиям общественной жизни, о характере взаимоотношений Бегичева и Грибоедова. В воспоминаниях Раевской, как и в воспоминаниях Е. П. Соковниной, племянницы Бегичева, речь идет о селе Дмитровском Ефремовского уезда Тульской губернии, когда указывается место работы Грибоедова над «Горем от ума» в летние месяцы 1823 г., хотя в краеведческой литературе содержатся и иные утверждения⁵. В данном случае мемуарная литература, наряду с другими источниками (письмами Грибоедова), помогает прояснить детали, имеющие отношение к творческой истории бессмертной грибоедовской комедии.

Примером уточнения творческой истории художественного произведения в мемуарной литературе (на краеведческом материале) могут служить и воспоминания Марии Николаевны Толстой (сестры Л. Н. Толстого) о ее встречах с И. С. Тургеневым в первой половине 50-х годов в имении Покровском Черный уезда Тульской губернии, об отражении взаимоотношений Тургенева и Марии Николаевны в тургеневской повести «Фауст», о том, что Мария Николаевна стала прототипом героини повести Веры Нико-

¹ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. М., 1980, с. 23.

² Грибоедов А. С. Соч. В 2-х т. М., 1971, т. 2, с. 220.

³ Пиксанов Н. К. Творческая история «Горе от ума», с. 79.

⁴ См.: Отдел рукописей Гос. литературного музея (Москва), шифр ОФ 2893. См.: Милонов Н. А. С. Н. Бегичев. — В кн.: Декабристы-туляки.

⁵ См., например: Миловидов А. В. А. С. Грибоедов в селе Екатерининском Тульской губернии. — В кн.: По Тульскому краю (пособие для экскурсий). Тула, 1925, с. 536; Арсеньев В. С., Картавцев И. М. Декабристы-туляки. Тула, 1926, с. 10—11.

лаевны Ельцовой,— об этом свидетельствуют также многие другие члены семьи Толстых и их близкие друзья¹.

Биография писателя неотделима от его творчества; факты, имеющие, казалось бы, лишь биографическое значение, часто оказываются связанными с созданными писателями художественными произведениями. Воспоминания Михаила Васильевича Успенского, старшего брата писателя Н. В. Успенского, имеют на первый взгляд значение лишь биографическое. Михаил Васильевич учился в Тульской духовном училище, а затем, несколько ранее Николая Васильевича, в Тульской духовной семинарии. В своих воспоминаниях² М. В. Успенский ярко воссоздает атмосферу тульских бурсацких учебных заведений, в которых учился и будущий писатель,— он пишет о полуголодных ребятишках, которых в духовном училище «почти ничему не учили, а только драли за неуспеваемость и за детские шалости», о рождественских каникулах и поездках домой, когда «мать встречала нас всегда со слезами», так как мы приезжали со знаками телесного наказания и коросты», о взяточничестве учителей, о «тайных и явных пороках» семинаристов. Но воспоминания эти являются и своего рода жизненным комментарием к автобиографическому рассказу Н. В. Успенского «Декалов» (1862—1863) с его героем, дьячковским сыном, которого родители отправляют в «губернский город Т.» для поступления в духовную семинарию. Удручающая семинарская обстановка противопоставляется в этом рассказе «вольной» жизни деревенских ребятишек с ночным, утренними трелями жаворонков, полевыми цветами.

Бывает и так, что мемуары имеют отношение к художественному произведению, хотя это произведение в них не упоминается, к тому же мемуары могут быть отделены от художественного произведения, с ними сопоставимого, значительным отрезком времени.

В Туле, в фондах Областного краеведческого музея, хранится рукопись воспоминаний этнографа Д. Успенского. В 1897 г. он работал в Туле в качестве счетчика на переписи населения. Автор воспоминаний рассказывает о домиках в одно-два оконца с покосившимися крышами, о разломанных заборах и пустырях, дополняющих «печальный внешний вид этих убогих домиков». Автор воспоминаний встретил в этих домишках целые семьи, умиравшие с голода, но наряду с ужасающим материальным положением тульской бедноты он увидел здесь и высокие нравственные качества обитателей этих домишек, их тягу к знаниям, к образованию.

¹ См.: Воспоминания М. Н. Толстой о Тургеневе в пересказе М. А. Стаховича в кн.: И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1969, т. 1, с. 245—249. О взаимоотношениях Тургенева и Толстой см. статью Н. П. Пузина «Тургенев и М. Н. Толстая» (в кн.: Тургеневский сборник. М.— Л., 1966, вып. 2).

² Воспоминания эти записал в феврале 1911 г. его сын Михаил Михайлович, московский художник-декоратор, любезно переславший нам их текст и давший разрешение на опубликование. См.: М и л о н о в Н. Русские писатели и Тульский край. Тула, 1971, с. 133—134.

Он рассказывает о слесаре, который «самоучкой выучился грамоте», о гармонщике, тратящем «значительную часть своего заработка на книги и проводящем за чтением все свое свободное время», он замечает, что не встретил «никакой особенной дикости и грубости», о которых ему так много говорили, когда он собирался пойти в рабочие семьи.

Неопубликованные мемуары Д. Успенского интересны по связи с книгой Г. И. Успенского «Нравы Растеряевой улицы»: ведь «растеряевщина» долго жила со времени появления «Нравов...» и «Разоренья», не одно десятилетие бытовали пьяные субботы и похмельные понедельники, кулачные бои, голубиные и прочие «охоты», не одно десятилетие встречалась на улицах Тулы, как и других промышленных городов, «растрепанная, ободранная и тощая фигура рабочего человека, с свалывшеюся войлоком бородой, в картузе, прострелянном и пулями и дробью во время пробы ружья, с какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказать, что «жизнь — копейка»¹. Об этом мы читаем в воспоминаниях А. Фролова, в его книге «Пробуждение», в воспоминаниях С. Басова-Верхоянцева², в воспоминаниях советского конструктора В. А. Дегтярева³. Мемуары Д. Успенского лишней раз подтверждают и глубокую правоту автора «Нравов Растеряевой улицы», первым сумевшим увидеть подлинно человеческие черты в «растеряевце»-труженике, столь неприглядном с внешней стороны.

Мемуары могут воскресить малоизвестный эпизод из жизни писателя. Так, воспоминания тульского краеведа Н. Андреева, опубликованные в журнале «Москвитянин» (1843, ч. I, № 2), касаются пребывания В. А. Жуковского в Туле во время его обучения в Главном народном училище. Принято считать, что Жуковский жил в это время в доме Юшковых, своих родственников, располагавшемся на главной улице города — Киевской (теперь проспект Ленина). Но, видимо, будущий поэт не сразу поселился у Юшковых, а жил до этого, как свидетельствует Андреев, один на квартире, находившейся на углу Беляевой улицы (Кривой Беляевской именовалась теперешняя улица Тимирязева), упиравшейся в площадь рядом с экзерцисгаузом (домом для обучения солдат). Во время пребывания в Туле в июле 1837 г. Жуковский зашел к хозяйке дома на улице Беляевой, стоявшего на том месте, где некогда был теперь уже сломанный дом, в котором он жил в ученические годы. Андреев приводит рассказ хозяйки, встретившей Жуковского. «Это было в пятом часу утра, — говорит она. — Солнышко только что взошло, я... поспешила выйти к тому, кто меня спрашивал... Когда он заговорил со мной ласково, приветливо, даже извинялся, что потревожил меня, старуху, не вовремя,

¹ Успенский Г. И. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1955, т. 1, с. 6.

² «Последнее двадцатилетие прошлого века застает тульских рабочих в горькой доле. Неизбывная нужда, беспросветная темень, изнурительный труд... В ту пору только и доставалось туляку утечи: ходить в кабак, голубей гонять, на кулачках биться» (ЦГАЛИ, ф. 1365, д. 81, л. 5).

³ См.: Дегтярев В. Моя жизнь. М., 1951, с. 28.

то конфуз мой как рукой сняло. Тут уж я осмотрела его без страха. Лицо у него доброе. Он расспрашивал меня о прежних хозяевах домика, которых давно нет. Я отвечала ему, что знала; он пожелал видеть наш садик, — я повела его туда. ...Вот тут он сидел, а там в аллее прохаживался...»¹.

Время не пощадило домов, связанных с именем Жуковского в Туле. Непросто установить сейчас точные места, где они находились. Тем ценнее факты, сообщаемые мемуаристом, помогающие установить неизвестный до сих пор Тульский адрес Жуковского. Обрисовываются здесь и такие черты личности Жуковского, как его внимание к простым людям, неизменно доброжелательное отношение к ним.

В воспоминаниях Н. Я. Стечкина, брата Тульской писательницы Л. Я. Стечкиной, повесть которой — «Варенька Ульмина» была подготовлена к печати при помощи И. С. Тургенева, рассказывается о том, как Тургенев в сентябре 1878 г. навестил семью Стечкиных, живших в селе Плутневе Алексинского уезда близ станции Суходол². Без привлечения мемуарной литературы немислимо изучение пребывания в Туле М. Е. Салтыкова-Щедрина, служившего в 1866—1867 годах управляющим казенной палатой. Воспоминания сослуживца сатирика, старшего делопроизводителя палаты И. М. Мерцалова, ценны в фактическом отношении, в них ярко обрисована кипучая, неиссякаемая энергия Салтыкова, его незаурядные качества. Выразительно показан конфликт Салтыкова и тульского губернатора М. Р. Шидловского, темпераментный характер сатирика, его вспыльчивость и отходчивость, его вызывающее поведение по отношению к незыблемым в чиновничьих учреждениях авторитетам. Тульских чиновников поразила, к примеру, дерзость Салтыкова по отношению к зеркалу — эмблеме «законности» в царской России. Он назвал зеркало «вороньим пугалом» и приказал вынести его из своего кабинета³.

Вместе с тем в авторе этих воспоминаний чувствуется чиновник, проникнутый духом своей среды и неспособный подняться выше ее уровня. Он с искренним доброжелательством относился к Салтыкову, но доброжелательство это выражалось в формах весьма своеобразных. Он сожалеет, что «дурной характер» мешает сделать Салтыкову блестящую чиновничью карьеру, хотя для такой карьеры у него, по мнению мемуариста, есть все необходимые данные. Для автора мемуаров остается скрытым истинный смысл конфликта Салтыкова с Шидловским, его социальная основа, в этом конфликте мемуарист видит прежде всего проявления неуживчивого характера строптивного управляющего казенной палатой.

¹ Андреев Н. Прогулка по Туле и путешествие по ее окрестностям. — Москвитянин, 1843, ч. 1, № 2, с. 601—602.

² См.: Стечкин Н. Я. Из воспоминаний об И. С. Тургеневе. СПб., 1903.

³ См.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1957, с. 479—480.

Из других воспоминаний о службе Салтыкова в Туле упомянем воспоминания Н. И. Лаппо¹, лаконичные, но объективные и точные с фактической стороны, а также мемуары Е. И. Жуковской, М. И. Семевского (в книге «М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников», 1957 г.).

Источником многих сведений о пребывании Ф. М. Достоевского в селе Даровом (Каширского уезда Тульской губернии, сейчас Московская область), помимо других документов (воспоминаний самого писателя, переписки его родителей, народных рассказов), служат воспоминания брата писателя Андрея Михайловича, а также жены писателя Анны Григорьевны, рассказавшей о последнем посещении Достоевским Дарового летом 1877 г.² О пребывании А. П. Чехова в г. Алексине и Богимове весной и летом 1891 г. пишут в своих воспоминаниях брат писателя Михаил Павлович, служивший в 90-е годы податным инспектором в городах Ефремове и Алексине Тульской губернии, и его сестра Мария Павловна³.

Мемуарные свидетельства приобретают особую ценность в тех случаях, когда биография писателя мало изучена. В письмах к автору этих строк бывшая одоевская учительница В. П. Кузнецова, хорошо знавшая советского писателя П. С. Романова и его близких, рассказала о его активной деятельности в первые годы Советской власти по развертыванию культурного строительства в Одоевском уезде. Внешкольный подотдел, которым он заведовал в то время, проводил самую разнообразную культурно-просветительную работу: ликвидация неграмотности, библиотеки, театры, кружки, лекции для населения и т. д. Писатель был способным организатором, его участие и личная инициатива сказывались в активной деятельности кружков, в хорошей работе одоевского театра, труппа которого состояла преимущественно из любителей, в устройстве концертов. Он принимал деятельное участие в учительских уездных конференциях, на которых шла речь не только о работе школ, но и о самых различных участках внешкольной работы. Мемуары современницы содержат в данном случае ценный материал относительно общественной деятельности писателя в его родном Тульском крае.

Примечательными фактами культурной жизни Тулы советского времени были приезды известных писателей. И в этом случае воспоминания современников имеют большое значение, особенно тогда, когда они являются едва ли не единственным источником сведений об этом событии. Так, лишь из мемуаров узнаем мы сегодня о приезде в Тулу Сергея Есенина в ноябре 1918 г. Об этом идет речь в воспоминаниях А. Мариенгофа; вместе с поэтом

¹ Включены в статью Н. Дризена «М. Е. Салтыков-Щедрин в Рязани» (Исторический вестник, 1900, № 2, с. 614—616).

² См.: Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 313—314.

³ См.: Чехов М. П. Антон Чехов на каникулах.— В кн.: А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1960, с. 94—97; Чехов М. П. Из далекого прошлого. М., 1960, с. 101—108.

С. Клычковым они «гостили изрядное время» у общего их приятеля Л. О. Повицкого, жившего тогда в Туле у брата на пивоваренном заводе, «часто потом вспоминали они об этом гощене, и всегда радостно»¹. Довольно подробно рассказывает о пребывании Есенина в Туле Л. Повицкий².

Встречавшийся тогда в Туле с Есениным журналист Н. М. Добротор вспоминал, как он увидел Есенина и Клычкова, пришедших в редакцию местной газеты «Коммунар»: «Есенин принес на отзыв только что вышедший сборник стихов «Преображение», а Клычков передал редакции свой сборник «Дубравна». (...) Есенин выглядел очень молодо. Он был немного ниже среднего роста. В беспорядке раскинутые русые волосы, голубые глаза. (...) Есенин восторженно отозвался о тульском парке.

...— Полюбил я ваш парк,— сказал он.

А потом добавил:

— Я каждый день с наслаждением гуляю по его аллеям. это самое лучшее, что есть в Туле...»³.

Видимо, под влиянием мемуарных свидетельств М. Лисянский написал стихотворение «Есенин в Туле»:

В город Тулу Есенин, бывало,
Приезжал на денек-другой,
Приезжал — и прямо с вокзала
Шел обычно в парк городской.

Дерево любое — невеста,
Выбирай, люби и храни!..
В Туле самое светлое место —
Парк старинный и в наши дни.

В фактическом отношении воспоминания Добротора не во всем точны и нуждаются в тщательной проверке. Ошибочно утверждение мемуариста, будто Есенин приезжал к своему дяде, который якобы был управляющим на пивоваренном заводе Калининская. По свидетельству архивных документов, техническим руководителем завода был Б. О. Повицкий, брат Л. О. Повицкого, и именно к Повицким, а не к мифическому «дяде» приезжал в Тулу Есенин⁴.

Тульский литератор М. П. Кольчугин оставил интересные воспоминания о приездах в Тулу В. В. Маяковского и А. С. Серафимовича⁵.

¹ Мариенгоф А. Воспоминания о Есенине.— В кн.: Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1975, с. 250.

² См.: Повицкий Л. Из воспоминаний о Есенине.— Нева, 1969, № 5.

³ Добротор Н. Страничка из истории тульской революционной печати.— Литературная Тула. Тула, 1957, кн. 13, с. 303—304.

⁴ См. об этом: Тебиев Б. «Тульские недели» Есенина.— Коммунар, 1975, 4 сент.

⁵ См.: Кольчугин М. Красивая Меча. Тула, 1959, с. 201—202. О выступлении Маяковского в Туле рассказывает и местный литератор А. Ватажин в статье «Маяковский на трибуне» (Молодой коммунар, 1951, 14 апреля). См. также: Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу. М., 1963, с. 52—53; Кольчугин М. Незабываемые встречи с автором «Железного потока».— Коммунар, 1963, 20 янв.

Особое значение имеют воспоминания самих писателей. В них могут быть отдельные неточности, субъективная оценка тех или иных событий, но в них всегда отражается незаурядная личность их авторов, они написаны художниками, и подчас одна яркая деталь значит в них больше, чем обширные описания «сторонних» мемуаристов. Иные из писательских мемуаров имеют самостоятельную художественную ценность, сами по себе являются произведениями искусства. К. И. Чуковский так передает свои впечатления от выступления Горького на вечере памяти Л. Андреева в 1919 г.: «Я тогда же ощутил, что по психологическому рисунку, по мастерству характеристики, по задушевной тональности эти воспоминания — одна из самых высоких вершин мемуарного искусства»¹. Такой вершиной являются и воспоминания Горького о Л. Н. Толстом.

Мастером мемуарных жанров был В. В. Вересаев. В книге «Воспоминания» (1927—1929), состоящей из двух частей: «В юные годы» и «В студенческие годы», он увлекательно повествует о своем детстве, родителях, семейном окружении, о людях, близких ему в детстве и юности, о гимназических товарищах и учителях. В последующее время писатель подчеркивал автобиографический характер этой книги, в частности раздела «В юные годы», имеющего наибольшее отношение к Туле, достоверность приводимых там сведений². Вересаевские «Воспоминания» — светлая, правдивая, проникнутая гуманизмом книга писателя-гражданина. С большим мастерством раскрывается в ней процесс формирования мировоззрения демократически настроенного юноши, сложного развития человеческого характера.

В рабочих кварталах родного города Вересаев видел истощенных мастеровых «с зеленоватыми лицами», казалось сошедшими со страниц «Нравов Растеряевой улицы» Глеба Успенского. В студенческие годы Вересаев зачитывался книгами своего земляка. Творчество Г. Успенского, писателя, по словам Вересаева, «великого горения и искренности», было дорого ему, как и всем лучшим людям его поколения, тем, что оно «возбуждало сознание вины перед народом».

К 29 марта 1903 г. относится письмо Вересаева к В. Г. Короленко, собиравшему материалы о недавно умершем Г. Успенском. Вересаев, живший тогда в Туле, принял активное участие в этих разысканиях. «Некоторые лица сообщили мне, — писал Вересаев, — что знают людей, помнящих отца Успенского и самого Успенского в молодости. Я просил этих лиц расспросить своих знакомых поподробнее, что именно они знают об Успенском, сообщить мне фамилии и адреса этих знакомых и т. д.»³. Примечательно это собрание воспоминаний о большом русском писателе на месте его рождения. Вересаев выступает в данном случае как литературный краевед, придающий большое значение устной мемуаристике, которая, не будучи записанной, легко может кануть в небытие. Судьба сведений о Г. Успенском, собранных Вересаевым, к сожалению, неизвестна.

Рано узнал и полюбил Вересаев создания другого своего земляка — Л. Н. Толстого. О нем Вересаев написал оригинальное литературоведческое исследование «Да здравствует весь мир!» (1910 г., вошло в книгу «Живая жизнь»). 15 августа 1903 г. он посетил Толстого в Ясной Поляне и впоследствии написал свои

¹ Чуковский К. Современники. М., 1962, с. 322.

² См.: Пикниев И. Неизвестные письма В. В. Вересаева. — Коммунар, 1959, 15 марта.

³ Цит. по рукописному автографу, хранящемуся в Отделе рукописей Гос. биб-ки СССР им. В. И. Ленина, ф. 135, д. 21.

воспоминания о Толстом; известны вересаевские воспоминания и о других писателях-современниках¹.

В 20-е годы широко известность среди читателей получило имя П. С. Романова, писателя достаточно сложного и пока еще не до конца изученного. Пантелеймон Романов — уроженец Тульского края, с. Петровского Одоевского уезда. О своем отношении к родному краю писатель рассказал в воспоминаниях, переданных его родственниками после смерти Романова в Тульский краеведческий музей. Писатель рассказывает здесь о своем детстве, прошедшем в основном на хуторе в Белевском уезде, о годах учения в Белевском ремесленном училище им. В. А. Жуковского и в прогимназии. По словам писателя, Белев играл большую роль в его жизни. «Позднее, когда я уже учился в Тульской гимназии, я часто жил летом у сестры и все дни проводил в библиотеке им. Жуковского. (...) Дорожка на берегу Оки от старого водопровода до железнодорожного моста служила мне для прогулок. Там я обдумывал прочитанные книги и записывал приходившие в голову мысли о жизни и творчестве. Там же зародилась и «Русь».

В Белеве были написаны впоследствии первые главы романа «Русь», некоторые повести и рассказы («Суд», «Отец Федор», «Осень»). Писатель бывал в селах Сныхове Белевского уезда, где жила другая его сестра, Яхонтове Одоевского уезда, именице его тетки Е. И. Матвеевой, где жили его старший брат Федор Сергеевич, другие члены его семьи.

Работая с мемуарной литературой, необходимо строго проверять подлинность тех или иных воспоминаний, учитывать личность мемуариста, его общественную позицию, нравственный облик. В советском литературоведении известны, например, резко отрицательные оценки воспоминаний Н. В. Успенского, написанных в пору отхода их автора от близких ему ранее кругов революционной демократии и первоначально опубликованных в низкопробном бульварном журнале «Развлечение» (отдельной книгой под названием «Из прошлого» вышли в 1889 г.)². Бывают, однако, и случаи чрезмерного недоверия, предубежденности по отношению к правдивым и искренним мемуарам. Так случилось с воспоминаниями Н. Ф. Скорикова о Чернышевском, относящимися к последним годам жизни великого революционера-демократа в Астрахани. Вызывали сомнения приводимые Скориковым высказывания Чернышевского о тайных обществах и студенческих волнениях 80-х годов, его отрицательное отношение к «нелегальному образу действий». Но архивные и печатные материалы подтверждают фактическую достоверность этих высказываний. «Воспоминания Н. Ф. Скорикова, подвергнутые анализу и документально-исторической проверке, — пишет исследователь, — расширяют наши представления о Чернышевском в последние годы его жизненного пути»³. «Анализ и документально-историческая проверка» другими возможными источниками совершенно обязательны при обращении к мемуарным свидетельствам. В этом отношении весьма убедителен пример с воспоминаниями о казанском периоде жизни А. М. Горького,

¹ О. В. В. Вересаеве как мемуаристе см. в кн.: Бушканец Е. Г. Мемуарные источники, с. 60, 77—78.

² См.: Чуковский К. Николай Успенский. Его жизнь и творчество. — В кн.: Н. В. Успенский. Соч. М.—Л., 1933, т. I; Бушканец Е. Г. Мемуарные источники, с. 11—17.

³ Травушкин Н. С. Новые данные к воспоминаниям Скорикова о Н. Г. Чернышевском. — В кн.: Литературное краеведение (учебное пособие к спецкурсу). Волгоград, 1975, вып. XI, с. 16.

о связях великого пролетарского писателя с казанской революционной молодежью 80-х годов прошлого столетия,— воспоминаниями, принадлежавшими его казанским друзьям и знакомым. Первым критиком этих мемуарных свидетельств был сам Горький, указавший на многие неточности в них, иногда на прямые фактические ошибки. Но и «поправки Горького не всегда точны и последовательны. <...> Горький был вполне прав, когда выступал против «улучшения» его биографии в воспоминаниях Федотовых, Кудрявцева и некоторых других мемуаристов, где молодой он изображался уже в 80-е годы идейно определившимся, сформировавшимся революционером. <...> В то же время попытка Горького нарисовать в письме к Груздеву общую картину нелегальных кружков революционно-настроенной молодежи Казани в 1880-х годах представляется нам неполной и односторонней»¹: Горький счел «преувеличением» указание одного из мемуаристов (П. Кудрявцева) на многочисленность революционных кружков в Казани, однако «в настоящее время достоверно установлено, что в восьмидесятых годах в Казани было действительно множество нелегальных кружков. <...> Думается, что и ироническая характеристика программы чтения в кружках самообразования не вполне оправдана»².

В мемуарах содержатся «ценные материалы о восприятии передовыми читателями творчества любимых писателей»³. Так, П. П. Пекарский в своих студенческих воспоминаниях о Д. И. Мейере пишет об огромной популярности статей Белинского среди казанских студентов; Д. А. Корсаков — об увлечении казанцами в 1850-х годах стихотворениями Некрасова и «Губернскими очерками» Салтыкова-Щедрина; И. Смирнов, учившийся в Казанском университете в 1860—1861 годах,— о влиянии на его поколение статей Чернышевского в «Современнике» и «Искре»; Н. Ф. Флерин, который был студентом Казанского университета в 70-х годах,— о студенческих сходках, посвященных памяти Некрасова.

Трудно переоценить значение для литературного краеведения правдивых, ярких воспоминаний о жизни, быте, культуре того или иного края, особенно малоосвещенных, малоизученных периодов его истории. «Драгоценнейшими записками», «хорошей картиной прошлого века» называл Л. Толстой книгу «Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков».

Мемуары А. Т. Болотова (1738—1833), крупного ученого, одного из основоположников русской агрономии и незаурядного писателя, охватывают почти целиком две последние трети XVIII в., причем автор, как он говорит в предисловии, «старался... не пропускать ни единого происшествия, до которого достигала только моя память, и не смотрел, хотя бы иные были из них и самые маловажные»⁴. Русско-турецкая, русско-шведская войны, так называемая «семилетняя война» и

¹ Бушканец Е. Г. Мемуарные источники, с. 75.

² Там же, с. 74—75.

³ Бушканец Е. Г. Казань в жизни и творчестве русских писателей XIX в.— В кн.: Казань в истории русской литературы. Казань, 1965, сб. 1, с. 13.

⁴ Жизнь и приключения Андрея Болотова... М.— Л., 1931, т. 1, с. 6.

другие походы русской армии, военные лагеря, служба при дворе, напряженное самообразование, занятия сельским хозяйством, быт и нравы русского дворянства в городах и усадьбах, целая галерея современников автора книги, описание казни Пугачева, свидетелем которой он был. В эту широкую картину входит тема Тульского края (Болотов родился и жил в селе Дворянинове Алексинского уезда Тульской губернии): впечатления от жизни в Дворянинове, служба в качестве управляющего Богородицкой дворцовой волостью, создание великолепного богородицкого парка, описание маскарада и открытия театра в Туле, домашнего любительского театра (первого детского театра в России) и уличного маскарада на масленице в Богородицке... Все это имеет характер документальных свидетельств, изображено живо, простым и красочным языком.

Картины, рисуемые Болотовым, увиденны глазами просвещенного русского дворянина, в иных моментах достаточно классово ограниченного, да и самые картины воссоздают главным образом жизнь социальной верхушки. Иного типа уникальная «История города Тулы мещанина Абрама Булыгина, о чудных его на свете похождениях, об охотах, веселостях и об работе»¹. Небольшая книга Булыгина приоткрывает завесу над интереснейшим, в XVIII столетии совсем не освещенным миром тульского рабочего люда, мещанством, миром социальных низов. Перед нами запись устного рассказа неграмотного мещанина с сохранением неправильностей речи и особенностей местного произношения, повествующего в форме рифмованного народного сказа о своей нелегкой жизни.

Рано оставшись сиротой, Булыгин выполнял подсобные работы у оружейников, обучался оттирать, точить, полировать холодное оружие, шить кожаные ножны для штыков, тесаков, сабель. Уклоняясь от рекрутского набора, он добровольно закабалил себя на казенном Тульском заводе. Булыгин пристрастился к музыке, пляскам, устройству праздничных иллюминаций и фейерверков, театральным представлениям, певчим птицам и голубям, кулачным боям, организовал целую самостоятельную артель из двадцати молодых оружейников, исполнителей на скрипке, балалайке, дудочке, литаврах, тарелках, ложках, трещотках, из хора песенников и плясунов. «Знался с людьми чудными и опытными: с сапожниками, с вершечниками, с ямщиками и со старинными денщиками. С оружейниками, с русскими, с прусскими, с шведскими и немецкими, со азиатскими и со многими людьми. И со всех сторон везли и несли мне новые песни, и я принимал за новые вести».

Он говорит о своем увлечении кулачными боями («в кулачных боях великим полководцем бывал, пятьюстами двух тысяч побивал»); голубьями («я нынче труд прилагаю, больше к голубиной чистой охоте припадаю. Тульских, ярославских, московских по три раза на каждый день гоняю, а только ненастное время пропускаю»; о ловле певчих птиц («Не та охота чижиная, что в клетках держат. А та охота чижиная, чтобы в сентябре месяце в леса ходить и чижей ловить. ...И станут они лететь на полуденную сторону... А там прожить не можно в тех местах от стыди, где они детей водили. А мы в это время из города Тулы в эти леса в полночь ходили, а день их ловили»); о поездках в Москву и Петербург².

Он сокрушается по поводу своей безграмотности: «При отце и матери в младенчестве обучен был грамоте, а затем с ученой грамотой навек простился. Пятьдесят лет в руки ученую грамоту не брал, да забвенью предал. И ныне писать не умею, а читать довольно не разумею». Кажется, слышишь бесхитростный голос человека далекой эпохи, ощущаешь своеобразную натуру самоучки-поэта, предстает перед тобой окрашенный в неповторимый тульский колорит быт мещанско-заводской среды едва ли не двухсотлетней давности. «История» Абрама Булыгина примечательна и как одна из первых тульских книг: видимо, она печаталась в первой тульской типографии, основанной в апреле 1798 г.

¹ Единственный экземпляр этой книги, не имеющей выходных данных и отпечатанной на бумаге с водяным знаком «1797», хранится в библиотеке Государственного Эрмитажа в Ленинграде. См. об этой книге: Вольценбург О. Э. Жизнеописание мещанина-оружейника XVIII в.— Труды Гос. Эрмитажа. Л., 1959, т. 3.

² Пристрастие тульских оружейников к удалству, кулачным боям, различным «охотам», их музыкальная и поэтическая одаренность подтверждаются и А. Глаголевым в его статье «Тула (Из памятных записок 1823 и 1826 года)». (Журнал министерства внутренних дел, 1835. № 1.)

Своеобразным источником литературного краеведения являются, наряду с письменными мемуарами, устные воспоминания старожилов о том или ином писателе, о его близких, прототипах его героев, о жизненных случаях, положенных в основу его произведений. Бытуя в самых различных областях страны, они представляют собой явление фольклорной несказочной прозы, весьма сложное по своим жанровым разновидностям, изученным еще далеко не достаточно¹.

Многие из них можно отнести к числу сказов, т. е. «обычных рассказов из жизни, воспоминаний, рассказов о необычайных встречах или необычайных событиях. (...) Это — рассказы очевидцев, т. е. рассказы о том, что действительно было»². Таковы, например, многие рассказы о Л. Н. Толстом, опубликованные в книге «Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом» (Тула, 1960), в которых содержится масса деталей жизни и быта яснополянских крестьян, бытового уклада яснополянского дома Толстых, указания на некоторые реалии, отразившиеся в толстовском творчестве (покос на Калиновом лугу, изображенный в романе «Анна Каренина», жизненная основа ряда сцен «Воскресения» и т. д.), сведения относительно общественной деятельности Толстого, некоторые новые факты и подробности его жизни (помощь крестьянам села Ясенки, подробности приезда Толстого в Ясную Поляну с Кавказа, о его педагогической деятельности). «Воспоминания яснополянских крестьян,— писал в этой книге В. А. Жданов,— по своим достоинствам поднимаются до уровня первоисточника, дающего новые сведения о Толстом»³.

Подобного же типа и воспоминания яснополянских крестьян, помещенные в «Яснополянском сборнике» 1962 г., в которых идет речь о встречах крестьян с Толстым при самых различных обстоятельствах, о новогодней елке во флигеле Кузминских, катании на коньках по большому пруду, представлении «Петрушки» и хоровах у «дерева бедных», о добром отношении писателя к своим бывшим ученикам, помощи бедным крестьянам, распорядке его дня и т. д.

Аналогичны воспоминания крестьян об И. С. Тургеневе, хранящиеся в архиве музея Тургенева в Орле и в других хранилищах страны⁴. Здесь говорится о доброте и гуманности писателя, проявлявшихся в многочисленных фактах материальной помощи крестьянам, выдачи им «вольных», уважении их человеческого достоинства. Весьма примечательны сведения о жизненной основе и прототипах рассказов из «Записок охотника». Из поколения в поколение передавалась молва о том, что «почти все лица, упоминаемые в «Записках», не выдуманные, а списанные с живых лю-

¹ См. об этом в кн.: Русское народное поэтическое творчество. М., 1978, с. 178.

² Пропп В. Жанровый состав русского фольклора.— Русская литература, 1964, № 2, с. 61.

³ Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом. Тула, 1960, с. 27.

⁴ Обзор их сделан в статье В. А. Громова «Из воспоминаний крестьян о Тургеневе» (в кн.: Тургеневский сборник. М.— Л., 1966, вып. 2).

дей, даже имена их настоящие: был Ермолай и даже его Валетка, ...был Бирюк, которого в лесу убили свои же крестьяне, был Яшка-турчонок — сын пленной турчанки. (...)Бежин луг, Парахинские кусты, Варнавицы, Кобылий верх и т. д. — все эти места имели те же названия...»¹.

Журналистом Ф. В. Смирновым в конце прошлого столетия были записаны воспоминания крестьян о Н. А. Некрасове в некрасовских местах на Волге. В них отмечены памятьливость великого поэта (всех своих знакомых крестьян хорошо знал по именам), его щедрость по отношению к крестьянам, помогавшим ему на охоте, его любознательность («Очень он любопытен! Всех обо всем расспросит и запишет в книжку»)².

Крестьяне села Дарового, где жил в детские годы Ф. М. Достоевский, с большой симпатией вспоминали о близких писателя, его матери, сестре Вере Михайловне, племяннице Марии Александровне Ивановой, которая жила в Даровом уже в советское время³. Крестьяне села Кобылинки Плавского района Тульской области, где находилось имение драматурга А. В. Сухова-Кобылина, воссоздают в своих рассказах образ автора «Свадьбы Кречинского» в основном с большой достоверностью. Сухово-Кобылин в них — властный помещик, в котором сочетаются черты прижимистого хозяина, увлекающегося различными нововведениями и направляющего свое хозяйство по капиталистическому пути, и человека, не чуждого патриархальных привычек в обращении с крестьянами («В день Александра Невского все крестьяне собирались к дому. Устраивалось большое угощение, выкатывалась бочка вина, расставлялись столы с закусками»). Подмечены широкая образованность писателя, его начитанность («Очень грамотный был, знал языки») и любовь к физическому труду («Летом в белой рубахе, с топором по лесам. Работал по столярному делу. Трудовик был. С утра, бывало, с топором»), к лесам («Лес любил, строго наказывал, если кто чего ломает или испортит. Сажал лес, воспитывал. Для прислуги — хворост, для завода — покупные дрова, а свои леса берег»)⁴.

Достоверны воспоминания старожилов Липецкой области об И. А. Бунине, хотя личность писателя раскрывается в них с несколько неожиданной стороны, «отвлеченно-книжное и часто одностороннее представление о Бунине как о человеке, запутавшемся в своих аристократических предрассудках, ...обогащается живыми характеристиками писателя народом»⁵. Живя у своей тетки С. Н. Пушешниковой в деревне, Бунин охотно навещал деревенские избы, в них у него были добрые знакомые вроде столетнего деда Таганка или его многодетного сына, ласкал крестьянских

¹ Тургеневский сборник. М.—Л., 1966, вып. 2, с. 298—299.

² Живое слово о Н. А. Некрасове.— Вопросы литературы, 1981, № 4, с. 317.

³ См.: Не чаева В. С. В семье и усадьбе Достоевских. М., 1939.

⁴ См.: Милонов Н. А. Драматургия А. В. Сухова-Кобылина, с. 107—112.

⁵ Краснова С. В. Из опыта литературного краеведения в старших классах средней школы.— В кн.: Литературное краеведение. Воронеж, 1968, с. 8.

детей, охотно играл с ними, слушал колыбельные песни, «интересовался народным творчеством, неустанно собирал пословицы, причитания, старинные песни»¹.

В 1934 и 1935 годах А. М. Горький совершил свое последнее путешествие по Волге и Каме. Биографам Горького не были известны подробности этого путешествия и даже точный его маршрут. Преподавательница Горьковского пединститута В. Н. Блохина разыскала старожилов-речников, очевидцев и участников этой поездки, записала их воспоминания, в которых открылись интереснейшие подробности, касающиеся личности Горького².

Воспоминания старожилов оказались источником многих сведений для С. Лесневского в его поисках материалов о жизни в Подмосковье А. Блока. «В рассказах местных жителей многое повторяется, не все одинаково достоверно,— пишет С. Лесневский,— но одна подробность дополняет другую. Вырисовывается картина, которая, может быть, облегчит поиски. Кто знает, что откроется в этих поисках... Часто эти рассказы не о поэте — о жизни, его обступавшей, тревожившей, мучившей...»³. Николай Федотович Седов, с которым беседовал Лесневский, не видел Блока, он просто рассказал литературоведу о жизни своей семьи. Однако рассказ этот весьма интересен: ведь отец рассказчика, Федот Седов, был тем крестьянином-бедняком, которого хорошо знал Блок, писал о нем, по всей вероятности, в рассказе «Ни сон, ни явь»: «У Федота в избе потолок совсем провалился, а Федот его не чинит». О Федоте Седове, жившем в Шахматове, идет речь и в дневниковой записи Блока от 6 января 1919 г., где с суровой прямотой говорится об отношениях барина и мужика. Федот Седов вырастает для Блока в своего рода символ обездоленного, задавленного нуждой народа. Рассказ старожила оказывается комментарием к размышлениям Блока о жгучих вопросах современности, о взаимоотношении народа и привилегированных сословий.

Сказы, с их установкой на достоверность сообщаемых сведений, не исключают и вымысла: вполне реальные факты из жизни яснополянских крестьян в рассказе В. П. Зябрева («Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом», 1960) включают в себя вымышленный эпизод о паломничестве Толстого в Киев. Форма *мемората* (передача рассказчиком собственных воспоминаний) сочетается здесь с формой *фабулата* (сюжетного повествования, допускающего фантастику)⁴. Вымысел господст-

¹ Краснова С. В. Из опыта литературного краеведения в старших классах средней школы.— В кн.: Литературное краеведение. Воронеж, 1968, с. 7.

² См.: Блохина В. Н. А. М. Горький на Волге. Горький, 1961. См. также: Травушкин Н. С. Горький у Каспия (критико-биографический очерк). Астрахань, 1963, с. 127—128.

³ Лесневский С. Завещанное, заветное. М., 1977, с. 120.

⁴ По мнению немецкого ученого К. В. Сидова, фольклорные произведения несказочного характера берутся обычно в формах мемората, фабулата и «слухов и толков», т. е. всевозможных припоминаний, изложенных в форме утверждения. См. об этом: С. W. von Sydow, Kategorien der Prosavolksdichtung. „Volksrundliche Gaben John Meier zum 70. Geburtstag dargebracht“. Berlin und Leipzig, 1934, s. 253—268.

Тарханы. Дуб, посаженный М. Ю. Лермонтовым.

вует в народных преданиях (легендах) о писателях¹. К. Ф. Рылеев в предании, бытовавшем в Острогжском уезде Воронежской губернии, где поэт-декабрист жил в 1817—1819 годах и куда приезжал впоследствии, якобы явился к отцу своей невесты и на отказ выдать за него дочь выхватил пистолет, вынудил согласие на брак. По поводу вынесенного ему смертного приговора говорит царю: «Государь, ветки порубишь, а корни останутся»².

Народная память поэтизирует Рылеева, сближает его образ с одним из самых излюбленных фольклорных образов «избавителя»,

По мнению В. Я. Проппа, термин «легенда» в применении к устным фольклорным рассказам об исторических деятелях и лицах неудачен. «Такие рассказы, — пишет он, — лучше называть преданиями или историческими преданиями» (Пропп В. Жанровый состав русского фольклора, с. 61).

² Удодов В. К. Ф. Рылеев. — В кн.: Очерки литературной жизни Воронежского края. Воронеж, 1970, с. 107.

типичным для народных социально-утопических легенд. Если русская публика, по словам В. Г. Белинского, видела «в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности»¹, то народ тоже видел в великих писателях «защитников и спасителей», воплощение нравственного идеала, хотя это представление наполнялось у него особым, специфическим смыслом, преломляясь через призму крестьянского сознания².

«Избавителем», заступником за народ в народных преданиях выступают Пушкин³, Лермонтов. По рассказам, бытующим в Пензенском крае, Лермонтов «крестьян жалел. И его крестьяне любили. Помер когда, жалели. Обиды от него никому не было»⁴. Управлял три дня имением. «А народ услышал, и к нему с нуждой. Он никого так не отпускал: кому лошадь, кому корову. Бабушка испугалась, что он все раздаст, и говорит: «Ну, хватит, Миша, поуправлял и достаточно, давай сама буду управлять, а то ни с чем останешься»⁵. «Бабушке-то все наказывал, чтобы землю мужикам отдала. А глядь, бабушка-то не послушалась, и все пошло по потомству»⁶. «Сейчас вот вспоминаем его и слез удержать не можем, уж больно душевный человек был; а тогда-то, поди, и вовсе народ наш души в нем не чаял»⁷. «Когда он уезжал обратно на Кавказ, сказал бабушке: «Жив я буду или нет, все равно отдай землю крестьянам». Хоть и сурова была Арсеньева с крестьянами, но, когда пришло с Кавказа известие, что Михаил Юрьевич убит, она говорила: «Мишенька приказал отпустить мужиков на волю. Надо исполнить его желание». Но ее от этого отговорили злые люди, которые были близки к ней»⁸. В рассказах кропотовских крестьян Лермонтов — человек необыкновенный, гонимый судьбой, друг и защитник крепостных людей. Последнее обстоятельство подтверждается, впрочем, и реальными фактами: имеются сведения, что Лермонтов освободил некоторых кропотовских крестьян от крепостной зависимости⁹.

С образом «избавителя» сближается в народном представлении и Л. Н. Толстой. Именно таким предстает он в народных преданиях, бытовавших и бытующих в Тульском крае. В 30-е годы некоторые из них записал уроженец Тульского края, поэт-революционер С. А. Басов-Верхоянцев, включивший их в свои воспоминания, которые хранятся в Центральном государственном архиве литературы и искусства.

¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. X, с. 217—218.

² См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков. М., 1967, с. 24—33.

³ См.: Мейлах Б. С. Талисман, с. 176—177, 217—218.

⁴ Вырыпаев П. Кругом родные все места. Пенза, 1963, с. 93.

⁵ Там же.

⁶ Там же, с. 94.

⁷ Там же, с. 95.

⁸ Там же, с. 97.

⁹ См.: Вырыпаев П. Лермонтов и крестьяне (по материалам архивов Пензенской области). — В кн.: Литературное наследство. М., 1952, т. 58.

«Замечательно, — пишет Басов-Верхоянцев, — в тех самых слоях, для которых диктовал гр. Толстой свои древние как рабство заповеди о смирении и непротивлении, проповедь его нередко принимали с поправками, крайне своеобразными». Поэт передает услышанный им разговор садовых сторожей под Каширой, один из которых с чужих слов («у нас народ болтает») говорит о том, что «граф Толстой вовсе и не умирал», вместо него схоронили другого человека, а Толстой жив, скрывается у революционеров от гнева господ, которым не понравилось его учение («чтобы помещики... не противились, отдавали бы свои имения крестьянам»), он будет скрываться до тех пор, пока «полностью народ забунтуется»¹. Мотив ложных похорон Толстого развит в народном рассказе «А умер ли он?», записанном С. Жислиной²: Толстой не умер, а куда-то уехал (на Украину, за границу), вместо него похоронили восковую статую; Толстого в Германии видели солдаты, участники первой мировой войны. «В эпосе об Илье Муромце и Степане Разине народ, не желая примириться со смертью своих заступников, создал версию об их мнимой гибели, — пишет Жислина. — В час, особенно тягостный для народа, Муромец и Разин оживут и придут на помощь ему. Посмертная легенда о Толстом строилась по такому же образцу»³.

В другом предании-фабулате, записанном Басовым-Верхоянцевым, Толстой — «не графского рода. Он сын простого крестьянина, взятый в барский дом на воспитание... и усыновленный. В свое время эти рассказы ходили совсем недалеко от Ясной Поляны, хотя бы в Сергиевске (Плавске)...»⁴. Крестьянским происхождением великого писателя и объясняется защита Толстым народных интересов, то, что он «за мужичков застаивает».

Вместе с И. С. Тургеневым Толстой, по народному преданию, — подлинный «виновник» освобождения крестьян от крепостной зависимости⁵, он хотел «смешать землю крестьянскую и свою и сообща работать вместе с крестьянами»⁶, возмущен презрением к простому народу со стороны служителей церкви⁷, приходит в простой одежде к кому-либо из своих близких, подвергается презрению или невниманию со стороны слуг или других людей, а затем, когда его узнают, учит их быть предупредительными к любому человеку⁸, выбрасывает за окно вагона собачку барыни за то, что та выбросила селедку, которую он ел, возмущившись ее неприятным запахом⁹, заступает за простых людей, когда представи-

¹ ЦГАЛИ (Москва), ф. 1365, оп. 1, д. 86, л. 15—16.

² См.: Ж и с л и н а С. *Добрый свет издалека* (невывымышленные рассказы о Л. Н. Толстом). М., 1978, с. 232—233.

³ Там же, с. 232.

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1365, оп. 1, д. 86, л. 41.

⁵ См.: *Защитники подневольников*. — В кн.: Ж и с л и н а С. *Добрый свет издалека*, с. 27—29.

⁶ Барская земля. — Там же, с. 30.

⁷ Вы любите богатых, Просвирка. — Там же, с. 62—64.

⁸ У сына, Сноха. — Там же, с. 65—68.

⁹ Барыня с собачкой. — Там же, с. 76—77.

тели власти грубо и несправедливо обращаются с ними, и т. д. По словам яснополянской крестьянки В. Е. Болхиной, «Толстой был нам [крестьянам.— Н. М.] как отец родной»¹. Образ Толстого сближается с сюжетами народных легенд: в 1903 г. среди уральских казаков возникает предание о Толстом, будто бы посетившем Беловодье, страну благополучия, обетованную землю, на которой люди спасаются от произвола власть имущих².

Мотив заступничества за бедняков не исчерпывает всего богатства нюансов в народном отношении к Толстому. Яснополянский крестьянин И. С. Матросов, рассказывая об участии Толстого вместе с мужиками на покосе и о том, как, упав с воза, Толстой ушиб ногу, замечает: «А после и он перестал работать. Может, боялся,— еще зашибется? <...> А мы сколько раз падали! Может быть, убивались так же, как и он, но натура все переносила». «Матросов будто бы и не сомневается в серьезности его болезни,— пишет по этому поводу Жислина,— но в то же время нет-нет да и промелькнет недоверие крестьянина к барину. Это у человека, часто видевшего, как он пахал и косил наравне с деревенскими! Что же говорить о тех, кто жил далеко и знал Толстого понаслышке? Его работу в поле они порой считали не обычной, но все же барской прихотью»³. Об ироническом отношении крестьян к толстовскому «опрощению» говорит в своих воспоминаниях Басов-Верхоянцев. В неопубликованных воспоминаниях яснополянских крестьян, записи которых находятся в музее-усадьбе, есть слова Арины Зябревой: «Разве он работал как мужик? <...> Все хотел, чтобы слава о нем далеко пошла».

Однако подобное отношение к великому писателю не определяет основной направленности народных рассказов о Толстом, причем она усиливается в записях последних лет. Вот фрагменты записей, сделанных в июле 1978 г. от крестьян деревень Ясная Поляна и Грумант А. Ф. Свиридовой, А. Ф. Матросовой, А. Н. Деевой студентами филологического факультета Тульского пединститута Н. Грибковой, И. Крапивиной, Л. Комаровой, А. Шадской во время фольклорной практики: «Толстой помогал беднякам... Худого ничего о нем не можем сказать»; «Толстой завещал деревне школу, больницу, свет крестьянам. Потому его и ценят, что у него простота. <...> Лев Толстой, можно сказать прямо, русский, российский мужик. Недаром Ленин говорил, что с ним поставит рядом некого»; «Мать рассказывала. За три года до войны на границе (земли Толстого и государственной) кто-то флаг вывесил: «Царя с державы долой!» Начался розыск: кто это сделать мог. Потом догадались, что это сам Толстой вывесил. Только не допытались, что это он».

¹ Из неопубликованных воспоминаний яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом (относится к 1950-м годам), хранящихся в музее-усадьбе Ясная Поляна.

² См.: Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX веков, с. 270.

³ Ж и с л и н а С. Добрый свет издалика, с. 112—113.

Если народные *сказы* (преимущественно в форме *мемората*) о писателях имеют в первую очередь познавательное значение и в иных случаях сообщаемые в них сведения являются единственным источником наших познаний о тех или иных фактах писательской биографии, то *предания* (преимущественно в форме *фабулата* или «слухов или толков») интересны главным образом выраженным в них народным отношением к личности писателя. Как правило, представление о творчестве, главном деле жизни тех, о ком повествуют народные рассказы, значительно туманнее и неопределеннее: оторванный от благ культуры народ часто лишь понаслышке мог судить о художественных произведениях.

В работе с *народными рассказами* надо всегда помнить, что формы *мемората* и *фабулата*, «слухов и толков» весьма часто причудливо переплетаются, народная фантазия активно вторгается в сообщение точных и достоверных фактов, деформирует, видоизменяет их. «В зависимости от намерений рассказчика, реакции аудитории и ряда других условий, в зависимости от того, какая функция выдвигается рассказчиком при исполнении на первый план, фольклорная проза легко меняет свою жанровую принадлежность»¹. Как несомненный факт во многих рассказах крестьян деревни Кобылинка утверждается тот спорный и до сих пор недоказанный факт, что Сухово-Кобылин был якобы убийцей своей гражданской (невенчаной) жены Луизы Симон-Деманш. Некоторые крестьяне прямо утверждают, что «французенку» убил не Сухово-Кобылин, а ее дворовые. В иных случаях имя Симон-Деманш заменяется другими именами, случай с убийством приобретает самые причудливые очертания, переходит, по сути дела, в область народной фантастики. Отдавая ей должное, как художественному феномену, следует тщательно и строго выверять сообщаемые в народных рассказах сведения, привлекая для этого другие источники, помнить мудрые строки Пушкина, написанные им по поводу сбора материалов о Пугачеве: «Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память исторической критикой. ...Что касается до преданий, то если оные с одной стороны драгоценны и незаменимы, то с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой поверки и осмотрительности»². Отметим, что «История Пугачева» и «Капитанская дочка» пропитаны элементами пугачевского казачьего и крестьянского фольклора, народных рассказов и устных мемуаров...»³. Их изучение может многое дать для понимания пушкинских произведений на пугачевскую тему.

¹ Померанцева Э. В. О русском фольклоре. М., 1977, с. 14.

² Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10-ти т. Л., 1978, т. 8, с. 274—275.

³ Измайлов Н. В. Очерки творчества Пушкина. Л., 1976, с. 298. См. также: Блинова Е. М. Устное народное творчество в произведениях Пушкина о Пугачеве и фольклор Южного Урала.— В кн.: Пушкин А. С. Капитанская дочка. История Пугачева. Челябинск, 1937.

Народные рассказы представляют большой интерес, когда они касаются жизненных фактов, лежащих в основе художественных произведений. Таков ряд рассказов о Толстом, собранных Жислиной: «Род Зябровых» (по отношению к «Утру помещика»), «Аксинья Базыкина» (по отношению к незаконченным рассказам из народной жизни «Идиллия», «Тихон и Маланья»), «Анна Степановна» (по отношению к «Анне Карениной»), «Детоубийца» (по отношению к «Власти тьмы»).

Классическая фольклористика не ставила перед собой задач собирания произведений народного творчества по связи с великими русскими писателями и их творчеством. «Перед современной фольклористикой они встали вплотную, — пишет П. С. Выходцев. — Решение их предполагает значительные изменения в предэкспедиционной подготовке, в методике собирания материалов, в характере их осмысления»¹. Такие произведения собираются экспедициями Института русской литературы (Ленинград) — по пушкинским местам в Горьковской области, Тульским пединститутом — в Ясной Поляне, Белеве и другим литературным местам Тульского края, Елецким пединститутом — на родине М. М. Пришвина, Ставропольским университетом — на Дону, в шолоховских местах, Уральским (Свердловск) университетом — в районах жизни и деятельности П. П. Бажова, Смоленским пединститутом — на родине А. Т. Твардовского.

Народные рассказы о писателях, о жизненных случаях, отраженных в их произведениях, собранные усилиями многих энтузиастов, систематизированы и изучены еще очень слабо, хотя их значение для подготовки учителя-словесника едва ли нуждается в доказательствах. Насущным делом является собирание этого материала в широких масштабах, а также разработка научных рекомендаций, без которых собирательская работа невозможна.

§ 6. ПРОЧИЕ ВИДЫ ИСТОЧНИКОВ

Работу литературного краеведа нельзя представить без широкого привлечения местных изданий (т. е. вышедших в том или ином крае), а также изданий, хранящихся в фондах местных библиотек, архивов, музеев, учебных заведений, в личных собраниях. Интерес к подобному роду изданиям, иные из которых стали библиографической редкостью, в последнее время резко повысился, особенно в связи с деятельностью добровольного общества любителей книги.

Ценнейшими изданиями богата Тульская областная библиотека им. В. И. Ленина. Здесь можно найти «Часослов» — внушительного объема рукопись уставного письма в деревянном переплете, обтянутом тисненой кожей (предположительно XV в.), старопечатное «Евангелие» (XVII в.), «Обед душевный» С. Полоцкого (М., 1681) с предисловием автора, его стихами и проповедями. Всего в библиотеке хранится 13 книг XV—XVII вв., среди которых привлекает внимание рукописная

¹ Выходцев П. С. На новом этапе (актуальные задачи советской фольклористики). — Русская литература, 1980, № 2, с. 32.

иллюстрированная книга с пометой «Село Монастырщино», красочные рисунки которой посвящены теме всеобщей смерти. История этих книг неотделима от истории культурной жизни края, а в ней немало «белых пятен», ждущих пытливых исследователей. Тульская библиотека имеет немало прижизненных изданий произведений А. Д. Кантемира, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, И. А. Крылова, В. А. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, А. И. Герцена, Л. Н. Толстого и многих других писателей. В ней хранится коллекция книг из личной библиотеки К. Ф. Рылеева: тома сочинений Г. Р. Державина и И. Ф. Богдановича, книга о Петре I, сатиры А. П. Сумарокова, «Наказ» Екатерины II. Появление этих книг в Туле связано с историей семьи Рылеевых, с дочерью декабриста Анастасией Кондратьевной, вышедшей замуж за А. И. Пушкина, дальнего родственника И. И. Пущина, декабриста и друга Пушкина. А. И. Пущин — отставной поручик, мелкопоместный дворянин Тульской губернии. В Туле в марте 1878 г. состоялась встреча Анастасии Кондратьевны с Л. Н. Толстым, собиравшим материал о декабристах. Умерла она в мае 1890 г. и была похоронена в деревне Кишкино, в нескольких километрах от Тулы.

Здесь можно найти труд одного из замечательных философов, деятеля русского просвещения второй половины XVIII в. П. С. Батурина «Исследование книги о заблуждениях и истине» (написана в 1788 г., издана в Туле в 1790 г.) Книга Батурина содержит опровержение положений работы Сен-Мартена «О заблуждениях и истине, или Воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знаний» и написана с позиций материализма XVIII в., последних в то время достижений естествознания. Труд Батурина — одна из самых первых книг, появившихся на тульской земле.

В числе редких книг Тульской областной библиотеки — «История государства Российского» Н. М. Карамзина с пометами декабриста С. Н. Бегичева. Тульской публичной библиотеке дарили некогда свои книги с автографами Л. Н. Толстой, А. В. Сухова-Кобылин, Д. В. Григорович, А. И. Левшин².

И в других хранилищах Тулы (областном архиве, краеведческом музее) находятся издания, без которых не обойтись в литературно-краеведческих поисках. Источником ценных сведений служат «Дворянские родословцы» с росписями дворянских родов по той или иной губернии, принадлежавших дворянским семьям имений. Так, по «Родословцу Тульского дворянства» (1909, с. 91) устанавливается факт принадлежности Никите Степановичу Бегичеву, отцу декабриста Степана Никитича, села Дмитровского (Полевые Локотцы), неподалеку от г. Ефремова. Именно в этом селе Бегичева работал А. С. Грибоедов в летние месяцы 1823 г. над третьим и четвертым актами комедии «Горе от ума». По одному из подобных изданий³ можно установить отношение к Тульскому краю семьи Лопухиных, к которой принадлежала В. А. Лопухина, вышедшая замуж за Н. Ф. Бахметева. Эту женщину глубоко и страстно любил М. Ю. Лермонтов, ей посвятив ряд стихотворений и одну из редакций поэмы «Демон». Варвара Александровна до 1831 г. жила в тульском имении. Ее отец, Александр Николаевич, числился запасным по Туле; мать, Екатерина Петровна, владела имением в Епифанском уезде. Епифанским помещиком был и ее брат Алексей Александрович, друг Лермонтова. Когда у него родился сын, поэт послал ему свое стихотворение «Ребенка милого рожденье» (1839). Младшим сыном А. А. Лопухина был Сергей Алексеевич Лопухин, служивший в Туле товарищем губернского прокурора, один из знакомых Л. Н. Толстого в 80-х — первой половине 90-х годов. Дружеские отношения великого писателя с тульской семьей Лопухиных связаны с историей замысла произведения, которое в одной из дневниковых записей Толстого (12 марта 1895 г.) названо «Записки матери». Поистине бесценные сокровища хранятся в местных хранилищах, нередко ими как бы пренебрегают, стремясь порабатывать именно в центральных архивах.

¹ См.: Забашта Н. Книги из библиотеки Рылеева. Редкая находка. — Коммунар, 1963, 21 июля; Тебиев Б. Из книг К. Рылеева. — В мире книг, 1982, № 2; он же, Встречи и находки. М., 1984.

² См.: Петухов А. А. Л. Н. Толстой и Тульская публичная библиотека. — В кн.: Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978.

³ См.: Дворянское сословие Тульской губернии, т. III [XII]. Родословец. Материалы, ч. VI, изд. В. Чернопятов, 1908, с. 347.

В 1903 г. в Туле вышла книга «Род дворян Арсеньевых» (составил В. С. Арсеньев, изд. М. Т. Яблочкова). В ней сообщаются сведения об отношении к Тульскому краю рода Арсеньевых, к которому принадлежала бабушка Лермонтова Елизавета Алексеевна (в замужестве Столыпина). Арсеньевы владели селом Васильевским Елецкого уезда, близ города Ефремова. Здесь до середины 90-х годов XVIII в. Елизавета Алексеевна жила со своим мужем Михаилом Васильевичем (до переезда в с. Тарханы). Елизавета Алексеевна с дочерью Марией Михайловной гостили однажды, уже после смерти Михаила Васильевича, в Васильевском и познакомились с семьей Лермонтовых, жившей неподалеку, в своем имении Кропотове. На Марию Михайловну произвела сильное впечатление встреча с юным офицером, и, по преданию, в Васильевском молодые люди были помолвлены. От брака Юрия Петровича и Марии Михайловны родился в 1814 г. будущий великий поэт.

В другой старой книге — «Трудах Тульской губернской ученой архивной комиссии» (кн. I, 1915) — рассказывается о хлопотах Юрия Петровича по поводу внесения их с сыном в дворянскую родословную книгу Тульской губернии. В начале марта 1829 г. он подает прошение «отставного I-го Кадетского корпуса капитана Юрия Петрова сына Лермонтова» в Тульское дворянское депутатское собрание — «внести в дворянскую родословную Тульской губернии книгу как меня, так и сына моего Михайлу, и на оное внесение выдать грамоту, а сыну надлежащее о дворянстве свидетельство» (с. 83). 10 марта 1829 г. была оформлена грамота от тульского губернского предводителя дворянства и уездных депутатов: Юрий Петрович и его род «внесены в дворянскую родословную Тульской губернии книгу в 6-ю ее часть» (с. 90)¹.

Редкие, по существу забытые старые книги, изданные в том или ином крае, могут оказаться неожиданно полезными при изучении классических произведений русской литературы.

В 1896 г. в Туле вышла небольшая, скромно изданная книжка «Ольгушка с Подъяческой» — «драматический этюд в 3-х действиях» М. Северной. Северная долгие годы жила близ Подъяческой улицы, наблюдала жизнь тульского рабочего люда, мещанской среды. По ее словам (в предисловии к книге), она «была поражена, встречая рядом с грубостью, подчас даже дикостью нравов, примеры самой высокой нравственности». Она хочет «вывести тульского ремесленника на сцену... в симпатичных чертах его ...показать его в частной, семейной жизни, где не исчезли понятия о чести и долге, о святости брака и семейных отношений».

Горничная Ольгушка любит щеголя-обольстителя, приказчика Николая Ивановича. По приказу матери она выходит замуж за нелюбимого человека, сапожника Порфирия. Видя отвращение жены к себе, Порфирий начинает тосковать, часто приходит домой пьяным. Ольгушка, к которой вновь является со своими домогательствами приказчик, «переламывает нрав», заставляет себя полюбить мужа ради семейного благополучия, ради малютки-сына.

Пьеса Северной не блещет художественными достоинствами: ее не украшают сентиментально-мелодраматические ситуации, «надрывные» монологи, авторская заданность в поведении действующих лиц. Тем не менее пьеса интересна по связи с «Нравами Растеряевой улицы» Г. Успенского, в ней есть живые черточки «растеряевского» быта (отметим попутно, что Подъяческая улица расположена в том городском районе, прилегающем к реке Упе, в котором разворачивается действие книги Г. Успенского). Не называя имени Г. Успенского, Северная находится, несомненно, под воздействием его книги, стремится привлечь внимание «к этим кривым улицам и переулкам с маленькими домишками, под окнами которых проходят гнилые канавы, к несчастным этим улицам, просыхающим только летом... к этим жителям Подъяческой: жестянщикам, самоварщикам, сапожникам и т. д., несущим по четвергам и субботам свою работу в большие магазины и целыми часами дожидаящимся снаружи у дверей магазинов того момента, когда хозяин позовет их и принесет работу», отбывающим «точно повинность какую, загул с субботы до половины понедельника» (с. 1). Отметим текстуральные совпадения с «Нравами Растеряевой улицы» (продажа мастеровыми своей продукции лавочнику, пьяные субботы и похмельные понедельники).

¹ Грамота эта вместе с «Гербом рода Лермонтовых» хранится в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) АН СССР (Ленинград).

То же и в рассказе сапожника Летова, отца Порфирия, о своей горькой жизни: «Тебе приятно ботиночку на ногу вздеть, а ты подикось сработай ее... В мастерской тесно, грязь, вонь... Просидишь эдак-то на чурбаске неделю цельную без разгибу, грудь разломит, спина ноет, в глазах круги зеленые; придет суббота, выйдешь за ворота, как шалелый, и не в божий храм тебя потянет, а на угол, в кабак, потому одеревянял человек, озверел в своей мерлуге». Противопоставление «божьего храма» и кабака в рассказе Летова живо напоминает противопоставление рая и кабака в диалоге Балканихи и злополучного извозчика-пьяницы Никиты в «Нравах Растеряевой улицы» (глава «Балканиха»):

Пелагея Петровна начинает издаലെка; она задает ему вопрос: «куда душа человеческая надлежит по-настоящему», полагая про себя, что всякая истинно христианская душа надлежит в рай.

Никита недоумевает.

...— Ну? — спрашивает Балканиха.— Куда же наша душа надлежит по-настоящему?

— Душ-ша наша,— робко и протяжно начинает Никита,— душа наша, ма-тушка Пелагея Петровна, главное норовит по своей пакости как бы, например, согрешить, например, в кабак...

— Глупец! — вскрикивает Балканиха.— Что это ты сказал!

Пелагея Петровна даже вскочила с своей кровати и подступила к Никите, который испуганно подался к двери¹.

Рассуждение Летова («Тебе приятно ботиночку на ногу вздеть, а ты подикось сработай ее...») интонационно и лексически напоминает и другое произведение Успенского — «Наблюдения Михаила Ивановича», включенное в цикл «Разоренье», — монологи его главного героя, тульского рабочего, обличающего царящую повсюду несправедливость: «У мужика совесть, а у купца ее нету, — вот он и загребает его котьями-то. (...) Все они дома строили и животы растили на наш счет, а наш брат получал по скуле...»².

Пьеса Северной — одно из доказательств долговечности «растеряевщины», изображенной Г. Успенским, доказательств в форме художественного изображения (их очень немного!), на аналогичном жизненном материале. Некоторое сходство обоих произведений лишь подчеркивает их глубокое различие. Отвлеченному гуманизму Северной противостоит боевой, демократический по своей сути гуманизм Успенского, видящего причины гнетуще-тяжелого положения труженика-«растеряевца» не в его нравственных качествах, а прежде всего в глубокой порочности общественного устройства, в системе социальных отношений. Отсюда и масштабность художественных обобщений, присущая книге Успенского, вне которых представить жизнь старой Тулы просто невозможно.

В библиотеке Томского университета находится значительная часть библиотеки В. А. Жуковского, купленной в 1879 г. у сына поэта А. М. Сибиряковым и подаренной им в то время только что образованному Сибирскому университету. Библиотека Жуковского по-своему уникальна: помимо обилия записей поэта в составляющих ее книгах, в них содержатся «целые страницы неизвестных ранее переводов, планов, набросков, конспектов. (...) Все это дает основание считать библиотеку Жуковского не просто дополнительным материалом для изучения его мировоззрения и творчества, но и фактической основой для такого изучения»³. В Доме-музее И. С. Никитина в Воронеже хранится личная библиотека писателя А. И. Эртеля, здесь можно найти книги с автографами П. В. Засодимского, Г. И. Успенского, И. А. Бунина⁴.

В. Безъязычный рассказал об интересной книге, имеющейся в Калужском областном краеведческом музее — «Разные стихотворения Козьмы Тимошурина» (Калуга, 1848)⁵. Он устанавливает связь между знаменитым образом Козьмы Пруtkова и безвестным поэтом-калужанином. Сходны имена, сходны стили: в

¹ Успенский Г. И. Собр. соч. В 9-ти т. М., 1955, т. 1, с. 150—151.

² Там же, т. 2, с. 13.

³ Библиотека В. А. Жуковского в Томске. Томск, 1978, с. 14—15.

⁴ См. об этом в кн.: Ласунский О. Власть книги (рассказы о книгах и книжниках). М., 1980.

⁵ Безъязычный В. Козьма Прутков и Козьма Тимошурин.— Знамя (Калуга), 1967, 7 сентября.

книге Тимошурина «причудливо смешиваются дурной вкус и канцелярская архаичность», свойственные Козьме Пруткову. А. Толстой и братья Жемчужниковы были, видимо, знакомы с книгой Тимошурина, нашли в ней для своего героя пародийный пример. Напомним, что А. Толстой несколько раз бывал в Калуге, его мать дружила с А. О. Россет, женой калужского губернатора.

Примерами курьезных изданий местных поэтов-графоманов богата едва ли не каждая область. В Тульском крае таким был одоевский купец М. А. Поликарпов, интересовавшийся историей своего города, его достопримечательностями. Увлечение стихотворством при незначительности поэтического дарования, тяга к научным интересам, к искусству выделяли Поликарпова из косной среды одоевского купечества. В 1908 г. в Петербурге вышел сборник его стихотворений, открывавшийся стихотворным «Приветом гр. Л. Н. Толстому». В 1912 г. в белевской типографии был напечатан его «Исторический очерк бывшего Анастасова монастыря», в конце которого помещены стихи «Привет археолога-любителя», ранее опубликованные в «Тульской молве».

В фондах местных библиотек могут храниться «нераскрытые» издания, которые по тем или иным причинам не привлекают внимания и практически в течение длительного времени остаются неизвестными. Так, В. Аристов на полках Научной библиотеки им. Н. Лобачевского (Казань) обнаружил редкое первое издание на территории России «Горя от ума» Грибоедова, вышедшее в 1831 г. на немецком языке в Ревеле (сейчас г. Таллин) без цензурных искажений; первое же издание на русском языке со значительными цензурными искажениями вышло в 1833 г. Цензурное разрешение на издание «Горя от ума» в Ревеле подписал один из первых профессоров-медиков Казанского университета И. Ф. Эрдман, неутомимый путешественник, просветитель и гуманист. «Из Казани Эрдман переехал в Дерптский университет (теперь г. Тарту в Эстонии.— Н. М.). Там-то он, очевидно, и стал цензором. И каким! Разрешить выход в свет комедии Грибоедова, когда московские и петербургские цензоры упорно отвергали любую попытку издать «Горе от ума», мог только смелый человек, человек передовых убеждений¹. Так судьбы книг переплетаются с судьбами людей, заново воскрешают имена тех, кем по праву может гордиться тот или иной край.

Огромную ценность представляет личная библиотека Л. Н. Толстого, хранящаяся в Яснополянском доме-музее. В 25 книжных шкафах и большом ларе содержится около 20 тысяч названий или до 22 тысяч отдельных книг и номеров журналов более чем на 20 языках. Трудно перечислить все то ценное и интересное, что есть в этой библиотеке, начало составления которой положено Н. С. Волконским, дедом великого писателя: издания, которые послужили Толстому материалом во время работы над романом «Война и мир» и других его произведений, большое количество книг по фольклору, книги по педагогике, социально-экономическая литература (в частности, одно из первых в России изданий «Капитала», Маркса), сборник со статьей В. И. Ленина «Против бойкота (из заметок с.-д. публициста)», литература религиозно-нравственного содержания, художественная литература, огромное количество книг с автографами писателей, мыслителей, ученых, русских и зарубежных. Особую ценность придают этим книгам многочисленные пометы Толстого, его надписи, подчеркивания и подчеркивания, нуждающиеся еще в специальном изучении².

¹ Аристов В., Ермолаев Н. Все началось с путеводителя... Казань, 1975, с. 12.

² Об истории этой библиотеки, ее составе и научном значении см. предисловие В. Ф. Булгакова к кн.: Библиотека Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. М., 1958. См. также: Архангельская Т. Н. Книги, история, современники.— В кн.: Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. Тула, 1982.

С именем В. В. Вересаева, его участием в деятельности тульского революционного подполья связана ставшая библиографической редкостью книга Н. Добротвора «Первая рабочая демонстрация в Туле» (изд. Тульского истпарта, 1923) — о первой политической демонстрации тульских рабочих под руководством большевиков, которая состоялась в 1903 г. В этой книге приведен текст прокламации, которая в числе других распространялась тогда по тульским заводам. Она называлась «Овцы и люди», автор ее — Вересаев. Нельзя жить в овечьей покорности царю и его прислужникам, нужно смело выступать на борьбу против насилия и угнетения — таков ее смысл. «...Царское насилие и беззаконие были могучи, пока люди подчинялись ему, как овцы; теперь овечьим чувствам настал конец, поднимаются люди свободы, гордые и смелые. А когда человек почувствует себя человеком, то нет на земле силы, которая могла бы опять обратить его в смиренную и покорную овцу. ...В великой войне с царем, которая идет по всей России, мы не отступим, пока не завоюем себе свободы и не свергнем царя и его полицию и чиновников, и к нам в ряды и под наши знамена мы зовем всех, кто не хочет быть овцой и в ком жива человеческая душа, жива честь и совесть... Итак: Долой самодержавие! Да здравствует Социал-Демократическая Республика!»¹.

С революционными событиями в России в начале XX в. связано немало интересных изданий, находящихся в фондах местных книгохранилищ. Так, в Тульском краеведческом музее имеется одно из изданий поэмы-сказки уроженца Тульского края С. А. Басова-Верхоянцева, «Конек-скакунок» с автографом поэта. Написанное в 1906 г. и во многом напоминающее известную сказку в стихах П. П. Ершова, это произведение стало заметным явлением русской революционной поэзии. Герой «Конька-скакунка» Иван, сын бедняка-крестьянина, участвует в шестни рабочих к царскому дворцу в январе 1905 г., ранен казацкой пикой, брошен в тюрьму. При помощи сказочного конька-скакунка Иван попадает в царский дворец к царю Берендею (под ним подразумевается Николай II), пытается вразумить его, внушить ему мысль о великом значении в жизни государства простых трудовых людей, тех, кто «пашет, жнет, Рубит лес и сталь кует». Царь приказывает схватить Ивана:

Взять его! Связать! Сковать!
Он с рабочими спознался
И от них ума набрался!

Только чудо спасает героя поэмы. Он понимает бесполезность своих уговоров и обращается к «братьям-мужичкам», призывает восстать против царя. Бегством царя Берендея заканчивается произведение.

Сам автор, как говорил он в предисловии к советскому изданию «Конька-скакунка» (1935), видел смысл произведения в том, чтобы «революционно воздействовать на крестьянские массы, поднять их на новое восстание, на поддержку борьбы пролетариата против дворянско-буржуазного строя». К «Коньку-скакунку» прежде всего относится замечание поэта: «Моя область — художественный революционный лубок»². Легкие, звучные стихи поэмы быстро запоминались и распространялись в устной передаче, содействовали пробуждению революционных настроений, особенно среди крестьян. Власти быстро конфисковали первое издание сказки, по их недосмотру (она была принята за безобидное в политическом отношении подражание ершовскому «Коньку-горбунку») вышедшее в свет, однако

¹ Добротвор Н. Первая рабочая демонстрация в Туле. Тула, 1923, с. 22.

² ЦГАЛИ (Москва), ф. 1365, оп. 1, д. 91, л. 1.

подпольно она не раз переиздавалась в России и за границей. Историк литературы Н. Котляревский представил «Конька-скакунка» Российской академии наук на соискание Пушкинской премии, но академия поэму отклонила.

За чтение «Конька-скакунка» царское правительство сажало в тюрьмы, поэма сжигалась на городских площадях. «Люди старшего поколения помнят, какой поистине всенародный успех имела эта сказка,— говорилось в поздравительном адресе Союза советских писателей Басову-Верхоянцеву в связи с его 80-летием.— Она разошлась по стране в тысячах списков, ее читали в деревнях и селах, в казармах, в цехах. Эту сказку разыскивали и уничтожали жандармы и охранники, но она жила. Вы, как революционер-литератор, сделали большое дело, когда нанесли удар по царизму острым, доходчивым сатирическим словом»¹.

Произведение Басова-Верхоянцева привлекло внимание В. И. Ленина, читавшего «Конька-скакунка» за рубежом, во время второй эмиграции. Как свидетельствует В. Д. Бонч-Бруевич, «Владимир Ильич внимательно читал книгу «Конек-скакунок» и высказывался, что необходимо самым широким образом распространить нам ее, т. к. она весьма полезна для крестьян, в легкой занимательной форме дает первое понимание о современном политическом устройстве и очень зло высмеивает царский дом, самодержавное правительство, чиновничество и весь бюрократический строй нашей жизни и таким образом снимает с этих учреждений тот флер, которым они обыкновенно закутываются, стараясь представиться народу в свете совершенно недоступных авторитетов. Владимир Ильич всегда отмечал талант Басова-Верхоянцева и считал, что ему нужно писать и писать»².

«Судьбы книг связаны неразрывно с судьбами народа,— пишет Н. С. Травушкин.— Каждая из них своим существованием так или иначе говорит о путях истории, о диалектике преобразования жизни»³. Исследователь рассказывает об интересной судьбе книги, имеющейся в библиотеке Астраханского пединститута. На ее титульном листе значится: «Г. Гауптман. Сочинения. Т. 2. Ткачи. Извозчик Геншель. Изд. Н. Парамонова. «Донская речь» в Ростове-на-Дону». Издана в 1905 г. Парамоновское издание — пример умелого обхода цензурных трудностей, с которыми были связаны выходы в свет русских переводов гауптмановской драмы «Ткачи». Парамонов объявил о выпуске восьмитомного собрания сочинений Гауптмана, но выпустил — ради «Ткачей» — только этот второй том, причем по дешевой цене. Переводчицей драмы на русский язык, скрывшейся под инициалами «Л. К.» была Людмила Коломийцева, жена известного библиографа Н. А. Рубакина, который помогал ей переводить драму. Старая, ничем на первый взгляд не примечательная книга, о которой идет речь, оказывается связанной с историей русского освободительного движения, с культурной жизнью края.

Исследователи, занимающиеся литературным краеведением, должны хорошо знать памятники истории и культуры своего края, составную часть «областного культурного гнезда», связанную с именами выдающихся деятелей науки, литературы, искусства.

¹ ЦГАЛИ (Москва), ф. 1365, оп. 1, д. 130, л. 1.

² Там же, д. 145, лл. 3—4. См. также: Бонч-Бруевич В. Воспоминания. М., 1968, с. 25. Память о С. А. Басове-Верхоянцеве в Туле увековечена мемориальной доской на здании мужской классической гимназии, где он учился (сейчас учебный корпус № 1 пединститута им. Л. Н. Толстого на ул. Менделеевской).

³ Травушкин Н. С. Книга из институтской библиотеки.— В кн.: Травушкин Н. С. Люди и книги русской революции (краеведческие очерки). Астрахань, 1971, с. 55.

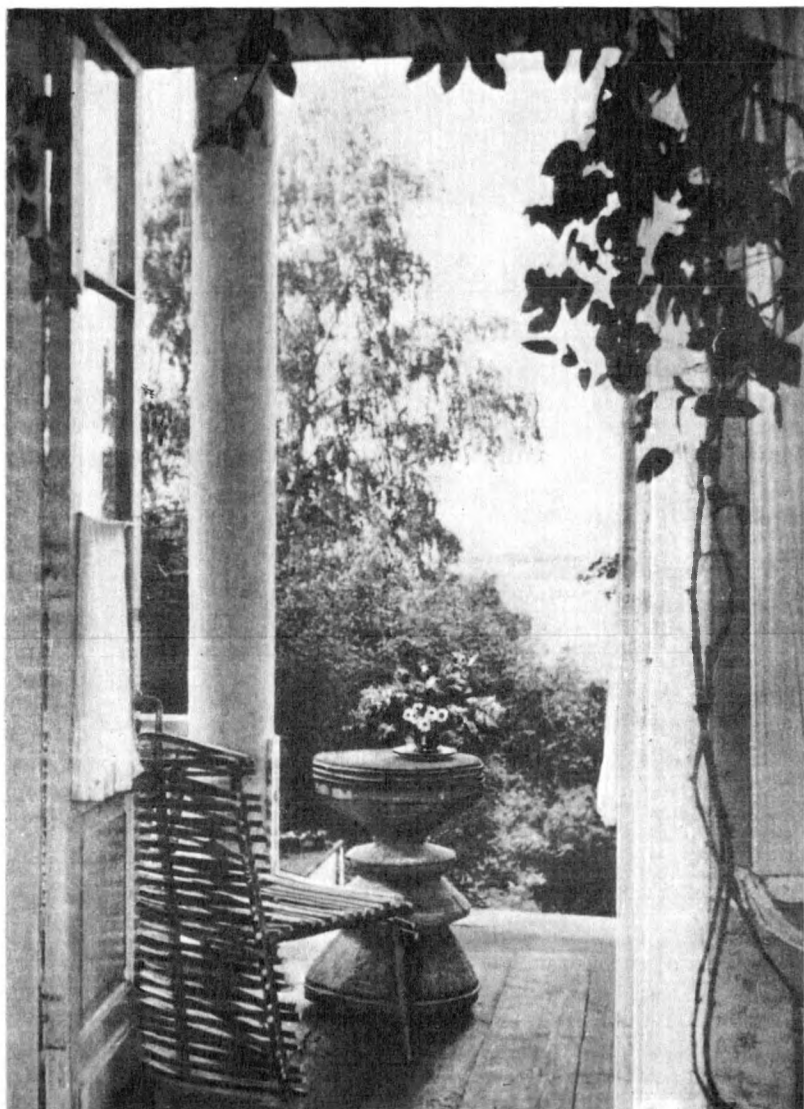
Это те места, где они родились, учились, где протекала их творческая и общественная деятельность»¹. К памятникам истории и культуры относятся литературные музеи, во всех своих разновидностях (мемориальные музеи-заповедники, музеи-квартиры и т. д.), сохраняющие «эффект присутствия» писателя, пусть незримого, эффект, производящий незабываемое впечатление. Это и является главным мерилем ценности литературного музея, рождающим мощный стимул к познанию этих мест, а через них — что наиболее существенно — к более глубокому познанию наследия писателя, его жизни и творчества.

Несравненна в этом смысле Ясная Поляна, один из старейших музеев-заповедников нашей страны. Это и мемориальный бытовой музей с обстановкой, произведениями искусства, одеждой и множеством других предметов, которые окружали великого писателя при его жизни. Каждый из экспонатов бытового музея имеет свою увлекательную историю, связанную как непосредственно с самим писателем, так и с его родословной, с жизнью его семьи. В кабинете Толстого стоит старинный диван, на котором родился он сам, почти все его дети, его братья и сестры, о нем Толстой пишет в «Воспоминаниях», упоминает в ряде своих произведений. В «Детстве», «Романе русского помещика», «Семейном счастье» упоминаются и дубовые кресла, также стоящие в кабинете писателя. В Доме-музее Толстого хранятся иконографические изображения как его самого, так и его предков, членов его семьи, разнообразные по технике исполнения и созданные разными художниками — от прославленных (И. Н. Крамской, И. Е. Репин, Н. Н. Ге, В. А. Серов) до неизвестных, старинные иконы, скульптурные работы. Это и флигель, занятый литературным музеем, где размещается экспозиция, посвященная творчеству Толстого. Это и «Дом Волконского», в котором организуются тематические выставки, и хозяйственные постройки (конюшня, житня, амбар, кучерская изба и др.), и белые башни у въезда в усадьбу, и въездная аллея («прешпект»), и пруды, и липовые аллеи «клины» у бытового музея, дубовые и березовые рощи, и Старый заказ, где находится могила писателя, и елочки с его любимой скамьей, и Калинов луг, и старые засеки с живописными полянами, и многое другое².

По всемирной известности, по многообразию составляющих элементов к Ясной Поляне близок Пушкинский заповедник в Псковской области (Михайловское, Тригорское, Петровское, Пушкинские Горы). Он значительно уступает Ясной Поляне по сте-

¹ Определение памятников истории и культуры, их систематизация даны в кн.: Историческое краеведение. М., 1975. с. 66—98.

² См.: Пузин Н. П. Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Очерк-путеводитель. М., 1982; Грызлова И. К., Лебедева В. А. Литературный музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Очерк-путеводитель. Тула, 1974; Ксенофонов А. И. Заповедник музея-усадьбы Ясная Поляна. Очерк-путеводитель. Тула, 1970; Уклен В. Н. От тульских засек до Красивой Мечи (о зодчестве и зодчих). Тула, 1976 (главы «Ясная Поляна» и «Кочаки и Мясоедово»).

Михайловское. Балкон гостиной.

пени своей мемориальности (почти все строения в Михайловском, Тригорском, Петровском воссозданы вновь), но благодаря большим усилиям сотрудников музея, а также многочисленных почитателей Пушкина достигнут поистине удивительный «эффект присутствия» великого поэта в этих воспетых им местах¹.

В г. Орле есть музеи И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, лите-

¹ См.: Гордин А. Пушкинский заповедник. Л.— М., 1968; Бозырев В. По пушкинскому заповеднику. М., 1977; Гейченко С. С. Пушкиногорье. М., 1981.

ратурный музей, посвященный писателям-орловцам и расположенный в доме, который, как считают старожилы, принадлежал семье известного русского историка и общественного деятеля Т. Н. Грановского. В его экспозицию включены материалы, рассказывающие о Грановском, Д. И. Писареве, Н. С. Лескове, И. А. Бунине, Л. Н. Андрееве, М. М. Пришвине¹. В сентябре 1976 г. в с. Спасском-Лутовинове Орловской области открылся мемориальный дом-музей И. С. Тургенева. Дом писателя, сгоревший в 1906 г., восстанавливался в течение длительного времени. Мебель, вещи, книги, находящиеся в нем, подлинные, еще до пожара дома наследники вывезли их, и последнее время они хранились в орловском тургеневском музее. Восстановлению дома помогли его сохранившийся фундамент, гравюры прошлого века. Посетители музея знакомятся с каменной галереей, оформленной керамическими вазами, бюстом Тургенева, выполненным с натуры другом писателя Ж. Полонской, многими личными вещами писателя, лутовиновскими часами, прослужившими два столетия. Реставрирована каменная церковь Спаса Преображения, значительная работа проведена в живописном спасском парке, где были написаны роман «Рудин», другие тургеневские произведения².

В Тульском краеведческом музее есть вересаевская комната, экспонаты которой переданы в родной город писателя его племянницей и литературным секретарем В. М. Нольде. В мемориальном уголке комнаты воссоздана часть вересаевского кабинета московской квартиры в Шубинском переулке: массивный письменный стол, за которым были созданы многие произведения, в том числе и «Воспоминания»; чернильный прибор из серого мрамора с серыми пробилками; пепельница и шкатулка, выточенные из дерева самим Викентием Викентьевичем; диван, кресла, стул, стеллажи с книгами; на шахматном столике — старая пишущая машинка. И здесь многое напоминает о тульском доме Сидовичей: редкая фотография, запечатлевшая Вересаева в отцовском кабинете тульского дома; чернильный прибор находился когда-то в этом тульском отцовском кабинете и любовно сохранялся писателем всю жизнь. В экспозицию органично включены макет тульского дома Сидовичей, фотографии родственного окружения писателя в ранние годы жизни.

Многое говорит здесь о творчестве Вересаева, которое было насыщено впечатлениями, почерпнутыми в родном крае. Книга «Очерки и рассказы» 1898 г. с дарственной надписью, обращенной к жене Марии Гермогеновне, портреты тульских большевиков П. В. Луначарского и С. И. Степанова, ставших прототипами героев вересаевской повести «К жизни», автограф фрагмента «Воспоминаний», издания «Записок врача» на иностранных языках с автографами переводчиков, журнал «30 дней» 1945 г. со статьей «Как я работаю».

Деятельность Вересаева была весьма многообразной. Она включала в себя переводы из античной поэзии, литературоведческие труды. И не случайно эта огромная книга на письменном столе — издание сочинений Платона на древнегреческом языке, подаренное Союзом писателей к 40-летнему юбилею литературной деятельности Викентия Викентьевича с автографами многих советских писателей; не случайны карандашные рисунки Вересаева, изображающие Эсхила и Сафо, особенно любимых им поэтов древности. Мы видим книги о Пушкине, написанные Вересаевым, и книги советских пушкинистов, подаренные ему, портреты Пушкина и Толстого над столом: Толстой был также одним из люби-

¹ См. об этом музее в кн.: Чернов Н. Литературные места Орловской области. Тула, 1970, с. 53—55.

² См.: Богданов Б. Спасское-Лутовиново. Путеводитель Тула, 1977; Громов В. А. Спасское-Лутовиново. Гос. заповедник-музей И. С. Тургенева. Тула, 1978.

мейших писателей Вересаева, о нем идет речь в книге «Живая жизнь».

Экспозиция вересаевской комнаты дает представление и о многообразных связях Вересаева с современными ему деятелями литературы и искусства: фотографический портрет А. П. Чехова с дарственной надписью Вересаеву, подаренная ему Чеховым книга «Остров Сахалин», адрес-свиток от Союза писателей (к 40-летию творческой деятельности) с акварелью В. М. Васнецова, адрес от Московского художественного театра, подлинные этюды Максимилиана Волошина, с которым Вересаев подружился в Коктебеле. В этой с любовью и вкусом оформленной комнате образ Вересаева оживает зримо и впечатляюще.

Для литературных краеведов представляют большой интерес памятные места, здания, связанные с жизнью и творчеством писателей. К ним с полным основанием можно отнести слова К. Паустовского о том, что история домов бывает подчас интереснее человеческой жизни. Подобных мест в нашей стране множество. Они отмечены мемориальными досками, внесены в «Материалы свода памятников истории и культуры РСФСР (Тульская область)» (М., 1977). «Случается, бредешь усталый, истомленный жарой, еле передвигая ноги по пыльному, скучному переулку, — пишет Н. Пахомов, — и вдруг глаз остановится на небольшой мемориальной доске: «Здесь в такие-то годы жил такой-то». И сразу словно улыбнется вам этот незначительный переулочек и станет каким-то близким, родным, и вам непременно захочется ближе познакомиться с произведениями и биографией жившего здесь когда-то человека»¹. В этот своеобразный музей под открытым небом включаются и монументы. В день 145-летия со дня рождения Л. Н. Толстого 9 сентября 1973 г. ему был открыт памятник в Туле, на проспекте Ленина. Шестиметровая фигура писателя установлена на низком 80-сантиметровом постаменте: великий писатель как бы приближен к людям, он спешит к ним, в нем сочетаются грандиозность гения и простота, демократизм. Такое решение образа Толстого (скульптор В. И. Буякин, архитектор А. Н. Колчин) подсказано воспоминаниями Горького о Толстом, в которых Толстой уподоблен страннику, идущему спешной походкой и всюду сеющему «живые зерна неукротимой мысли». Монумент установлен в южной части города, на его центральной магистрали, там, где во времена Толстого была городская окраина, проходила дорога в Ясную Поляну. Этой дорогой много раз проезжал и проходил писатель, эту старинную Киевскую улицу он посещал наиболее часто, здесь находились присутственные учреждения, жили многие его знакомые туляки.

На площади перед городским парком на улице Первомайской в 1958 г. в Туле был установлен памятник В. В. Вересаеву (скульпторы А. С. Рабин и Т. Д. Полякова, архитекторы Г. И. Гаврилов и Е. И. Кутырев). Писатель изображен в полный рост, на высоком постаменте, в спокойной позе, с записной книжкой и карандашом в руках. Взор его обращен в ту сторону, где находится дом Смидовичей, расположенный двумя кварталами ниже, по улице Гоголевской (тогда Верхне-дворянской). Весь этот район, сбегаящий от парка вниз, к улицам Гоголевской и Каминского (Площадной), связан с фактами биографии писателя, часто упоминается в его «Воспоминаниях».

¹ Пахомов Н. А. Н. Плещеев. — В кн.: Русские писатели в Москве. М., 1977, с. 540.

Памятник Л. Н. Толстому в Туле.

как мы увидели на примере Тулы, с изобразительным решением образа писателя (памятник Л. Н. Толстому), отношением местной общественности к памяти великого писателя (бюст Пушкина), с произведениями художественной литературы, в которых запечатлен аналогичный образ (памятник Петру I). История памятника писателю изобилует подчас столь яркими и интересными фактами, что ей, как истории памятника А. С. Пушкину в Москве работы А. М. Опекушина, может быть посвящена целая книга¹. Памятники писателям и литературным героям, если они выполнены талантливо и представляют собой явление искусства, всегда вносят нечто новое в устоявшееся представление о писателе, его личности, его творчестве. Они не иллюстрации, но открытия. Памятник Н. С. Лескову в Орле (скульпторы Ю. Г. Орехов и Ю. Ю. Оре-

В сквере, на перекрестке проспекта Ленина и улицы Пушкинской, находится оригинальный бронзовый бюст А. С. Пушкина (скульптор неизвестен), сооруженный к столетию со дня рождения поэта на средства, собранные туляками. Тогда же, в 1899 г., получила свое наименование и Пушкинская улица.

Из других памятников, установленных в Туле, для литературного краеведа может представить интерес памятник Петру I, созданный известным русским скульптором Р. Р. Бахом (1859—1934) на средства, собранные рабочими и служащими Тульского оружейного завода в ознаменование 200-летия завода в 1912 г. Петр изображен с молотом у наковальни в прожженном кафтане. Образ «царя-работника», которым вдохновлялся скульптор, несомненно, навеян Пушкиным, он вообще в традициях русской поэзии со времен Ломоносова (напомним о том, что Бах был автором прекрасного скульптурного изображения юного Пушкина-лицеиста, сидящего на скамье, в г. Пушкине). Памятник Петру находится у корпусов оружейного завода в начале улицы Советской, в небольшом сквере. Фигура Петра обращена к Заречью, к «оружейной стороне», издавна населенной прославленными тульскими рабочими-умельцами. виртуозное мастерство которых запечатлено в знаменитом сказе Н. С. Лескова о Левше.

История монументов, среди которых есть и памятники литературным персонажам, чрезвычайно интересна. Она связана,

¹ См.: Су слов И. М. Памятник Пушкину в Москве. М., 1968.

Орел. Памятник Н. С. Лескову.

хов, архитекторы В. А. Петербуржцев и А. В. Степанов удостоены Государственной премии СССР 1982 г.) — целый скульптурно-архитектурный комплекс. В единую композицию организованы расположенные на площади скульптурные группы героев лесковских произведений («Тупейный художник», «Леди Макбет Мценского уезда», «Очарованный странник», «Сказ о тульском косом Левше», «Соборяне») и сидящая фигура писателя. «Больной, страдающий, но твердый духом писатель как бы размышляет о главном: о жизни народной, о борьбе добра со злом, о духовной силе человека. И мысли его материализуются в реальных образах героев книг, окружающих его»¹. Памятник органично вписан в родственную ему окружающую среду, он поставлен на живописном берегу реки Орлик, в районе, где сохранилось много

¹ Горяинов. Среди своих героев.— Правда, 1982, 20 сент.

памятных мест, связанных с жизнью и творчеством Лескова.

На примере тульского памятника Петру I мы показали связь с художественной литературой монументов, казалось бы прямого отношения к ней не имеющих. Такого рода связи могут открывать в произведениях писателя примечательные детали. В упоминавшейся статье А. Ф. Тарасова о местных источниках поэмы «Кому на Руси жить хорошо»¹ рассказывается о памятнике Ивану Сусанину в Костроме, открытом в 1851 г. Сусанин был представлен здесь коленопреклоненным перед вознесенным ввысь бюстом царя Михаила Романова. Некрасов в поэме приводит ее героиню, крестьянку Матрену Тимофеевну, к этому памятнику, но в ее восприятии Сусанин оказывается выпрямленным («Стоит из меди кованный... мужик на площади») и уподобленным Савелию, отомстившему угнетателю за народное дело («Точь в точь Савелий дедушка»²). О царском же бюсте в тексте поэмы вообще нет речи. Столь своеобразная интерпретация памятника Сусанину связана с общей идейной устремленностью поэмы, с некрасовской трактовкой русского национального характера, с решением им проблемы народности.

Литературное краеведение может многое сделать в обнаружении новых памятников культуры, в изучении их истории.

В Туле долго не был известен дом, в котором останавливался во время своих приездов в город Н. В. Успенский. В старых комплектах тульской областной газеты нами была обнаружена заметка Е. Н. Лишкина «Незаслуженно забытый писатель»³, в которой речь шла о том, что когда Н. Успенский приезжал в Тулу, он «проживал в доме родной своей сестры М. В. Лишкиной на углу бывшей Волковой и Пошехонской улиц (ныне Глеба Успенского и Гоголевской)». Автор заметки — сын М. В. Лишкиной, племянник Н. Успенского, проживавший в 30-е годы в Туле. Опрос ныне здравствующих родственников писателя, а также старожилов (никто из Лишкиных сейчас в указанном доме не живет) с несомненной точностью подтвердил свидетельство Е. Н. Лишкина⁴. Опрос близких советского писателя Н. Я. Москвина (1900—1968) — его вдовы Т. Н. Кваниной-Москвиной и сестер М. Я. Галкиной-Воробьевой, Н. Я. Соколовой — позволил уточнить место его рождения в Туле. Им оказался дом по улице Тургеневской, располагавшийся там, где сейчас построено новое здание областной библиотеки им. В. И. Ленина. В июне 1978 г. на этом здании была открыта мемориальная доска.

Литературный краевед не останется равнодушным к старинным гравюрам, рисункам, фотографиям, открыткам — ко всему тому, что воссоздает неповторимый облик мест, связанных с жизнью и деятельностью писателей, тот особый колорит, который утрачивается со временем. В книге Н. Чернова «Орловские литературные места», вышедшей в Туле в 1970 г., воспроизведены, например, гравюра Л. А. Серякова (с фотографии Г. Фельдмана 1874 г.), изображающая панораму города Орла тургеневского времени, а также гравюры той поры, на которых мы видим тор-

¹ В кн.: Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962.

² Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949, т. III, с. 297.

³ См.: Коммунар, 1937, 15 февр.

⁴ Фотография дома в кн.: Милонов Н. Русские писатели и Тульский край. Тула, 1971, с. 133.

говые ряды и городскую площадь, Болховскую улицу, Александринский институт, купеческий клуб и т. д.

Старинные тульские фотографии помещены во второй книге «Яснополянских записок» Д. П. Маковицкого (1979): Киевская улица и рынок у кремлевской стены. Они помогают воссозданию облика города; так хорошо известного Толстому и его близким. Этой же цели служат и изображения Тулы в альбоме «Л. Н. Толстой и Тула» (1976): Киевская застава, старые здания, главная городская улица, на которой часто бывал великий писатель, бывший Курский (сейчас Московский) вокзал, на котором Толстой встречал приезжавшего к нему И. С. Тургенева, народные типы старой Тулы.

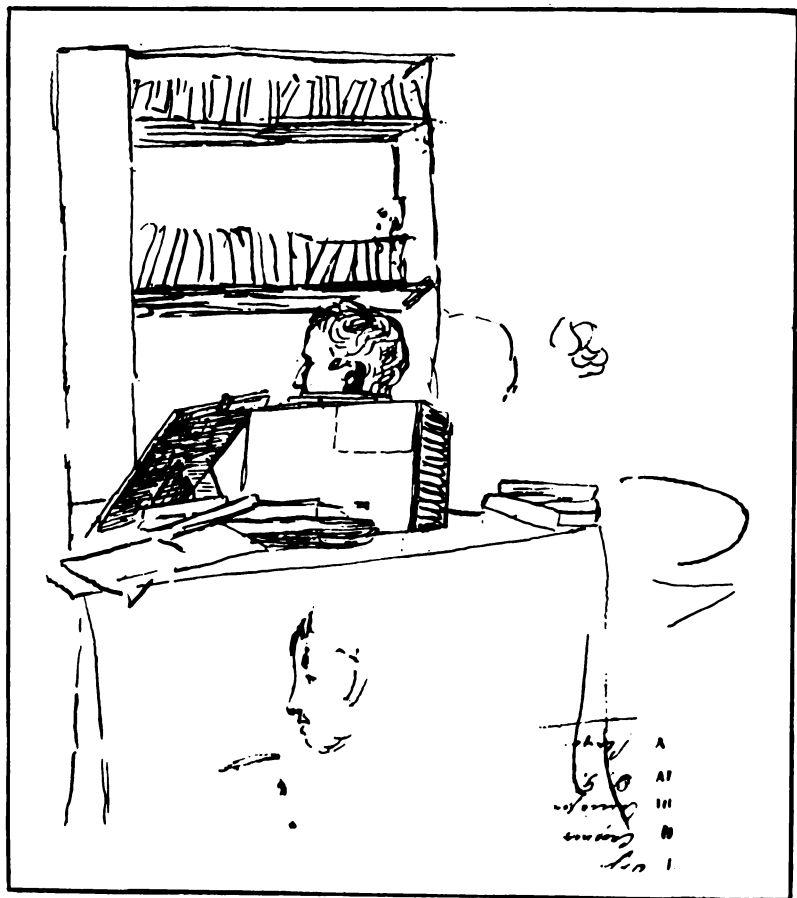
В фондах Пушкинского Дома, Государственного литературного музея, в личных собраниях подбирались иллюстрации к книге С. Лесневского «Путь, открытый взорам. Московская земля в жизни А. Блока. Биографическая хроника» (М., 1980): старинные фотографии и рисунки Шахматова; рисунки, сделанные самим Блоком и запечатлевшие шахматовские пейзажи и постройки; старые открытки с видами Москвы и шахматовских окрестностей.

Репродукции картин, гравюр, литографий и акварелей пушкинской поры дают наглядное, зримое представление о Петербурге времен Пушкина в книге А. Гордина и М. Гордина «Путешествие в пушкинский Петербург» (Л., 1983).

Старинные изображения обретают особую ценность в том случае, когда те или иные места, на них воссозданные и связанные с жизнью и творчеством писателей, безвозвратно меняют свой облик. Лишь по немногим изображениям можно представить сейчас Мишенское — родину В. А. Жуковского (Тульский край), в том числе и по собственным его рисункам. По-своему уникальны рисунки Жуковского, запечатлевшие окрестности Мишенского, города Белев и Тулу. Сделанные летом 1837 г., они, словно на фантастической машине времени, переносят нас в родные места поэта и показывают их такими, какими они были в ту далекую пору. Зарисовки, по словам исследователя, играли для Жуковского «роль памяток из путешествий и поездок. Карандаш заменял ему современную фотокамеру»¹. Они как бы дополняют дневники поэта (у Пушкина, в отличие от Жуковского, рисунки значительно теснее и органичнее связаны с творческой лабораторией, недаром они входят в состав рукописей, неотделимы от них). Теперь уже нелегко представить, как располагалась усадьба А. И. Бунина, в которой протекали детские и юношеские годы поэта, как выглядели те или иные ее строения. Рисунки Жуковского, абсолютная достоверность которых не подлежит сомнению, оказывают нам в этом неоценимую помощь.

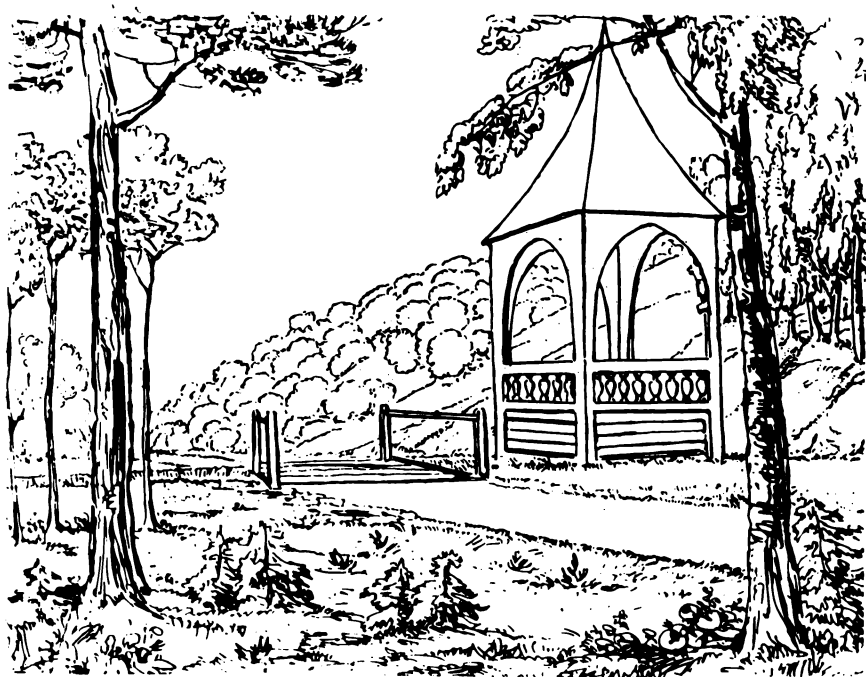
Но ценность их не ограничивается только документальностью.

¹ Корнилов П. Офортные занятия В. А. Жуковского.— В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 206.

Болдино. Кабинет. Рисунок А. С. Пушкина.

Как и стихи Жуковского, его скромные рисунки — тоже песнь во славу красоты и прелести родного русского пейзажа, тех милых сердцу уголков, с которыми у него было связано так много: и ранние поэтические опыты, и неясные мечтания, и элегические раздумья о скоротечности жизни, и томительные порывы сердца, и первая любовь к М. А. Протасовой, светлая и трагическая. В любящихся, переходящих одна в другую линиях офортов и рисунков Жуковского есть лирическая проникновенность, отражение большой душевной чистоты, в высшей степени развитое в поэте чувство изящного, тот артистизм, который скрашивает недостатки техники изображения, отсутствие профессионализма в строгом и точном смысле этого слова. Графика поэта несет на себе отпечаток его личности, его взгляда на мир, его эстетических воззрений. Она заставляет вспомнить «интересную страницу русского искусства первой половины XIX в. — струю любительства, течения

Мишенское. Беседка у ключа. Офорт В. А. Жуковского.

изученного, но безусловно, крепко связанного с общим развитием художественной культуры и искусства эпохи»¹. Рисунки поэта — документ эпохи, окрашенный колоритом ее сложной и богатой художественной культуры.

В книге «По Тульскому краю» (1925) воспроизведен вид дома Смидовичей, в котором прошли ранние годы В. В. Вересаева, точно соответствующий описанию его самим писателем (в «Воспоминаниях») ². В настоящее время дом сохранился, но в перестроенном, весьма измененном виде. Тем ценнее его воспроизведение в старом тульском издании.

«Богатейшим источником информации о культурном прошлом края», причем часто уникальным, считает О. Ласунский разнообразные листовки, афиши, плакаты, программы чтений, приглашительные билеты, визитные карточки, объявления³. В самом деле, по сохранившимся театральным афишам и программам спектаклей можно воссоздать театральную жизнь края. В. Аристов и Н. Ермолаева в книге «Все началось с путеводителя...» расска-

¹ Корнилов П. Офортные занятия В. А. Жуковского. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 207. См. также кн.: Милонов Н. А. Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982.

² См.: По Тульскому краю (пособие для экскурсий). Тула, 1925, с. 497.

³ См.: Ласунский О. Волшебное зеркало. Разыскания. Исследования. Этюды. Воронеж, 1981, с. 122.

зывают о папках театральных афиш, хранящихся в Казанской научной библиотеке им. Н. И. Лобачевского. Среди них находятся записи известного в свое время в Казани афишера (разносчика афиш) Валея, который был своего рода живой летописью казанского театра 30—80-х годов прошлого столетия. При нем в Казани выступали Айра Олдридж, М. С. Щепкин, П. М. Садовский, М. Г. Савина и многие другие.

Опытные краеведы знают цену и различным каталогам, прейскурантам. Как полагает В. Бирюков, «они дают возможность написать прекрасно иллюстрированную историю культуры, в особенности материальной»¹.

Как правило, разрабатывая конкретную литературно-краеведческую тему, связанную с отношением того или иного писателя и его творчества к краю, с изучением литературной жизни края на том или ином ее этапе, исследователь обращается к комплексу местных источников, выверяя полученные данные (а также дополняя их) своеобразной взаимопроверкой одного источника другим.

Библиографические разыскания подсказывают необходимость обращения к тем или иным источникам — творческим (текстологическим) дневникам писателя и его современников, к эпистолярной литературе, архивным документам, мемуарам и т. д. В процессе работы подчас сталкиваешься с неполнотой освещения вопроса в одном из них, с возможным искажением истины, например: субъективность мемуарных свидетельств, сомнительность сведений, почерпнутых в архивных документах или периодике. Лишь привлечение многих данных по возможно более широкому кругу источников, своего рода «перекрестный допрос» их, максимально строгая и объективная проверка получаемых данных приводят к желаемому результату. Пытливость, постоянное желание узнать по интересующей проблеме как можно больше, заглянуть в самую глубь ее, обстоятельная проверка получаемых данных и принципиальная оценка их с марксистско-ленинских позиций — эти качества должны быть присущи литературному краеведу с самого начала его исследовательской деятельности. «Как немислимо сейчас без опоры на материал плодотворное изучение литературы, — очень точно писал Н. Ф. Бельчиков, — так и правильное понимание источника и его значения возможно лишь при условии овладения ученым марксистско-ленинским методом диалектического и исторического материализма, при условии правильного применения диалектики и принципа партийности к анализу источников»².

¹ Цит. по кн.: Петряев Е. Записки книголюбца. Киров, 1978, с. 179.

² Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение, с. 51.

ЛИТЕРАТУРА

- Берков П. Н. Введение в технику литературоведческого исследования. М., 1955.
- Бельчиков Н. Ф. Литературное источниковедение. М., 1983.
- Белоконь С. И. Литературоведческое источниковедение.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1978, т. 9.
- Лихачев Д. С. Текстология. Краткий очерк. М.— Л., 1964.
- Лихачев Д. С. Текстология. 2-е изд. Л., 1983.
- Гришунин А. Л. Текстология.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1972, т. 7.
- Рейсер С. А. Основы текстологии. Л., 1978.
- История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях (аннотированный указатель книг и публикаций в журналах). Т. 1. XV—XVIII вв. М., 1976; т. 2, ч. I. 1801—1856. М., 1977; т. 2, ч. II. 1801—1856. М., 1978; т. 3, ч. I. 1857—1894. М., 1979; т. 3, ч. II. 1857—1894. М., 1980; т. 3, ч. III. 1857—1894. М., 1981; т. 3, ч. IV. 1857—1894. М., 1982; т. 4, ч. I. 1895—1917. М., 1983.
- Воспоминания и дневники XVIII—XX вв. Указатель рукописей. М., 1976.
- Литературные журналы и газеты СССР.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4.
- Григоренко С. Писатель в газете.— Там же, т. 5.
- Кузнецов И. В., Фингерит Е. М. Газетный мир Советского Союза. М., 1972, вып. 1; М., 1976, вып. 2.
- Баранская Н. В. Архивы литературные в СССР.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1962, т. I.
- Андроников И. Великая эстафета. М., 1975 (Глава «Хранители правды» — об архивах и рукописных отделах библиотек).
- Чудакова М. О. Беседы об архивах. 2-е изд. М., 1980.
- Основные литературные мемуары. Мемуары как источник исследования.— В кн.: История русской литературы XIX в. Библиографический указатель. М.— Л., 1962.
- Левцкий Л. А. Мемуары.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4.
- Бушканец Е. Г. Мемуарные источники (учебное пособие к спецкурсу). Казань, 1975.
- Лощинин Н. П. Литературные музеи.— В кн.: Краткая литературная энциклопедия. М., 1967, т. 4.
- Рубинштейн А. М. Памятники писателям.— Там же, т. 5.
- Он же. Герои литературные в памятниках.— Там же, т. 2.

§ 1. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Во многих работах ученых и учителей-практиков убедительно показано образовательное и воспитательное значение литературного краеведения, освещены самые различные виды и формы литературно-краеведческих занятий на уроках и вне класса. Остановимся лишь на одном из многих аспектов школьного литературного краеведения — на формировании, в ходе занятий литературным краеведением, исследовательских способностей школьников, на первоначальном приобщении их к научным разысканиям как в классе, так и во внеклассной работе. Аспект этот имеет весьма важное значение: формирование способности к самостоятельному творческому мышлению — одна из существенных сторон призвания нашей школы. Самостоятельная мысль учащихся формируется в процессе работы над самым разнообразным материалом, когда нужно ориентироваться в потоке информации, отбирая необходимые для поставленной перед собой задачи.

Познавая родной край, ребята действительно чувствуют себя «в рядах исследователей, занятых изучением родной литературы и своей необъятной Родины. В этом, может быть, заключается своеобразный элемент «научной героики» и творческой романтики»¹. Процесс усвоения учащимися литературно-краеведческих знаний активен, ученики, всерьез занявшиеся литературным краеведением, «обречены» «искать, исследовать, рыться в текстах художественных произведений, заглядывать в архивы и музеи, сопоставлять, обобщать, бывать в достопримечательных местах, прокладывать новые маршруты»².

«Рыться в текстах художественных произведений», производить простейшие текстологические разыскания заставляют ребят сами заинтересовавшие их темы, связанные с литературным краеведением. Без пристального чтения «Слова о полку Игореве», сопоставления различных прозаических и поэтических переводов

¹ Бахтина С. М. Литературно-краеведческая работа клуба «Гренада». — Литература в школе, 1973, № 4, с. 63.

² Рыжеволова А. В. От изучения литературы прошлого родного края — к нашей современности. — В кн.: Литературное краеведение как средство коммунистического воспитания школьников. Нальчик, 1974, с. 14.

(переложений) нельзя составить историческую карту донских вариантов битвы героев бессмертного произведения древнерусской литературы с половцами весной 1185 г., а именно такую карту сделали учащиеся школы поселка Шолоховский Ростовской области, объединившиеся в ученическое литературно-краеведческое общество «Боян»¹. Без дополнительной серьезной работы по тексту не выполнить задания, которое было дано в одной из казанских школ при изучении «Капитанской дочки» Пушкина: найти в ней места, где автором использован казанский материал², или, как это делается в школах Оренбуржья, сопоставить фрагменты текстов той же «Капитанской дочки» и «Истории Пугачева», «Оренбургских заметок», «Замечаний о бунте», чтобы в конечном итоге убедиться в глубочайшем историзме Пушкина, проникновении его в самую суть изображаемых событий³.

На углубленную работу с текстом художественного произведения (и не только с основным, но и с его черновыми вариантами) нацеливают темы, которые разрабатываются участниками литературно-краеведческого кружка школы № 107 г. Одессы: «Одесское окружение Пушкина и изображение дворянского общества в романе «Евгений Онегин», «Одесские знакомые Пушкина как прототипы героев романа «Евгений Онегин», «Одесса в романе «Евгений Онегин» и Одесса сегодня», «Работа Пушкина над романом «Евгений Онегин» в Одессе»⁴. В иных случаях открыть учащимся глубину содержания произведения, захватить их его красотой (а это и будет истоком углубленного его изучения) удастся лишь при активной помощи учителя, непосредственно в классе, путем комментированного чтения. Так было, к примеру, на экспериментальных уроках с восьмиклассниками Спасогубской школы Карельской АССР при изучении карело-финского эпоса «Калевала», произведения весьма сложного и не во всем понятного учащимся⁵.

Получил распространение прием сопоставления произведений местных писателей с аналогичными по теме программными (например, романа М. А. Шолохова «Поднятая целина» с лучшими произведениями местных авторов о коллективизации в деревне)⁶, что также требует внимательного прочтения текстов, сопоставления их. Текст художественного произведения может

¹ См.: Ковешников П. И. По маршрутам «Слова о полку Игореве». — В кн.: Литературное краеведение в школе. М., 1976.

² См.: Котельникова Л. М. Роль литературного краеведения в активизации познавательной деятельности учащихся. — В кн.: Вопросы воспитания познавательной активности и самостоятельности школьников. Казань, 1972.

³ См.: Прокофьева А. Г. Литературное краеведение в школах Оренбуржья. — В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 33.

⁴ См.: Щербина Л. А. «Итак, я жил тогда в Одессе...» (О работе литературно-краеведческого кружка). — Литература в школе, 1974, № 5, с. 61.

⁵ См.: Упорова З. М. «Калевала» в школе. Петрозаводск, 1966, с. 15—16.

⁶ См., например: Басурова Л. Г. Организация внеклассного чтения литературы о родном крае в школах Башкирии. — В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 52—53.

быть включен в литературно-краеведческую экскурсию по непосредственной его связи с местами, по которым проходит экскурсионный маршрут. В тургеневских местах, на Бежином луге и во Льгове, семиклассники 656-й московской школы сопоставляли тексты рассказов из «Записок охотника» с реальной местностью, в них изображенной, записывали воспоминания старожилов, знакомились с сохранившимися старинными архитектурными сооружениями. Ученики вслушивались в речь земляков великого писателя, обратили внимание на то, что и сейчас в ней употребляются диалектизмы, встречающиеся в «Записках охотника»: «колдобина», «дощаник», «казюли»¹. Учащиеся 41-й школы г. Тулы (учитель В. П. Булычева) углубленно анализировали чеховские рассказы перед поездкой в Мелихово, выучили наизусть поэму М. Алигер «Зоя», готовясь к посещению Петрищева (класс носит имя Зои Космодемьянской). На экскурсии школьников Чапаевского района Уральской области по чапаевским местам фрагменты фурмановского романа звучали в изображенных писателем казачьих станицах и на степных дорогах. Экскурсия, в ходе которой активно использовался текст романа «Чапаев», помогла уточнить художественный замысел писателя, глубже и отчетливее представить картины и образы произведения².

Мысль о том, что учителя и родители должны активнее приобщать учащихся к работе с книгой, совершенно справедливо подчеркнута в Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы. Ведь нередко, к сожалению, случаи, когда школьники мало читают, тем самым наносятся невосполнимый урон духовному развитию личности. Нужно ли говорить о важности использования всех имеющихся в распоряжении учителя средств для привлечения учащихся непосредственно к художественным текстам, раскрытия — на доступном для учеников уровне — их идейно-художественного богатства. Литературное краеведение открывает в этом отношении широкие возможности.

В ходе литературно-краеведческих занятий учащиеся обращаются к дневникам и письмам писателей, близких им людей.

Для латышских восьмиклассников Балдонской школы автор «Недоросля» стал особенно близким, когда они, познакомившись с дневниками и письмами Д. И. Фонвизина, узнали о его приездах в Латвию, наблюдениях над трудной жизнью латышских крестьян, встречах с местными литераторами и актерами, большом интересе к истории, культуре, быту латышского народа. Личность писателя предстала перед учащимися в новом свете, более глубоко поняли они особенности фонвизинского мировоззрения. По собранным материалам ученики-краеведы подготовили литературный вечер «Фонвизин в Балдоне», поразив многих своих сверстников, которые и не подозревали о том, что имя замечательного русского драматурга связано с их родиной³.

¹ См.: Годер Г. И., Ямбровская Е. В. Экспедиция школьников по местам тургеневских «Записок охотника». — Литература в школе, 1958, № 6.

² См.: Беккер Э. Г. Организация историко-литературных экскурсий. — В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 76.

³ См.: Инфантьев Б., Лосев А. Сквозь даль времен. — Литература в школе, 1966, № 3.

На факультативных занятиях по литературному краеведению в сельской школе Калининской области широко используется тургеневская эпистолярная. Изучая тему «И. С. Тургенев и М. А. Бакунин», участники факультатива отмечали в письмах Тургенева имена, имеющие отношение к их краю, характеризовали дружбу Тургенева и Бакунина (его имение Премухино находится в Калининском крае) по их переписке. «Учащиеся рассказывали о собранном материале, спорили, высказывали разные мысли о дружбе Тургенева и Бакунина. Разговор перешел в диспут»¹. По другому поводу диспутировали десятиклассники школы № 4 г. Пинска, прочитав письма А. Блока жене и матери в период пребывания поэта в Белоруссии (1916 г.). Сопоставляя эти письма с мыслями Блока, высказанными в статье «Интеллигенция и революция», ученики искали ответ на вопрос: что дало поэту его пребывание в Полесье (ответы на него в блоковедении различны). «Ученики с увлечением работали с письмами и статьей поэта. Они искали аргументы в пользу того или иного исследователя творчества Блока, чтобы определить и свое отношение к обсуждаемому вопросу. (...) Они считают, что в идейных и эстетических исканиях, которые привели Блока к созданию поэмы «Двенадцать», пребывание в Полесье — важная и значительная веха»². Так школьное литературное краеведение приводит к существенным проблемам литературоведческого характера, дает возможность искать истину, опираясь на исследовательскую литературу.

На документальной основе, на ознакомлении учащихся с дневниками и письмами Н. Г. Чернышевского строится один из вариантов вступительных уроков по изучению жизни и творчества великого революционера-демократа в школе № 76 г. Саратова. Такой прием позволяет в самом начале изучаемой темы увлечь ребят яркостью, незаурядностью личности писателя, драматизмом его жизненной судьбы. При этом использовались и письма людей самых различных профессий, присланные ими в саратовский музей Н. Г. Чернышевского, по ним был составлен документальный монтаж «Чернышевский в духовной жизни наших современников», который читался на уроках³. В якутских школах на уроках по изучению творчества Л. Н. Толстого и А. М. Горького используется их переписка (Толстого с якутским врачом П. Н. Сокольниковым, Горького с якутскими литераторами), наглядно свидетельствующая о давней дружбе русского и якутского народов⁴.

Распространеннейшим видом литературного краеведения в школе является переписка учащихся с писателями-современниками, с близкими, друзьями или потомками писателей. Такая переписка, как и связанные с ней встречи с писателями или близкими им людьми, серьезно стимулирует литературно-краеведческую работу, оживляет ее, увлекает ее энтузиастов. Участники литературно-краеведческого кружка Достоевской средней школы на Пинщине (Белоруссия) в поисках ответа на заинтересовавший их вопрос о происхождении рода Достоевских, ведущего начало из их родных мест, завязали переписку с А. Ф. Достоевским, внуком великого писателя. «Андрей Федорович был чутким и внимательным советчиком школьных краеведов, помог им обогатить уголок Достоевского в краеведческом музее»⁵. Кружковцы-

¹ Богоявленский А. Б. Факультативные занятия по литературному краеведению в сельской школе. — В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 44.

² Ляшук В. Я. А. Блок в Полесье (Краеведческая работа в школах Брестчины). — Литература в школе, 1980, № 5, с. 41—42.

³ См.: Фокеева Н. П. Литературно-краеведческая работа в школах Саратова (на материале жизни и творчества Н. Г. Чернышевского). — В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 21.

⁴ См.: Егоров П. И. Роль местного литературно-краеведческого материала в интернациональном воспитании учащихся. — В кн.: Вопросы воспитания и обучения в школах Якутии. Якутск, 1973, с. 59—60.

⁵ Ляшук В. Я. «Отсюда появился род Достоевских» (Краеведы в поиске). — Литература в школе, 1973, № 5, с. 67.

краеведы восьмилетней школы с. Спас-Угол Талдомского района Московской области (родина М. Е. Салтыкова-Щедрина) узнали много нового о великом сатирике из переписки с потомками писателя¹.

С просьбой рассказать о своих связях с Феодосией обратились в свое время к известным советским писателям члены литературно-краеведческого кружка «Феодосия литературная». «День получения письма от писателя превращался для ребят в настоящий праздник,— говорит руководитель кружка.— Еще бы: С. Маршак, К. Симонов, Л. Кассиль, Л. Воронкова, А. Твардовский, Ю. Нагибин и другие называли учеников дорогими друзьями, сообщали интересные сведения о своем творчестве, о впечатлении, которое произвел на них наш город...»². Большим и радостным событием было для учеников Каширинской средней школы Кетовского района Курганской области получение письма от поэта-земляка С. А. Васильева. Написав перед этим ему, ребята «едва ли всерьез надеялись, что получат ответ: трудно верилось, что в нашу сельскую, ничем не примечательную школу может прийти письмо от известного советского поэта. (...) Небывалое оживление внесло письмо (С. Васильева.— Н. М.) в школьную жизнь. Кружковцы ходили с ним по классам, но без гордости читали его, показывали книги поэта с автографами. (...) Они увидели, что их начинания — важные и нужные...»³.

Большую переписку с людьми, знавшими татарского поэта Мусу Джалиля, с его соратниками, оставшимися в живых, ведут организаторы школьного музея Мусы Джалиля, ученики 31-й школы г. Казани. Они переписывались и встречались с женой и дочерью поэта-героя, с авторами книг о нем. «В поисках и находках, в больших и интересных делах растет самостоятельность школьников, развивается их инициатива, крепнут коллективные связи. У ребят формируются навыки исследовательской работы, они учатся анализировать, сравнивать, обобщать, делать самостоятельные выводы»⁴.

Краеведы средней школы № 3 г. Алексина Тульской обл. (руководитель — учительница-словесница С. Е. Пономарева) узнали о том, что в их городе жила в детские годы писательница З. И. Воскресенская. Ребята разыскали людей, знавших ее, нашли дом, где она жила, вступили с ней в переписку. «Город Алексин! Ока! Душистый сосновый бор! — писала ребятам Воскресенская. — Как памятно все это и как мило сердцу... Во многих городах я жила, во многих странах побывала, но прекраснее Алексина, Оки, бора я не видела. И с каждым годом он в моей памяти делается все лучше, превратился почти в сказку, в чудесную сказку детства». В феврале 1976 г. Воскресенская посетила эти дорогие ее сердцу места, состоялась ее встречи с учениками, с общественностью города. В алексинских школах прошли читательские конференции по ее книгам, конкурсы на лучшую к ним иллюстрацию и их чтенюв.

Юные алексинские краеведы через переписку с народным артистом РСФСР Б. П. Бриллиантовым (а затем и в личной беседе с ним в Москве) узнали о яркой театральной жизни своего города в первые пооктябрьские годы, о создании в нем народного театра, руководителями и организаторами которого были прославленные мастера Малого и Художественного театров В. Н. Пашенная, В. Ф. Грибунин, В. И. Качалов и другие. Ребята хранят и письмо В. Н. Пашенной, полученное ими в 1961 г. Интереснейший материал о жизни алексинского «культурного гнезда» ис-

¹ См.: Не шумова Л. М. На родине Салтыкова-Щедрина (О работе литературно-краеведческого кружка). — Литература в школе, 1977, № 6, с. 65—67.

² Беднарчик Э. А. Краеведческий кружок «Феодосия литературная». — Литература в школе, 1964, № 3, с. 64.

³ Белоусов Д. А. Литературно-краеведческие вечера в сельской школе. — В кн.: Краеведение и школа. Курган, 1973, с. 43.

⁴ Полукаринова А. А. Школьный музей Мусы Джалиля. — Литература в школе, 1976, № 1, с. 60.

Щельково. Рабочий кабинет А. Н. Островского.

пользуется в школе при изучении темы «А. Н. Островский и Малый театр».

Историей драматического театра своего города заинтересовались члены клуба «Силант» (Сибирское искусство, литература, таланты) средней школы № 19 г. Омска. Они вступили в переписку с талантливым режиссером, работавшим в этом театре в 30-е годы, В. Ф. Торским, с известными артистами, своими земляками

М. Ульяновым, В. Дворжецким, В. Талызиной и другими, собрали большой материал по увлекшей их теме, провели школьный вечер «Театр и мы»¹.

Членов литературно-краеведческих кружков Яснополянской средней школы им. Л. Н. Толстого и средней школы № 6 г. Шекина Тульской обл. увлекла история поездки восьмисот детей тульских рабочих в Ясную Поляну в июне 1907 г., организованной и возглавлявшейся молодым тульским педагогом А. Д. Ротницким. Кружковцы завязали с ним переписку, встречались с ним в Москве, нашли немало оставшихся в живых участников этой экскурсии. Оживленная переписка шекинских краеведов с Т. Н. Кваниной-Москвиной и А. Я. Уйска-Трусовой, женами писателей Н. Я. Москвина и И. Ф. Трусова, позволила учащимся представить живые, неповторимые черты этих талантливых деятелей советской литературы, уроженцев Тульского края, открыть неизвестные ребятам факты их биографии.

Письмо, полученное от писателя, может побудить учащихся к краеведческому поиску. Так было в школе № 27 г. Барнаула. «С первых дней знакомства с творчеством В. Т. Лациса (а это было в 1960 г.) ребят волновал вопрос: где, на какой улице, в каком доме жил в Барнауле писатель? И Вилис Тенисович ответил: «...сначала на одной из Алтайских улиц (кажется, на пятой), потом на улице Льва Толстого, почти на самом берегу Оби...»². Несколько лет продолжались поиски, лишь в 1968 г. барнаульские школьники-краеведы смогли точно установить нужный им адрес.

По самым различным поводам в школьном краеведении используется периодика. В местных газетах можно найти немало интересных статей о литературных местах края. К таким материалам обращаются участники литературно-краеведческого факультатива сельской школы Калининской области, готовя доклады «Пушкин и Торжок», «Пушкин и Берново-Малинники», «Старицкая страница в творческой биографии поэта»³. В подшивках газет «Советский Сахалин», «Молодая гвардия», «Утро Родины» искали необходимые им сведения о чеховских местах Сахалина учащиеся Троицкой средней школы Сахалинской области, готовясь к походу по этим местам⁴.

В местной периодике ярко отражается литературная жизнь края, и в этой связи закономерно обращение, к примеру, омских школьников (школа № 18) к местным старым журналам и альманахам при изучении литературной жизни своего города, произведе-

¹ См.: Чешегорова М. Е. Литературный клуб.— Литература в школе, 1981, № 5.

² Остераг Л. М. Литературно-краеведческий музей в школе.— В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 78.

³ См.: Богоявленский А. Б. Факультативные занятия по литературному краеведению в сельской школе.— В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 42.

⁴ См.: Солодовников И. Е. По чеховским местам Сахалина.— Там же, с. 61.

ний первых омских писателей¹. А один из участников литературно-краеведческого кружка Куйбышевской школы изучил по комплектам местных газет за 1927 г. все сообщения и отклики на выступление В. В. Маяковского, состоявшееся в Самаре в то время. «...Работа ученика показала умение самостоятельно разыскивать, анализировать, обобщать материал. Путь розыска старого газетного материала, путь его анализа и сопоставления с поэтическим творчеством Маяковского был найден учеником совершенно самостоятельно. <...> Такого рода небольшие исследования вполне по силам учащимся»². В течение нескольких лет старшеклассники средней школы № 2 г. Сокольники Новомосковского р-на Тульской области под руководством учительницы-словесницы Л. А. Решетняк ведут поисковую работу, собирая фронтовые боевые листки периода Великой Отечественной войны с публиковавшимися там песнями, стихотворениями, рассказами, очерками. Учащиеся как бы соприкасаются с героическими боевыми буднями, убеждаются в негибимой силе духа воинов, защищавших их родной город.

Старшеклассники Агрызской городской школы (Татарская АССР) изучали работу в редакциях фронтовых газет, выходявших на татарском языке («За Родину», «Красная Армия», «Фронтная правда», «Вперед на врага» и других), писателей У. Усманова, Ш. Мударриса, Ш. Маннура. А. Шамова, Р. Ишмура-това, М. Садри, И. Гази, А. Файзи, А. Абсалямова³.

Факты сотрудничества в местной прессе известных писателей открывают для школьного литературного краеведения большие возможности. Юные филологи, занимающиеся в Куйбышевской филологической школе Дворца пионеров и пединститута, работают над такими темами, как «М. Горький о задачах печати и писателя (по материалам «Самарской газеты» и выступлениям писателя)», «Важнейшие темы и значение публицистики М. Горького самарского периода», «Обличные эксплуататоров и защита трудящихся в публицистике Горького самарского периода». Подобные темы ориентируют на углубленную работу с материалами местной периодики, на осознание значения сотрудничества в ней для становления личности великого писателя⁴. Член литературно-краеведческого клуба «Родник» (школа № 16 г. Улан-Удэ) Игорь З. в марте 1978 г. выступил с интересным докладом на секции литературного краеведения V Всероссийского литературного праздника школьников в г. Горьком. В докладе шла речь о публикации полного текста горьковских «Весенних мелодий» в газете «Верхнеудинский листок», хотя в критической литературе существовало мнение, что до Октябьской революции «Весенние мелодии» опубликованы не были. Честь открытия публикации принадлежит бурятскому ученому проф. А. А. Белоусову. Заинтересовавшись этим открытием, члены «Родника» нашли газету с текстом горьковского произведения, попытались ответить на вопрос о причинах появления этой публикации в Бурятском крае⁵.

¹ См.: Коппель Е. К. Литературно-краеведческий кружок.— Литература в школе, 1981, № 5, с. 50.

² Прессман Л. П. Литературное краеведение в средней школе. Куйбышев, 1955, с. 49.

³ См.: Исламов Ф. Ф. Использование краеведческого материала во внеклассной работе по родной литературе в целях развития речи.— В кн.: Развитие родной и русской речи в татарской школе. Казань, 1980, вып. IV, с. 144.

⁴ См.: Финкельштейн В. П. Литературное краеведение в юношеской филологической школе.— В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 85.

⁵ См.: Гладкая Л. П. Литературно-краеведческий клуб «Родник».— Литература в школе, 1979, № 3, с. 51.

Следует заметить, что в обращении к периодике есть свои сложности, и в этом случае особенно важна роль учителя. Многие сообщения краеведов, появляющиеся в печати, нуждаются в дополнительной проверке и уточнении; в работе со старыми (до-октябрьскими) органами печати совершенно необходимо учитывать их общественно-политическую направленность. Пожалуй, еще сложнее обстоит дело с архивными поисками школьников: такие поиски непросты и для опытных исследователей, вооруженных знанием многих особенностей хранения и систематизации архивных документов. Тем не менее практика школьного литературного краеведения свидетельствует о возможности и плодотворности подобного рода разысканий там, где уровень литературно-краеведческой работы достаточно высок, а учащиеся по-настоящему увлечены своими поисками.

Помимо других источников, к архивным материалам обращаются члены упомянутого литературно-краеведческого клуба «Родник» (г. Улан-Удэ), работающие над темой «Влияние русской классической и советской литературы на становление и развитие бурятской советской литературы». Тема эта мало изучена, «почти нет исследовательских работ по данному вопросу, сведения о переводах русских... писателей на бурятский язык пока не систематизированы. Поэтому исследовательский и литературный поиск юных краеведов «Родника» не всегда был легок. Иногда ради нескольких строчек, ради упоминания того или иного автора, даты приходилось... перечитывать много книг, уточнять, сверять факты. Часто в основу поиска брались данные, полученные при встречах с писателями, поэтами-переводчиками, из архивных материалов. Трудно, но приятно радость успеха!»¹. Ученик одной из Куйбышевских школ, готовя доклад «А. Н. Островский в Самаре», обнаружил в областном архиве воспоминания Головиной-Вороной о чтении Островским в ее доме пьесы «Свои люди — сочтемся», выяснил дату одного из приездов драматурга в Самару, уточнил, просматривая адресные книги за многие годы, место, где он останавливался, приезжая в город на Волге. Важна была в этом случае роль учителя: он руководил исследовательской работой ученика, направлял его поиски, не подавляя его инициативы, не лишая ученика радости самостоятельных открытий². Материалы, найденные в Алтайском краевом архиве, помогли краеведам школы № 27 г. Барнаула ответить на вопросы, связанные с историей поступившей в их школьный музей бронзовой медали, выпущенной к столетию со дня рождения А. С. Пушкина. Они понадобились также в связи с просьбой писателя Е. Н. Пермитина выслать ему сведения о событиях в Барнауле в феврале — мае 1917 г., нужные для творческой работы³.

Стимулом в развитии исследовательских способностей учащихся, их интереса к краеведению может стать и обращение учителя к архивному документу на уроке. Так, учительница школы № 20 г. Казани Р. В. Вайсенберг, знакомя своих учеников с биографией Пушкина, удачно включила в свой рассказ сообщение военного губернатора Нижнего Новгорода казанскому губернатору об учреждении за великим поэтом секретного полицейского надзора во время его пребывания в Казанской губернии. «Этот краеведческий материал ярко и конкретно раскрывает трагическую судьбу русского гения в эпоху николаевской реакции. Каж-

¹ Литература в школе, 1979, № 3, с. 51.

² См.: Прессман Л. П. Литературное краеведение в средней школе, с. 55—56.

³ См.: Остера Г. Л. М. Литературно-краеведческий музей в школе. — В кн.: Литературное краеведение в школе, с. 79, 82.

дый шаг неугомонного поэта представлял опасность для николаевского трона. (...) Этот документ объясняет поспешность, с которой столичный гость покинул наш город»¹. В литературно-краеведческой работе с учащимися используются экспозиции и фонды краеведческих и литературных музеев². Интересны в этой связи рекомендации П. В. Куприяновского, рассказывающего об экспонатах Ивановского краеведческого музея, о хранящихся там древнерусских рукописных книгах, редких живописных произведениях, писательских автографах³, Л. М. Котельниковой — о возможности использования материалов Гос. музея Татарской АССР (Краеведческого музея) в Казани при изучении темы об А. С. Пушкине и декабристах⁴. Бывает и так, что сами ученики активно участвуют в подготовке экспозиции литературного музея. Члены литературно-краеведческого кружка восьмилетней школы с. Спас-Угол Талдомского р-на Московской области помогли оформлению музея М. Е. Салтыкова-Щедрина в своем селе, нашли для него старинную мебель, в том числе и мемориальную⁵.

Значительное место в школьной литературно-краеведческой работе занимают мемуары, как опубликованные, так и устные, записываемые самими учащимися воспоминания близких к писателям, как правило, вызывает большой интерес учеников, обогащает их представление о личности писателя живыми, подчас неожиданными деталями, «очеловечивает» ее. На уроке в 20-й Казанской школе, посвященном изучению жизненного и творческого пути А. С. Пушкина, прозвучали фрагменты из воспоминаний бывшего студента Казанского университета П. И. Мельникова (Андрея Печерского), а также казанской поэтессы А. А. Фукс, встречавшейся и переписывавшейся с Пушкиным, о его гибели. Исполненные большой эмоциональной силы, эти свидетельства весьма красноречиво убедили учеников в том, что горе в связи со смертью Пушкина было общероссийским горем, что оно потрясло всех русских людей, в том числе и в глубокой провинции⁶. А ученики школы № 41 г. Тулы воссоздавали по мемуарам личность Л. Н. Толстого, увлеченно изучая воспоминания о нем А. М. Горького, А. П. Чехова, книги С. Л. Толстого, Т. А. Кузминской,

¹ Котельникова Л. М. Роль литературного краеведения в активизации познавательной деятельности учащихся (Из опыта изучения биографии А. С. Пушкина в 8 классе). — В кн.: Вопросы воспитания познавательной деятельности и самостоятельности школьников. Казань, 1972, с. 232.

² См. кн.: Лошнин Н. П. Литературный музей и школа (пособие для учителя). М., 1976.

³ См.: Куприяновский П. В. О краеведческой работе в школе. — В кн.: Литературное краеведение в школе (В помощь учителю) Иваново, 1955, с. 16.

⁴ См.: Котельникова Л. М. Использование музейных экспозиций при изучении творчества А. С. Пушкина (К 175-летию со дня рождения). — Совет мектэбе (Казань), 1974, № 6.

⁵ См.: Нешумова Л. М. На родине Салтыкова-Щедрина (О работе литературно-краеведческого кружка). — Литература в школе, 1977, № 6, с. 66.

⁶ См.: Котельникова Л. М. Роль литературного краеведения в активизации познавательной деятельности учащихся, с. 232.

Л. Н. Толстой и А. М. Горький в Ясной Поляне. 1900 г.

В. Ф. Булгакова в процессе подготовки к конференции «Л. Н. Толстой — художник и человек»¹.

К старожилам Ясной Поляны обращаются ученики Яснополянской школы им. Л. Н. Толстого, работая над своей коллективной темой «Л. Н. Толстой и Ясная Поляна». «Многие поколения учащихся, начиная с 1955 г., записывали воспоминания крестьян Ясной Поляны о великом писателе, — рассказывает Г. Н. Пирогова, заслуженный учитель школы РСФСР, бессменный руководитель яснополянских краеведов. — Интересными они получились в рассказах Анны Копыловой, Веры Егоровой, Марии Макаровой, Ивана Шураева, Веры Ляпуновой и других. <...> Мы продол-

¹ См.: Осипчук Р. П. В школах Тульской области (О литературно-краеведческой работе) — Литература в школе. 1972, № 1, с. 72.

жаем и теперь эту работу, считая ее основной, так как она многому учит школьников, многое воспитывает в них. Учащиеся видят неразрывную связь Толстого с народом, глубокую боль за него великого писателя. У детей формируется представление о главных чертах личности писателя, интерес к его творчеству»¹.

Особенно заинтересовали ребят воспоминания В. С. Ляпуновой, вдовы крестьянского поэта В. Д. Ляпунова, чьи стихи высоко ценил Толстой. Волнующими были встречи учеников с этой старейшей жительницей Ясной Поляны. Она рассказывала о своей работе в доме Толстого (в качестве прислуги), о приходе писателя в их крестьянский дом для беседы с умирающим отцом, читала стихи своего мужа, любезно предложила краеведам часть своего архива. С докладом «Л. Н. Толстой и А. М. Горький в жизни поэта В. Д. Ляпунова» яснополянские учащиеся успешно выступили в г. Горьком на Всероссийском литературном празднике школьников, посвященном 110-летию со дня рождения М. Горького (1978 г.).

Юные яснополянские краеведы записывали рассказы крестьян и о Д. П. Маковицком, домашнем враче Толстого и авторе известных «Записок» о великом писателе, в 1972 и 1973 гг. ездили в Чехословакию, нашли дом, в котором родился Маковицкий, и его могилу, установили письменную связь с его дочерью, записали воспоминания его племянницы пани Лайдовой. Собранные ребятами материалы о Л. Н. Толстом и яснополянских крестьянах, о В. Д. Ляпунове, Д. П. Маковицком, художнике В. И. Россинском, запечатлевшем в серии своих рисунков последние дни Толстого (ребята и их руководитель совершили настоящее открытие Россинского, собрав едва ли не все возможное о его жизни и творчестве²), о поездке тульских детей к Толстому в июне 1907 г. вошли в экспозицию замечательного школьного музея в Ясной Поляне.

Старожилы своего района опрашивали школьники-краеведы Дома пионеров города Кимовска Тульской области (руководитель Н. В. Фелькин), и те рассказали ребятам о поездке Л. Н. Толстого в их родные места, об устройстве им обедов для крестьян во время голода, горячего питания для детей по сельским школам³.

В 1972 г. десятиклассники 1-й средней школы г. Тулы (руководитель Г. С. Епифанцева) собрали уникальный материал, пойдя по следам событий, изображенных Г. И. Успенским в очерке «Книжка чехов». Старейшие жители села Переволоки Возвратные Крапивенского района Тульской области (в очерке Успенского оно названо Распоясовым) рассказали ученикам то, что они слышали от своих отцов и дедов, — о страшном насильственном переселении крестьян этого села в другую местность, за 30 км от Переволок: земля, на которой находились Переволоки, после крестьянской реформы отошла к помещику. В течение трех лет, сгоняемые со своей земли помещиком, переволочане не строили домов, не обрабатывали землю, зимой жили в землянках, побирались по соседним деревням. Когда стали умирать дети, сопротивление было сломлено, крестьяне стали строиться на новом месте⁴.

¹ Пирогова Г. Н. Поиски и находки (Литературный музей Яснополянской школы им. Л. Н. Толстого).— В кн.: Толстовский сборник. Тула, 1982, с. 182, 184.

² См.: Пирогова Г. Н. Толстой в работах В. И. Россинского.— В кн.: Яснополянский сборник (Статьи, материалы, публикации). Тула, 1981.

³ См.: Дубцов В. Поиск ведут краеведы.— Коммунар (Тула), 1977, 30 янв.

⁴ См.: Баранова И., Ерохина Н., Сенчурова Е., Шитова Е. Нам очень повезло.— Коммунар, 1972, 4 июня.

Жители Переволок Возвратных (а именно так стало называться село с того времени, когда его жители, уже после Октябрьской революции, в о з в р а т и л и с ь в родные места) не были знакомы с очерком Г. Успенского, и, быть может, с тем большей очевидностью их рассказы подтверждали глубокую жизненную достоверность той части очерка, где рассказано о переселении села, о бедствиях его жителей. Рассказы жителей Переволок Возвратных, до этого никем не записанные, послужили учащимся прекрасным материалом для решения сложного вопроса о соотношении документальности и вымысла в очерке Г. Успенского.

Предания старожилов о Л. Н. Толстом записывали в терских станицах, где в 50-е годы прошлого века жил великий писатель, учащиеся IX класса средней школы № 106 г. Грозного. Нашли они и свидетелей приезда в Чечено-Ингушетию А. С. Серафимовича, его встреч с литераторами г. Грозного и Чечни¹.

Своеобразными источниками литературно-краеведческих познаний школьников являются памятные места наших городов и сел, специальная краеведческая литература, книги с дарственными надписями, фотографии, театральные программы. Немалое место в школьном литературном краеведении занимает и сбор — на местах — произведений устного народного творчества.

Памятные места, привлекающие участников многочисленных экскурсий и походов, без которых немислима краеведческая работа, «помогают нам мысленно перенестись в другую эпоху, увидеть знакомых художников, писателей, артистов, музыкантов, ближе познакомиться с теми, кого мы мало знаем...»². Ленинградская учительница А. Ю. Левина пробуждала у своих учеников интерес к Пушкину, используя памятники города Пушкина и проводя непосредственно в нем урок-экскурсию «Пушкин в Лицее». У памятника Пушкину-лицейсту (работы скульптора Р. Баха) слушались сообщения о детстве поэта, его няне Арине Родионовне, об истории создания памятника, звучали пушкинские стихи³. Феодосийская учительница Э. А. Беднарчик провела занятие, посвященное пребыванию А. М. Горького в их городе, в Феодосийском порту. На этом занятии давались сведения о работе здесь великого пролетарского писателя, читались отрывки из рассказа «Коновалов», шла речь о контрасте между описанием труда в рассказе и трудом советских портовиков⁴.

Большое значение в углублении литературно-краеведческих познаний учащихся имеет специальная краеведческая литература. Р. В. Вайсенберг, учительница школы № 20 г. Казани, на уроках, посвященных изучению жизненного и творческого пути А. С. Пушкина, давала школьникам, увлеченным литературой, дифференцированные задания: подготовить сообщения о путешествии великого поэта по местам пугачевского восстания, об осмотре им Казани, о его встрече с А. А. Фукс и К. Ф. Фуксом,

¹ См.: Верольский Ю. Б. Литературно-краеведческая работа в школе (Из опыта работы). Грозный, 1961, с. 7—8.

² Духан Я. С. Эстетическое воспитание в школе. Л., 1962, с. 106.

³ См.: Левина А. Ю. По пушкинским местам Ленинграда.— Литература в школе, 1966, № 3, с. 63.

⁴ См.: Беднарчик Э. А. Краеведческий кружок «Феодосия литературная». — Литература в школе, 1964, № 3, с. 63.

о беседе с казанским суконщиком В. П. Бабиным; при этом рекомендовались работы казанских ученых и краеведов Е. Г. Бушканца, В. А. Климентовского, В. Ханжина, Н. Васильева и других¹. К местной краеведческой литературе, малоизвестной широкому читателю, из которой можно было почерпнуть ценные сведения, обращались учащиеся Троицкой средней школы Сахалинской области, члены клуба следопытов «Поиск», изучая тему сахалинского путешествия А. П. Чехова (работы М. В. Теплинского, Б. Н. Бурятова)².

Ценным литературно-краеведческим источником может стать редкая книга. Ученик одной из куйбышевских школ подготовил экскурсию в Куйбышевский дом-музей А. М. Горького. Во время этой экскурсии он обратил внимание своих товарищей на хранившиеся в музее книги с дарственными надписями, сумел рассказать о людях, которым Горький дарил книги, обратить внимание на те отношения, которые были у него с этими людьми во время пребывания великого писателя в Самаре. Так экскурсия в музей обогатилась маленьким открытием ученика, которое заинтересовало ребят, расширило их представление о пребывании Горького в их городе³. Книги из личной библиотеки Д. А. Фурманова разыскивали учащиеся школы № 81 г. Куйбышева и школы № 38 г. Москвы во время шлюпочного похода по Волге, а в 1958—1961 гг., по заданию Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина, собрали старинные книги и древние рукописи на реке Керженец, в Горьковской, Брянской, Гомельской областях⁴.

Для юных литературных краеведов большой интерес могут представить редкие фотографии, программы театральных спектаклей или концертов. Так, куйбышевские ученики-краеведы, собиравшие материалы о жизни Н. Г. Гарина-Михайловского в Самаре, у одного из современников писателя, его сослуживца, обнаружили уникальную, нигде не публиковавшуюся фотографию Гарина, снятого на испытании только что построенной железной дороги Кротовка — Сургут⁵. Подобного рода находки могут стать началом интереснейшего поиска, связанного с обнаружением истории фотографии, датировки ее и т. д. Свыше 600 фотографий, из них около 80 подлинных, имеющих отношение к жизни и творчеству К. Г. Паустовского, помимо множества других экспонатов, собрали в результате путешествия по местам, связанным с писателем, члены литературно-драматического кружка школы № 456 г. Москвы, организовавшие у себя в школе музей Паустовского⁶.

Ученики-краеведы школы № 27 г. Барнаула заинтересовались найденной ими программой концерта в реальном училище и женской прогимназии города, посвященного столетию со дня рождения А. С. Пушкина. Перед ними воочию предстал факт из истории культурной жизни их родного города, потребовавший дальнейших поисков, анализа, выводов⁷.

¹ См.: Котельникова Л. М. Роль литературного краеведения в активизации познавательной деятельности учащихся, с. 228.

² См.: Солодовников И. Е. По чеховским местам Сахалина, с. 60—61.

³ См.: Прессман Л. П. Литературное краеведение в средней школе, с. 57.

⁴ Он же. Педагогическое значение походов по литературным местам.— В кн.: Активизация преподавания литературного краеведения в средней школе. М., 1961.

⁵ Он же. Литературное краеведение в средней школе, с. 56.

⁶ См.: Квитко З. В. Учащиеся создали музей Паустовского.— Литература в школе, 1979, № 2.

⁷ См.: Остерга Л. М. Литературно-краеведческий музей в школе, с. 81.

Своеобразной разновидностью школьного литературного краеведения является соби́рание местного фольклора, приобщение школьников к богатствам устного народного творчества. «Работа по сбору местного фольклора носит уже массовый характер, — пишет учительница-словесница Р. А. Масленникова, много сделавшая со своими учениками по соби́ранию фольклора Орловской области. — Воспитательное значение ее очень велико: ребята получают первоначальные навыки исследовательской работы, на великолепных образцах народной поэтической речи воспитываются вкус и эстетические чувства учащихся»¹. В Карлинской средней школе Игнатовского района Ульяновской области сбором фольклора начали заниматься еще в 20-е годы: «Одни уходили, другие приходили, а эта традиция оставалась. Записаны тысячи частушек, сотни пословиц и поговорок. Собраны интересные материалы о сказителях, певцах, сказочниках. (...) Многие из собранного отослано в Москву, Куйбышев, Ульяновск»². Секция по сбору фольклора литературно-краеведческого кружка школы села Бершты (Белоруссия) занималась записью местных вариантов известных народных песен, изучением местного говора³. Богатейший фольклорный материал собрали ученики школы села Илек Оренбургской области⁴, записывались народные предания и легенды, связанные с топонимикой края⁵, предания о писателях. Фольклор связан с литературой: в школе-десятилетке села Спасское-Лутовиново Орловской области ученический вокальный ансамбль на школьном празднике «И. С. Тургенев и музыка» исполнял старинные народные песни, которые так любил и о которых столь проникновенно рассказал в своих произведениях автор «Певцов»⁶. Школьники г. Городца Горьковской области собирают и изучают революционные песни и частушки сормовских рабочих по связи с романом А. М. Горького «Мать»⁷.

«Помочь учащемуся самому найти, увидеть, познать, эмоционально пережить радость открытия — вот истинный путь обучения и воспитания», — писал, имея в виду литературно-краеведческую работу в школе, большой ее энтузиаст П. И. Ковешников⁸. Обращение учащихся к краеведческому материалу «дает возможность участвовать хотя бы в очень небольшом, но оригинальном исследо-

¹ Масленникова Р. А. Использование краеведческого материала на уроках литературы. — В кн.: Люби и знай свой край. Орел, 1960, с. 84.

² Селиванов К. А. Внеклассная работа в школе. Куйбышев, 1955, с. 9.

³ См.: Лепешев И. Я. Литературно-краеведческий кружок (Из опыта работы). Минск, 1969, с. 29—44.

⁴ См.: Прокофьева А. Г. Литературное краеведение в школах Оренбуржья, с. 38.

⁵ См.: Селиванов К. А. Внеклассная работа в школе, с. 3; Лепешев И. Я. Литературно-краеведческий кружок (из опыта работы), с. 9—12.

⁶ См.: Мусиенко Н. «Когда вы будете в Спасском...» — Учительская газета, 1980, 28 окт.

⁷ См.: Галочкин Н. М. Как я использую краеведческий материал. — Литература в школе, 1966, № 3, с. 71.

⁸ Ковешников П. И. По маршрутам «Слова о полку Игореве», с. 10.

вании»¹, вырабатывает драгоценные качества умения использовать самые различные источники в конкретных исследовательских целях, приобщает к методике научного поиска, к работе с библиографией, учит анализу и обобщению. Все это трудно переоценить, учитывая назревшую необходимость улучшения качества обучения в условиях современной школы, вооружения учащихся научной методологией, умения самостоятельно ориентироваться во все возрастающем потоке научной информации.

Значение литературного краеведения в средней школе определяется и его связью с экологией, с актуальными проблемами охраны окружающей среды, воспитания в детях любви к родной природе, красоте родного пейзажа, заботы о сохранении и приумножении производительных сил природы. Во многих школах практикуется использование на уроках и вне класса произведений местных писателей, а также местного фольклора, воспевающих родную природу². «Все события в эпосе «Калевала» разворачиваются на фоне северной природы,— пишет З. М. Упорова в книге об изучении «Калевалы» в карельской школе.— Природа в эпосе как бы одно из действующих лиц, сопровождающих героев и в радости, и в горе, и в труде, и в бою. Руны «Калевалы» немолчно восхваляют природу, ее мудрую целесообразность, ее вечную красоту. (...)> Донести до учащихся этот мир, помочь им увидеть его неповторимое своеобразие, его удивительную красоту; помочь ученикам «всмотреться» в природу, а значит, более осознанно полюбить ее — главная задача учителя на уроке, посвященном природе в эпосе «Калевала»³. Ученики школы-десятилетки села Спасского-Лутовинова Орловской области, расчистившие тургеневский парк и участвующие в работе музея И. С. Тургенева в качестве экскурсоводов, ученики восьмилетних школ Тульской области — Больше-Скуратовской, посадившие молодые деревца на Бежином лугу, и села Мишенского Белевского района, занявшиеся посадками на том холме, на котором располагалась усадьба Буниных, место рождения В. А. Жуковского,— эти ребята, можно надеяться, не пройдут равнодушно мимо нерадивого отношения к природе или к памятным местам, сами сделают в будущем все возможное, чтобы их родная земля стала краше и лучше. Защита и охрана природы неразрывны для них с тем, что

¹ Вылгина Н. С. Использование материалов литературного краеведения на уроках.— В кн.: Методические рекомендации по историческому и литературному краеведению (в помощь учителю). Хабаровск, 1974, с. 52.

² См., например: Баркина О. М. Литературное краеведение на уроках внеклассного чтения в IV классе.— В кн.: Литература и фольклор Забайкалья (Краеведческий сборник в помощь учителю). Иркутск, 1975, вып. I, с. 168; Михайлюк К. Я. Патриотическое воспитание школьников на краеведческом материале.— Литература в школе, 1977, № 3, с. 71—73; Кабанова Е. Н. Беседы о бережном отношении к природе.— Литература в школе, 1981, № 5, с. 55.

³ Упорова З. М. «Калевала» в школе, с. 35—36. Об активной работе по изучению произведений устного народного творчества в школах Татарии см.: Исламов Ф. Ф. Использование краеведческого материала во внеклассной работе по родной литературе в целях развития речи, с. 141—142.

академик Д. С. Лихачев называет экологией культуры, необходимостью бережного отношения к памятникам истории и культуры, а часто и прямого спасения их.

Мощным стимулом развития школьного литературного краеведения стали проводимые в последние годы массовые мероприятия, Всероссийские экспедиции пионеров и школьников «Мое Отечество» и «Моя Родина — СССР», литературные праздники школьников. Интересным и полезным делом стало создание школьных литературно-краеведческих музеев, наметились плодотворные связи школы с местными отделениями общества охраны памятников истории и культуры и любителей книги. Школьники села Алешунино Владимирской области, где находилась усадьба отца Н. А. Некрасова и не раз бывал сам великий русский поэт, определили расположение фундамента дома, сейчас там разбит газон, лежит памятный камень. Ученики школы-интерната поселка Огни Дагестана, собирающие для своего школьного музея материалы о жизни и деятельности журналиста А. Хамадана, погибшего в годы Великой Отечественной войны, добились установления мемориальной доски в Дербенте, где прошли его детство и юность. Школьники поселка Шолоховский явились инициаторами установления монументального обелиска «Воинам Игоревой рати» (героям «Слова о полку Игореве») на Караул-горе близ Белой Калитвы на берегах Северского Донца. Нередки случаи, когда в школы приходят местные книголюбцы, демонстрируют редкие книги, рассказывают их историю, знакомят учащих с яркими страницами культурной истории родного края.

Успехи школы в творческом применении литературного краеведения к обучению и воспитанию несомненны, они во многом определены самоотверженной работой многих замечательных учителей, больших энтузиастов литературно-краеведческой деятельности. К сожалению, далеко еще не все школы используют богатые возможности литературного краеведения, им не занимаются подчас там, где оно могло бы дать великолепные результаты, его успехи все еще зависят в основном от личной инициативы отдельных энтузиастов. Назрела необходимость введения краеведения как обязательного учебного предмета.

Есть узкие места и в самой постановке школьного литературного (и не только литературного) краеведения. Слаба еще связь между учителями, ведущими эту работу, недостаточно налажен обмен опытом на пользу общего дела, сказывается отсутствие координационного центра. Оставляет желать лучшего постановка школьной литературно-краеведческой работы как системы, «когда все основные разделы курса будут разумно насыщены локальным материалом, подкреплены проведением систематической внеклассной работы, проведением факультативных занятий»¹. Лишь продуманная система литературного краеведения в школе от класса

¹ Вылгина Н. С. Использование материалов литературного краеведения на уроках, с. 64.

к классу, учитывающая все дидактические требования, охватывающая — в нарастающей сложности — разнообразные виды и формы этих занятий, может привести к надлежащему эффекту. Еще мало уделяется внимания сбору и использованию на занятиях устного народного творчества, а ведь это серьезный резерв той огромной работы, которая проводится сейчас в стране по составлению Свода фольклора народов СССР.

Серьезная задача школьного литературного краеведения — повышение культуры работы с источниками, в первую очередь изучение текста художественного произведения. Литературное краеведение должно стать и одним из эффективных средств повышения библиографической культуры учащихся, приобщения их к безграничному и прекрасному миру книжных богатств, обучения необходимому для них умению в нем ориентироваться: ведь именно с библиографии начинается краеведческий поиск.

§ 2. ЛИТЕРАТУРНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Идеологическую направленность вузовских теоретико- и историко-литературных курсов определяет задача формирования нового человека, патриота и интернационалиста, гордого чувством принадлежности к единой великой Советской Родине. Решению этой задачи способствует литературное краеведение, совершенно необходимое для будущего учителя-словесника и помогающее решению главной задачи учебно-воспитательной работы — подготовке учителей высокой специальной квалификации и широкой общей культуры, проблемному пониманию изучаемого студентами материала, самостоятельной исследовательской работе. Литературное краеведение имеет большое значение и в связи с тем вниманием, которое наша партия уделяет сельской школе. Именно в условиях сельской школы умело поставленная работа по литературному краеведению может явиться весьма эффективным средством воспитания у учащихся любви и преданности родным местам, стремления сделать как можно больше для своего села, колхоза или совхоза на благо всей Советской страны. На большое значение краеведческой ориентации трудового воспитания учащихся обращено внимание в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании обучения, воспитания учащихся общеобразовательных школ и подготовки их к труду» (1977).

К краеведческой работе будущего учителя-словесника надо готовить: ведь именно он будет ее организатором в школе завтрашнего дня. В этом отношении в пединститутах делается немало как в учебном, так и в научно-исследовательском аспекте. Опыт литературного краеведения в высших школах Российской Федерации (а он теснейшим образом связан с опытом литературного краеведения в средней школе: между средней и высшей школами существует живая преемственность) нашел свое отражение в книге А. И. Ревякина «Проблемы изучения и препода-

вания литературы» (1972), в книгах и статьях М. Д. Янко, Е. Г. Бушканца, Н. С. Травушкина, П. Е. Емельянова, Л. М. Котельниковой, А. В. Рыжеволовова, Л. Г. Басыровой, Ф. Ф. Исламова, Н. А. Терениной, М. Г. Рахимкулова и других. Дальнейшее накопление опыта, обмен им, выработка конкретных рекомендаций, разработка теоретических основ литературного краеведения — одна из актуальных задач вузовской методики преподавания литературы.

В методическом письме ученой комиссии по литературе Главного управления высших и средних педагогических учебных заведений Министерства просвещения РСФСР о литературном краеведении в педагогических институтах (1974) справедливо говорится о том, что вузовское литературное краеведение на местах многоаспектно, что выбор направления, видов и форм литературно-краеведческих занятий зависит от ряда причин: степени многообразия связей того или иного края, в котором расположен пединститут, с русской или другой национальной литературой, степени интенсивности литературной жизни края в наши дни, наличия преподавателей, интересующихся проблемами краеведения, существующих на кафедре традиций и т. д. Отсюда и преимущественное внимание, которое в одних институтах уделяется теории вузовского литературного краеведения, в других — научным изысканиям в этой области, в третьих — учебной работе с активным использованием литературно-краеведческих источников. Но какой бы аспект ни обрело литературное краеведение в том или другом институте, при серьезной его постановке оно оформляется в определенную систему.

В первый же день начала учебных занятий как на стационаре, так и на заочном отделении Тульского пединститута им. Л. Н. Толстого вчерашние абитуриенты едут на экскурсию в Ясную Поляну, причем часто их экскурсоводами оказываются студенты старших курсов, прошедшие практику экскурсионной работы в Яснополянском музее. Так осуществляется преемственность студенческих поколений в познании великого толстовского наследия. Вскоре после этого первокурсники идут на экскурсию по литературным местам Тулы, получая при этом представление и о богатстве литературной жизни края в целом.

Таким образом, первый этап работы носит ознакомительный характер. Мы придаем большое значение этому этапу: он должен быть самым массовым, через него, по возможности, должны пройти все студенты, поступившие в наш институт. Ведь степень подготовленности молодых людей, перешагнувших институтский порог, в области литературного краеведения неравноценна. Некоторые из них обладают известными навыками литературно-краеведческой работы: в городе и области есть педагоги — настоящие энтузиасты литературного краеведения, и они передают эстафету своим ученикам. Бывают и такие счастливые случаи, когда первокурсники оказываются людьми с «выношенными» литературно-краеведческими темами, с уже накопленным материалом (так

было, к примеру, с выпускницей школы № 1 г. Тулы И. Барановой, участницей школьного литературно-краеведческого факультатива и экспедиции по местам Тульского края, связанными с очерком Г. И. Успенского «Книжка чехов»; накопленный в школе материал стал основой доклада студентки на заседании литературно-краеведческого кружка, а затем курсовой работы). Но в целом, как показывает опыт, не следует переоценивать познаний первокурсников, в большинстве своем имеющих весьма слабое представление о литературных богатствах своего края.

Последующие этапы направлены на обогащение литературно-краеведческих знаний студентов (студенты узнают о литературном краеведении как литературоведческой дисциплине, о месте его в системе литературоведческих наук, о его источниках, различных типах литературно-краеведческих исследований и т. д.), на усиление самостоятельной работы, на привлечение тех, кто проявил склонность к литературному краеведению, к научно-исследовательской деятельности, а также к общественно полезной работе в этой области.

Со студентами, заинтересовавшимися литературным краеведением, ведется кропотливая работа, сочетающая формы занятий в спецкурсе, литературно-краеведческом кружке с индивидуальными консультациями. Она завершается конкретным результатом: написанием курсовой или дипломной работы, докладом на научной конференции, участием в конкурсе научных студенческих работ, публичным выступлением и т. д.

Система литературно-краеведческой работы осуществляется при помощи разнообразных методов: лекций, практических и семинарских занятий, контрольных и курсовых работ, проведения внеаудиторных занятий.

В качестве начальной формы краеведческий материал вводится нами в лекционные курсы устного народного творчества и древней русской литературы (читаются на первом курсе), в изложение тем, предусмотренных программой. Он используется в примерах, подтверждающих общие положения, обогащает их фактами, которые вызывают интерес студентов, побуждают их к самостоятельному разысканиям. В условиях почти постоянной нехватки времени, отводимого на учебные занятия, очень важно «овладеть умением отбора и ...умением определить место, время, форму и количество краеведческого материала, умением использовать самое важное и интересное в учебных целях»¹.

Во введении к курсу устного народного творчества, показывая прочную связь фольклора с русской художественной литературой, обращаем внимание на рассказ И. С. Тургенева «Певцы», в котором великий писатель прославил народных певцов нашего родного края, в историографическом обзоре упоминаем известных собирателей русского фольклора, живших и работавших в Тульском крае (И. П. Сахаров, П. В. Киреевский), говорим о большом интересе к устному народному творчеству Л. Н. Толстого. Во многом на примерах песенных богатств Тульского края строится изучение темы «Календарно-обрядовая и семейно-обрядовая поэзия», при характеристике устных рассказов, сказов, преданий в ра-

¹ И в а н о в П. В. Педагогические основы школьного краеведения, с. 59—60.

бочем фольклоре затрагивается вопрос об источниках «Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе» Н. С. Лескова.

В курсе древней русской литературы, при изучении произведений, связанных с Куликовской битвой, учитываем особое значение этого исторического события для нашего края (Куликово поле расположено на территории нынешнего Куркинского района Тульской области) и считаем возможным выйти за рамки программы, дать сжатый обзор последующих произведений, связанных с темой Куликовской битвы (М. В. Ломоносова, В. А. Жуковского, К. Ф. Рыльева, В. А. Озерова, Н. М. Языкова, А. А. Блока, В. Саянова, С. Бородина и других). Когда позволяют время и возможности, одно из практических занятий по древней русской литературе проводится в областной библиотеке им. В. И. Ленина или в областном краеведческом музее, где студенты имеют счастливый случай ознакомиться со старинными рукописными книгами XV—XVII вв., изданиями XVII в. Знакомство студентов со старинными книгами многое дает для уяснения специфики древней русской литературы, воспитывает любовь к книге, чувство воплощенного в том или ином издании колорита эпохи.

Мы проводили экскурсию студентов-первокурсников в областной Художественный музей, где они ознакомились с экспозицией живописных полотен XVI—XVII вв. Это знакомство способствовало приобщению студентов к миру русского средневекового искусства, миру, очень далекому от них по своим темам, образам, особенностям художественного воплощения и вместе с тем тысячу нитями связанному с современностью. Ведь «в наши дни (для многих неожиданно-негаданно!) художественные явления средних веков — произведения живописи, музыки, архитектуры — стали живой и зримой действительностью; в бурных ритмах современности звучали соразмерные напевы древнерусского искусства, а краски, которые вчера еще представлялись блеклыми, становятся цветом, светом и воздухом эпохи»¹. Студенты узнали о поисковой работе музея, о приемах и способах реставрации древних живописных произведений, о том, что интереснейшие произведения древнерусского искусства можно обнаружить в тех самых местах, где мы живем. Помимо экскурсий в столичные музеи и картинные галереи, экскурсий чрезвычайно полезных, но не всегда легко осуществимых, следует максимально использовать возможности местных «областных культурных гнезд»: в фондах областных библиотек, литературных и краеведческих музеев, музеев изобразительных искусств всегда найдутся интересные материалы, имеющие отношение к историко-литературным курсам, читаемым в пединститутах.

Углубляя и усложняя проблематику по сравнению с предшествующими курсами, в лекциях по русской литературе первой половины XIX в. (2-й курс) мы выделяем краеведческий момент в литературоведении, обращая внимание студентов в обзоре пособий и на наиболее значительные работы по литературному краеведению, говорим о значении краеведческих материалов в решении проблемы формирования личности писателя, его мировоззрения (на примере жизненного и творческого пути В. А. Жуковского, связанного с Тульским краем), творческой истории художественного произведения (на примере «Горя от ума» А. С. Грибоедова, работа над которым происходила и в Тульском крае), жизненной основы произведения (элегии Жуковского, стихи М. Ю. Лермонтова, имеющие отношение к Тульскому краю и т. д.). Возможно использование краеведческого материала, выходящего за рамки программы (например, поэты-декабристы, жившие в Тульском крае). Такой материал способствует и более яркому воссозданию облика писателя, малоизвестного студентам (например, поэта Н. Г. Полетаева, автора замечательного стихотворения «Портретов Ленина не видно» (1923) стоящего у истоков поэтической Ленинианы; уроженца г. Одоева Тульской области). На практических занятиях по советской литературе в Тульском пединституте, посвященных изучению политики партии в области художественной литературы (20-е годы), в числе других вопросов рассматривается и деятельность тульского Пролеткульта, позволяющая конкретно представить работу Пролеткультов на местах, часто противоречивую теоретическим установкам идеологов организации. Местный материал органично включается, таким образом, в ход общего развития советской литературы, весьма наглядно иллюстрирует теоретические положения, связанные с начальным этапом ее развития.

¹Осетров Е. Живая древняя Русь (повесть о великом, добром и вечном). М., 1970, с. 6.

Не более двух лекций и одного практического занятия отводится по программе на изучение поэтического наследия Ф. И. Тютчева в педагогических вузах. Но в Брянском пединституте, находящемся в том крае, где поэт родился и с которым у него так многое было связано, этой теме уделяется особое внимание. Здесь и спецсеминар, посвященный изучению жизни и творчества Тютчева, и написание дипломных и курсовых работ, и рефераты в научном студенческом обществе, и выставки в литературном кабинете, и практическое занятие «Тютчев и родной край» с использованием фотографий, репродукций портретов, рисунков, картин, помогающих студентам войти в ту обстановку, в которой жил и творил поэт, с прослушиванием (в грамзаписи) романсов на его слова, и многое другое¹.

Особое значение в системе вузовских занятий литературным краеведением имеют спецкурсы и спецсеминары. Они охватывают значительное количество студентов, позволяют вооружить их целостной системой знаний, умений, навыков, пробуждающих и развивающих их исследовательские способности, а также необходимых им для проведения литературно-краеведческой работы в школе как на уроках, так и во внеклассное время, для проведения школьного факультатива по литературному краеведению, руководства кружком, организации походов и экскурсий, школьного литературно-краеведческого музея и т. д. Проведение спецкурсов и спецсеминаров по литературному краеведению — дело глубоко творческое. «Для спецсеминаров (литературно-краеведческого характера.— Н. М.) нет и не может быть общеобязательных тем, повторяющихся из года в год, так как содержание занятий в значительной мере зависит от интересов ежегодно обновляющегося состава студентов и руководителя спецсеминара», — пишет Л. Г. Басырова, справедливо подчеркивая, что это соотношение ни в коей мере не предполагает произвола, что содержание спецсеминара должно отвечать высоким идейным и научным требованиям². О ежегодном обновлении плана своего спецкурса «Литература родного края» говорит и М. Д. Янко³.

Разнообразны самые принципы организации и построения спецкурсов: историко-хронологический (в основе его лежит рассмотрение развития литературы родного края в ее поступательном движении), жанровый (изучение определенного рода или жанра в литературно-краеведческом аспекте), проблемно-тематический (анализ основных вопросов в художественном творчестве писателей родного края, например: тема революции и гражданской войны в Поволжье), обзорного характера (развитие дореволюционной и советской литературы родных мест), монографического типа, посвященный одному писателю (например, «Н. А. Некрасов и Ярославский край»).

¹ См.: Чижевский Е. А., Самочатова О. Я. Живопись и музыка при изучении творчества Тютчева в пединституте.— В кн.: «В Россию можно только верить...». Ф. И. Тютчев и его время. Тула, 1981.

² Басырова Л. Г. Организация спецсеминаров по литературному краеведению со студентами педвузов Башкирской АССР.— В кн.: Подготовка студентов пед. вузов к краеведческой и природоохранительной работе с учащимися. М., 1974, с. 125.

³ См.: Янко М. Д. Спецкурс по литературе родного края в педагогическом институте.— В кн.: Из опыта преподавания литературы в педагогическом институте. Челябинск, 1973, с. 23.

Важным аспектом работы спецсеминара или спецкурса по литературному краеведению является ознакомление студентов с поисками и находками преподавателя, приобщение их к увлекательнейшему миру научных разысканий. Пример такого рода приводит М. Д. Янко, рассказывающий об одном из малоизвестных писателей Зауралья Б. А. Тимофееве, который жил некоторое время на Капри, близко познакомился с Горьким, печатался в большевистском журнале «Просвещение» вместе с В. И. Лениным. «Замечательное соседство! Возникает ряд вопросов: почему этот рассказ (речь идет об одном из рассказов Тимофеева, помещенном в «Просвещении». — Н. М.) заинтересовал редакцию? Чем объяснить его появление на страницах большевистского журнала? Как эта связь развивалась в дальнейшем? Подобные вопросы, поставленные в лекции, заставляют студентов быть своего рода участниками поисков, вызывают интерес слушателей»¹.

На пробуждение самостоятельного мышления студентов, на развитие их исследовательских способностей, умение работать с источниками во многом рассчитан спецкурс «Литературное краеведение (история, источники, теория)», читаемый в Тульском пединституте. Во многом обращенный к литературным богатствам Тульского края, спецкурс строится по общим проблемам истории, источниковедения и теории литературного краеведения как своеобразной литературоведческой дисциплины. На самостоятельные разыскания нацеливают студентов и зачетные задания по этому спецкурсу. На основе их выполнения были подготовлены содержательные доклады, курсовые, дипломные, конкурсные работы. Так, студентки Л. Хаустова и Е. Потапова выступили на IX Тульской областной научно-практической конференции по краеведению (1978) с докладами о художественном отражении Тульского края в романах Л. Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина». В докладе Е. Потаповой была сделана интересная попытка обоснования гипотезы об отражении в «Анне Карениной» впечатлений, почерпнутых ее автором в городе Богородицке бывш. Тульской губернии, в имении гр. Бобринского. Грамотой на институтском конкурсе научных студенческих работ (1980) была отмечена работа Н. Перцевой о тульской премьере комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения». В 1981 г. А. Шадская успешно защитила дипломную работу на тему «Народные рассказы о Л. Н. Толстом. Проблема жанра (По материалам фольклорных экспедиций студентов ТГПИ 1978 и 1979 годов)», в 1982 г. — О. Подъемщикова на тему: «Личность Л. Н. Толстого в народном восприятии по рассказам крестьян о великом писателе». Еще в годы учения в средней школе Подъемщикова записала рассказ бывшего яснополянского крестьянина Г. В. Гузеева о его встречах с Толстым и о той роли, которую сыграл писатель в его личной судьбе. А. Шадская и О. Подъемщикова выступили с докладами по темам своих дипломных работ на XVII Толстовских чтениях (1982 г.) в Туле.

Нельзя не согласиться с одной из студенток Курганского пединститута, написавшей по поводу прослушанного ею спецкурса по литературному краеведению: «Спецкурс очень нужен, так как невозможно быть воспитателем и не знать замечательных людей своего края. Иначе можно попасть в неудобное положение перед учениками, ведь они с каждым годом становятся все более развитыми и знают много»². Чтобы не «попасть в неудобное положение перед учениками», самому учителю надо не только много знать, но и работать творчески, быть в постоянном поиске, вла-

¹ См.: Янко М. Д. Спецкурс по литературе родного края в педагогическом институте. — В кн.: Из опыта преподавания литературы в педагогическом институте. Челябинск, 1973, с. 24—25.

² Там же, с. 26.

деть техникой литературоведческого исследования. Всему этому помогают и спецкурсы, спецсеминары по литературному краеведению. К примеру, спецкурс в Пензенском пединституте ставит своей целью «ознакомить студентов с методикой краеведческих разысканий, накопления краеведческого материала и составления соответствующей библиографии»¹. Культуре работы с источниками учит студентов спецкурс Тульского пединститута. Студенты, участники литературно-краеведческого семинара Башкирского пединститута (г. Уфа) «подбирают материал в Книжной палате Республиканской библиотеки Башкирской АССР, встречаются со старожилами, современниками писателя, знакомятся с письмами и воспоминаниями, составляют литературную карту и альбомы. Подобная работа, несомненно, способствует не только расширению читательского вкуса будущего словесника, но и развитию у них навыков исследования и изучения родного края»².

Развитию исследовательских способностей студентов способствуют и многие формы внеаудиторной работы (кружок, индивидуальное руководство научной работой студентов, литературные вечера с краеведческой тематикой, экскурсии, походы и т. д.).

В 1960 г. в г. Горьком вышел сборник «Писатели-нижегородцы (Забывшие имена)» под редакцией Л. М. Фарбера. Авторы почти всех статей, в нем помещенных, — студенты IV курса историко-филологического факультета Горьковского пединститута им. А. М. Горького, члены научного кружка при кафедре литературы. Молодые исследователи, как пишет Л. М. Фарбер во вступлении к этому сборнику, «с большой серьезностью отнеслись к написанию очерков о забытых нижегородских писателях, вдумчиво и кропотливо собирали материал в местных архивах, музеях, частных собраниях и т. д. Ведь то обстоятельство, что писать предстояло о «забытых» (или «полузабытых») писателях, приводило к необходимости материалы о них разыскивать. Это и усложняло работу, но и придавало ей особый интерес. Статьи молодых авторов ценны не только использованием найденных материалов (хотя уже введение в научный оборот новых документов — определенная заслуга), но и достаточно квалифицированным филологическим анализом. Авторы стремились не «приподнимать» забытого писателя, а научно добросовестно, обоснованно оценить сделанное им, вызвать из «забвения» то, что по-настоящему достойно возрождения, что должно быть достоянием нашей культуры и литературы»³.

Задачи исследовательского порядка ставит перед собой литературно-краеведческий кружок при кафедре советской литературы в Пермском пединституте: сбор данных о жизни и деятельности писателей, связанных с городом и краем, выявление имен писателей забытых или малоизвестных, разработка и уточнение

¹ Вишневский К. Д. Опыт чтения специального курса литературного краеведения в педагогическом институте. — В кн.: Научные доклады литературоведов Поволжья. Астрахань, 1967, с. 195.

² Басырова Л. Г. Организация спецсеминаров по литературному краеведению со студентами педвузов Башкирской АССР, с. 126—127.

³ Писатели-нижегородцы (Забывшие имена). Горький, 1960, с. 4.

карты литературных маршрутов по городу, работа по организации литературно-краеведческих кабинетов в школах Перми. Кружковцы заинтересовались пермяком Н. В. Мешковым, одним из прототипов горьковского Егора Булычова, нашли уникальную фотографию, подаренную Мешкову Горьким и Шалапиным, разыскали редкие фотографии Маяковского, сделанные в Перми. Им удалось поговорить со многими пермяками, присутствовавшими на выступлении Маяковского в Перми в 1928 г., записать их воспоминания. «Рассказы этих людей произвели на кружковцев сильное впечатление, подсказали ответ на невыясненные вопросы»¹. Кружковцы собрали ценные материалы о поэте Д'Актиле, авторе известного «Марша энтузиастов» (провел в Перми последние годы жизни). Книги поэта стали библиографической редкостью, значительная часть его архива погибла в Ленинграде, в годы Великой Отечественной войны. «Студенты установили связь с Ленинградским Союзом писателей, разыскали родственников Д'Актиля, его дочерей, знакомых, друзей... кое-что получили из личного архива писателя. Постепенно прояснился облик этого интереснейшего поэта-сатирика, черты его творческой индивидуальности. Не только сама работа, но и текстуальные приложения к ней представляют несомненный интерес для любого литературоведа»². Н. А. Теренина, руководитель литературно-краеведческого кружка в Пермском пединституте, верит в большую эффективность кружковой работы, отмечает целенаправленность и систематичность научного поиска, который осуществляется в кружке коллективно, в течение всех лет обучения студентов в институте. Такие темы, как «Горький и Пермь», «Маяковский и Пермь», «Д'Актиль — поэт-сатирик», разрабатывались не одним поколением кружковцев, коллективность и преемственность в их разработке во многом обеспечили высокую эффективность достигнутых результатов.

Интересна и своеобразна работа кружка древней русской литературы Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина (руководитель проф. Н. И. Прокофьев). Его члены ежегодно проводят экспедиции по примечательным местам нашей страны с исследовательскими целями изучения памятников истории и культуры: по северным областям (Псков, Вологда), по Волге (Ярославль, Ростов, Карабиха, Углич), по Украине (Киев, Новгород-Северск). В ходе экспедиций студенты работают над местными материалами музеев, архивов, библиотек. На их основе пишутся курсовые и дипломные работы, часто перерастающие в кандидатские диссертации.

Много лет существует литературно-краеведческий кружок при кафедре литературы Тульского пединститута им. Л. Н. Толстого. Студенты разрабатывают темы, связанные с отношением к Тульскому краю классиков русской и советской литературы: Л. Н. Толстого, В. А. Жуковского, Г. И. Успенского, Н. В. Успенского, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, поэтов-декабристов, М. Ю. Лермонтова, И. С. Тургенева, А. В. Сухова-Кобылина, А. П. Чехова, В. В. Вересаева, К. А. Федина и других. Они «открывают» страницы творчества советских писателей, вдохновленные родным краем (Н. Москвина, В. Кулемина, Н. Брауна, В. Дмитриевского, С. Малашкина, В. Немцова, В. Успенского), живо интересуются историей и современным состоянием литературной жизни Тульского края. Лучшие из работ за время существования кружка отмечены духом творческого поиска, исследовательской направленностью (о творческой истории драмы Л. Н. Толстого «Власть тьмы», о произведениях Г. И. Успенского, созданных на материале тульской действительности, о журналистской деятельности в Тульском крае Артема Веселого (Н. Кочурова), о жизни и творчестве поэта-земляка В. Л. Кулемина, прозаика Н. Я. Москвина). Создание этих работ потребовало долгих и тщательных разысканий, сличения различных вариантов и изданий произведений, обращения к дневникам писателей и их письмам, письмам близких им людей, периодике, архивным документам, мемуарной литературе, редким краеведческим изданиям, переписки с близкими писателя и т. д. Студентами составлена интересная картотека «Их имена связаны с нашим зданием» (здание, в котором размещается факультет русского языка и литературы ТГПИ, является памятником архитектуры второй половины XVIII в. В классической гимназии, находившейся здесь, не раз бывал Л. Н. Толстой, учились

¹ Теренина Н. А. Литературное краеведение в вузе. — В кн.: Фольклор и литература Урала. Пермь, 1973, вып. 3, с. 85.

² Там же, с. 88.

Дорогие друзья —
студенты Тульского пединститута
им. Л. Н. Толстого!

с любовью и глубоко изучайте жизнь
и творчество Александра Сергеевича Пушкина!

Общение с ним даст вам радость
познания Прекрасного, пищу для глубоких
размышлений, напутит человечностью,
правдивостью, требовательности к себе,
любви к Родине, верности в дружбе.

Интересной вам творческой жизни,
здоровья и счастья!

Июль 1974г.

Июль 1974г. (Клименко),
праправнучка
А. С. Пушкина

Автограф И. Е. Гишман (Клименко), праправнучки А. С. Пушкина, — в дар студентам Тульского пединститута им. Л. Н. Толстого.

В. В. Вересаев, П. С. Романов и поэт-революционер С. А. Басов-Верхожанцев, другие деятели отечественной науки и культуры), в результате краеведческого поиска выяснены некоторые малоизвестные факты биографии советского писателя П. С. Романова, учившегося здесь. Кружковцы встречались со многими писателями-земляками; со вдовой поэта-трибуна, большевика Макса Смирнова, поделившейся воспоминаниями о муже; с известным тульским умельцем, гравером М. И. Почукаевым, деятельность которого — живая иллюстрация к лесковскому «Левше»; старыми оружейниками, воочию видевшими картины, подобные воссозданным Г. Успенским в «Нравах Растеряевой улицы»; с Н. В. Рождественским, участником тульского революционного движения, общавшимся с В. В. Вересаевым в начале 900-х годов, когда писатель был выслан в Тульский край и находился под полицейским надзором; с краеведами В. И. Ботем и С. А. Расадневым, которые увлекательно рассказали о поисках материалов, связанных с жизнью туляка Николая Лисицына, одного из героев романа Н. А. Островского «Как закалялась сталь». Кружковцы не забудут встреч с Т. Н. Галиной, правнучкой А. С. Пушкина, которая рассказывала о детях поэта Марии Александровне и Александре Александровиче, живших в Тульском крае, с внучатыми племянницами Пушкина, тулячками Н. Б. Нейкирх и М. Б. Доро-

феевой. Надолго запомнились студентам и встречи в Москве с Е. Ф. Никитиной, организатором известных «Никитинских субботников» (в фондах музея Е. Ф. Никитиной хранится много ценнейших материалов о писателях, связанных с Тульским краем), с А. Д. Ротницким, старейшим деятелем Литфонда СССР, в июне 1907 г. организовавшим поездку детей тульских рабочих в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому.

В. Ф. Булгаков, личный секретарь Л. Н. Толстого и автор многих работ о нем, рассказал студентам о великом писателе, о своем знакомстве с Р. Ролланом, А. Эйнштейном, Р. Тагором и другими деятелями русской и зарубежной культуры. Незадолго до своей кончины В. Ф. Булгаков приехал на заседание кружка в институт и рассказал о полученном им неизвестном автографе Толстого. Магнитофонная запись этого рассказа (как и рассказа Т. Н. Галиной) — одна из реликвий кружка.

В альбоме «Дорогие гости и друзья нашего кружка» собраны автографы и фотографии тех, кто был дружен с кружком, желал ему успехов в работе: К. Федина, А. Твардовского, К. Симонова, В. Лидина, Н. Москвина, В. Успенского и многих других. «Знать свой край, прославлять свой край — это именно та верность, которую заведуют отцы своим детям, — записал в альбом В. Лидин. — Тульским краеведам в этом смысле и карты в руки: слава Тулы связана с великим именем Л. Н. Толстого, и не счесть тех, кто прославил Тулу и кого прославила Тула». А как хорошо сказал Н. Москвин: «В каждом городе есть краеведы, и все они делают большое и важное дело, но те из них, которые имеют право считать Ясную Поляну своей, входящей в их ведение, конечно, богачи, счастливее других!» Воспитательное значение таких записей трудно переоценить. Неизменно вызывая живой интерес студентов, альбом помогает в пропаганде литературно-краеведческих знаний, в работе по привлечению новых членов в состав кружка. Это наглядное хранилище его традиций (как и магнитофонные записи).

Кружок провел много литературно-краеведческих вечеров, иные из них представляли собой большие литературно-музыкальные композиции с демонстрацией слайдов — «Русские писатели и наш край», «По литературным местам нашего города». На экране воссоздавались портреты писателей и их современников, улицы, дома, мемориальные доски. По каждому объекту этой своеобразной заочной экскурсии давались, в чтении студентов, фрагменты из художественных произведений, мемуарной и эпистолярной литературы, была инсценирована сцена из комедии Л. Н. Толстого «Плоды просвещения» (по связи с тульской премьерой 1890 г.), прозвучал в грамзаписи голос В. В. Вересаева, произнесшего свое яркое «Слово о Толстом». Такой вечер проводился и для старшеклассников 11-й средней школы г. Тулы, его исполнителями были сами учащиеся под руководством студентов-практикантов. В этой школе, в содружестве с литературно-краеведческим кружком пединститута, было проведено немало и других мероприятий (встречи с писателями Тулы, выпуски тематических стенгазет, оформление альбомов и т. д.), организатором которых являлась учительница-словесница, большой энтузиаст литературного краеведения М. В. Лещинская.

В адрес кружка идут письма от учеников, увлеченных литературно-краеведческими поисками: из Яснополянской средней школы, где работает опытнойший краевед Г. Н. Пирогова, из 6-й средней школы г. Щекина — учительница Н. П. Сапожникова, выпускница нашего института, в свои студенческие годы бессменный староста литературно-краеведческого кружка, из Дома пионеров г. Кимовска, из других школ и нашей области, и других городов и сел страны. Так создается преемственность в занятиях литературным краеведением, своего рода эстафета по живой нити «вуз — школа» в передаче опыта, знаний, умений и навыков.

На «боевом счету» кружковцев немало интересных дел общественно полезного характера. В апреле 1969 г. Л. Бобкова, Л. Гужова, Е. Евсюкова, Н. Есипова выступили в областной газете со статьей «Их память вечна». Тщательно обследовав литературные места Тулы, они подняли вопрос о сохранности их, внесли ряд конкретных предложений. Студенты, энтузиасты литературного краеведения, привлекаются к работе местного общества охраны памятников истории и культуры, выступают с беседами и лекциями перед самыми различными аудиториями.

Литературное краеведение имеет немалое значение в подготовке учителя литературы. Расширяя кругозор студентов, оно знакомит их со многими фактами истории литературы, часто остающимися за рамками программы, нацеливает на углубленное и весьма конкретное изучение современного литературного процесса. Оно помогает уяснению связи литературы с жизнью, «освежает» привычное, хрестоматийное представление о писателе и его творчестве, иногда вообще открывает его заново (ведь о многих писателях, связанных с родным краем, студенты в свои школьные годы не слышали), помогает зримо представить писателя как живую, неповторимую личность, проследить условия его формирования. В ряде случаев оно дает интересный материал для углубленного понимания творческой истории произведения, его жизненной основы, трансформации жизненных впечатлений в художественном творчестве. Оно способствует уяснению сложных проблем теоретического характера, прежде всего проблем художественного метода и творческой индивидуальности писателя.

Литературное краеведение — одно из активных средств воспитания советского патриотизма и социалистического интернационализма в средней и высшей школе, пробуждения активной и возможной для студентов и учащихся деятельности на благо родного края. Многие дает оно и в области эстетического воспитания. Оно является действенным средством приобщения студентов к научному поиску, научным исследованиям, к методике научной работы, к разысканиям библиографического и текстологического характера, к занятиям с архивными документами, к использованию других разнообразных источников, к собиранию фольклорных материалов. Научный поиск есть и в школьном литературном краеведении. Однако в литературном краеведении на вузовском уровне значение научного поиска, научного исследования неизмеримо возрастает. Это одно из важных направлений вузовской литературно-краеведческой работы, которое во многом определяет его специфику. Литературно-краеведческие разыскания обогащают, без сомнения, и самих преподавателей.

В ряде краев и областей таится еще непечатый объем работы, значительные литературные богатства на местах, которые могли бы принести большую пользу преподаванию литературы в школе, оказываются нераскрытыми. Как справедливо указывал А. И. Ревякин в своей книге «Проблемы изучения и преподавания литературы», «в большинстве случаев еще обходятся темы, связанные с местным литературным движением, с областными литературными гнездами»¹, еще немногочислен круг научных работников, занимающихся литературным краеведением, а ведь научные интересы преподавателей существенно воздействуют на ход учебного процесса, на подготовку будущего специалиста.

На Всероссийской конференции по школьному краеведению,

¹ Ревякин А. И. Проблемы изучения и преподавания литературы. М. 1972, с. 348.

проведенной в Новгороде (1980 г.) Центральным советом Педагогического общества РСФСР, шла речь о том, что хотя есть немало учителей-энтузиастов, ведущих неоценимую краеведческую работу, тем не менее, по словам проф. П. В. Иванова, «многие выпускники педагогических учебных заведений не знают, как через предмет и внеклассную работу учить краеведению»¹. Поэтому весьма своевременно предложение Д. С. Лихачева о введении в программы средней школы преподавания краеведения с основами экологии и охраны памятников культуры. «Патриотизм непременно должен быть духом всех гуманитарных наук, духом всего преподавания. ...Я думаю, что преподавание краеведения в школе могло бы послужить основой для воспитания настоящего советского патриотизма. В последних классах школы два-три года курса краеведения, связанного с экскурсиями по историческим местам, с романтикой путешествий, были бы чрезвычайно полезны»². Назрел вопрос и о включении специального курса *литературного краеведения* в учебные планы филологических факультетов, подобно спецкурсу «Историческое краеведение» на факультетах исторических³.

ЛИТЕРАТУРА

- Куприяновский П. В. Литературное краеведение в школе. Иваново, 1955.
- Прессман Л. П. Литературное краеведение в средней школе. Куйбышев, 1955.
- Селиванов К. А. Внеклассная работа в школе. Куйбышев, 1955.
- Верольский Ю. Б. Литературно-краеведческая работа в школе. Грозный, 1961.
- Фатеев М. К. Походы по литературным местам. М., 1963.
- Касимов Н. Л. Литературно-краеведческий кружок в школе. М., 1963.
- Рыжеволова А. В. Изучение литературы в ее взаимосвязях с родной литературой учащихся. Пособие для учителей. М., 1963.
- Янко М. Д. Литературное краеведение в школе. М., 1965.
- Шахов В. В. Литературное краеведение в системе эстетического воспитания студентов и учащихся.— В кн.: Материалы Всероссийской конференции по эстетическому воспитанию. М., 1970.
- Янко М. Д. Работа со школьниками по литературному краеведению (методические рекомендации). М., 1972.
- Подготовка студентов педвузов к краеведческой и природоохранительной работе с учащимися. М., 1974.
- Шахов В. В. Литературно-краеведческая работа со студентами-заочниками.— В кн.: Материалы зонального семинара по литературоведческим дисциплинам. М., 1974.
- Литературное краеведение в школе. Пособие для учителя. М., 1976.
- Гаврюшин Н. К. Сокровища у порога. Эстетическое воспитание в краеведческой работе. Книга для учителя. М., 1982.

¹ Учительская газ., 1980, 6 дек.

² Лихачев Д. С. Земля родная. М., 1983, с. 14—15.

³ См., например, рекомендованную Министерством просвещения СССР программу спецкурса «Литературное краеведение», составленную автором настоящего пособия.— См.: Программы педагогических институтов. М., 1984, сб. № 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стали крылатыми слова Гете: «Если хочешь понять поэта, отправляйся на его родину». В своей работе мы исходили из мысли о большой и, к сожалению, часто недооцениваемой важности литературного краеведения — научной, педагогической, общественной. Значение краеведения, в том числе и литературного, очевидно в свете решений XXVI съезда КПСС, июньского (1983 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС, Основных направлений реформы общеобразовательной и профессиональной школы, в свете постоянной заботы партии о формировании нового человека, воспитании у советских людей чувства советского патриотизма и социалистического интернационализма.

Литературное краеведение имеет давние традиции в истории русской науки о литературе, в творческой практике и теоретических воззрениях русских писателей. Эти традиции связаны прежде всего с патриотическим стремлением к глубокому, всестороннему познанию материальных и духовных богатств страны, народа; с особой силой оно проявлялось в периоды подъема национального самосознания, было тесно связано с этапами русского освободительного движения.

Отечественное литературное краеведение сформировалось как своеобразная литературоведческая дисциплина, в основном, в 20-е годы советского времени, было активно поддержано А. М. Горьким и развито в трудах ряда советских ученых, прежде всего Н. К. Пиксанова. Методологической основой советского литературного краеведения стали высказывания В. И. Ленина и других выдающихся деятелей Коммунистической партии и Советского государства по вопросам краеведения. Развитие литературного краеведения шло в направлении от «культуроведения», когда собственно литературоведческие проблемы не вычленились из круга культуроведческих, к литературоведению, постановке литературоведческих проблем на специфическом материале и под специфическим углом зрения.

История, источники, теория литературного краеведения изучены далеко еще недостаточно, хотя никогда оно не переживало такого бурного подъема, не вызывало такого острого общественного интереса, как в последние десятилетия. Связанное с историко-культурным типом систем литературного развития, с национальными, региональными системами литературы, оно внесло существенный вклад в историю русской и советской литературы,

открыв и введя в научный оборот огромное количество местных источников (текстологического характера, дневников и писем как самих писателей, так и их современников, материалов прессы, архивных документов, мемуаров и других), обогатило теорию литературы, разработав прежде всего проблему значения для писателя конкретных жизненных впечатлений, почерпнутых в том или ином крае, соотношения живой действительности в локальном ее преломлении и творящей фантазии художника.

Отечественное литературное краеведение накопило богатейший опыт, который еще ждет своего изучения, делаются лишь первые шаги его обобщения. Ждет своего изучения и опыт литературного краеведения в зарубежных странах, прежде всего в странах социалистического содружества, а также в развивающихся странах, в которых процессы национального самосознания и самопознания протекают весьма интенсивно. Этот опыт особенно ценен в поисках новых форм и методов краеведческой работы¹. В странах социалистического содружества активно развивается такая разновидность краеведения, как краеведческая (региональная) библиография, тесно связанная с литературным краеведением².

В советском литературном краеведении есть еще немало сложных, спорных вопросов. Такими являются, к примеру, вопросы, связанные с определением своеобразия литературной жизни области (края, региона) в соотношении и связях с общерусской (или общесоюзной) литературой, а также вопросы, связанные с построением обзорных литературно-краеведческих монографий (типа «Писатели и край»).

Со многими областями нашей страны связаны десятки, а то и сотни писательских имен, больших и малых, изученных в большей или меньшей степени, имевших и имеющих к тому или иному краю далеко не одинаковое отношение: одни родились здесь и провели свое детство, другие — едва ли не всю свою жизнь, третьи бывали лишь эпизодически, однако воссоздали черты действительности, связанной с краем, в своих произведениях. Как же наиболее целесообразно расположить весь этот огромный разнообразный материал, что в нем считать главным и что второстепенным, как избирать излишней мозаичности? Вопрос этот встает и перед автором обобщающей (обзорной) литературно-краеведческой монографии, и перед учителем, организатором школьного литературно-краеведческого музея, планирующим его экспозицию, и перед составителем литературной карты края.

¹ См. об этом: Попов В. И. Становление и современное состояние краеведческой библиографии в Польской Народной Республике. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. М., 1980, с. 1.

² См., например: Мамонтов А. В. Ценный труд болгарских краеведов.— Библиотекосведение и библиография за рубежом. М., 1978, вып. 67, с. 77—83 (о книге: И в а н ы ч е в Д. П., Л о м е в С. Г., К о в а ч е в М. А. В помощь на краеведската работа на библиотеките. София, 1975).

Вряд ли оправдывает себя строго хронологический принцип, по которому строятся в большинстве своем литературно-краеведческие монографии¹. Разве не имеют подобного рода работы своей специфики и призваны ли они дублировать, хотя бы и под своим углом зрения, историко-литературные курсы? Ведь в них, по точным словам У. Гуральника, «факты биографии писателя органически переплетаются с повествованием о крае его сердца»², и разве нет оснований для того, чтобы в обзорной работе литературно-краеведческого характера писатели, коренным образом связанные с краем, много почерпнувшие из его жизни и обогатившие его своим творчеством и другими видами деятельности, заняли — с учетом их общего значения в истории литературы — более заметное место, оказались выдвинутыми на первый план, пусть и с нарушением строгой хронологии? Ведь именно эти писатели во многом определяют специфику литературной жизни края, именно от них тянутся нити ко множеству других его литературных явлений.

Несомненно, прав У. Гуральник, когда относит к числу «устаревших представлений о целях и задачах литературоведческого краеведения» «приподымание», исходя из соображений местного патриотизма, общественно-литературных деятелей прошлого только на том основании, что они земляки». «Извлекая из забвения много местного литератора, — пишет исследователь, — не надо вступать в спор с судом истории: ее приговор большей частью справедлив и обжалованию не подлежит»³.

Но при учете «суда истории», при условии четкого, научно выверенного познания того значения, которое имеет «местный литератор» в историко-литературном процессе, не является ли естественным и оправданным желание литературного краеведа ознакомить общественность с добытыми им новыми данными об этом писателе — даже и в том случае, когда имя его забыто или малоизвестно? Вспомним слова В. И. Ленина, сказанные им по поводу писателя «натуральной школы» И. Т. Кокорева: «Таких писателей мы должны вытаскивать из забвения, собирать их произведения и обязательно публиковать отдельными томиками. Ведь это документы той эпохи...»⁴ А. М. Горький говорил о том, что «второй и третьестепенные писатели» были велики своим чистым и сердечным отношением к судьбам родины, к жизни народа, к литературе — святому делу их жизни»⁵. По мнению современного исследователя, второстепенным писателям «в некоторых случаях удается уловить и выразить такие типические тенденции в духовной жизни страны, которые являются достоянием и выдающих-

¹ См., например, кн.: «Писатели Брянского края» (1963); «Литературный Белгород» (1970); «Очерки литературной жизни Воронежского края» (1970) и др.

² Гуральник У. Библиография и география. — Лит. газ., 1973, 25 июля.

³ Там же.

⁴ Бонч-Бруевич В. Д. Ленин о книгах и писателях. — В кн.: Ленин В. И. О литературе и искусстве. 5-е изд. М., 1976, с. 699.

⁵ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т., т. 29, с. 88.

ся деятелей культуры»¹. Можно говорить о большой заслуге советского литературного краеведения, которое ввело в научный оборот интереснейшие сведения, касающиеся малоизученных, малоизвестных, а также «второ- и третьестепенных» писателей — на страницах «Очерков литературной жизни Воронежского края» (С. Н. Марин, М. В. Милонов, Д. Н. Бегичев, Г. И. Недетовский [О. Забытый] и др.), сборников «Литературное краеведение» [Астрахань] (Вел. Хлебников, Вас. И. Немирович-Данченко; лубочные романы), в книге «Писатели-нижегородцы (забытые имена)», вышедшей в Горьком в 1960 г. (П. В. Шумахер, Л. Г. Граве, А. Д. Мысовская, С. Ф. Елпатьевский, А. В. Панов и др.), в выпусках издания «Казань в истории русской литературы», в материалах к «Истории русской литературы в Сибири» (Новосибирск), во многих статьях «Ученых записок» университетов и пединститутов.

Назрела необходимость большого, принципиального разговора по проблемам литературного краеведения. Он мог бы содействовать развитию этой отрасли литературоведения, преодолению имеющихся в ней недостатков, главным из которых является, на наш взгляд, *заниженность научного уровня* многих литературно-краеведческих работ, приводящая их к провинциализму, к тому, что они остаются подчас лишь местным явлением, «не дотягивающим» до интереса к ним общесоюзного, остающимся как бы на обочине литературоведения, не выходящим на его главные магистрали. Литературный краевед должен осознать себя не только популяризатором известного, не только коллекционером более или менее интересных фактов, касающихся отечественной литературы и почерпнутых из богатейших запасов местных материалов, но и *исследователем*, осмысляющим добытые им факты на уровне последних достижений науки.

Лишь на пути повышения научного уровня, выхода на главные направления литературоведческой науки литературное краеведение «обретет себя», станет научной дисциплиной, отвечающей высоким требованиям нашего времени, углубит свое мировоззренческое содержание, способствуя тем самым развитию у советских людей, как об этом говорилось на апрельском (1984 г.) Пленуме ЦК КПСС, сознания своей ответственности за судьбы социалистической Родины»².

¹ Пруцков Н. И. Буржуазный прогресс и патриархальный мир в истолкованиях русских писателей и мыслителей второй половины XIX века.— Русская литература, 1978, № 4, с. 8.

² Материалы Пленума Центрального комитета КПСС 10 апреля 1984 года. М., 1984. с. 18.

1. Русские писатели-классики и места, связанные с их жизнью и творчеством

В список вошли имена писателей, включенные в программы по литературе старших классов средней школы для монографического изучения и расположенные в хронологической последовательности. Перечень мест, с которыми связаны жизнь и творчество русских писателей-классиков, не является исчерпывающим, он включает лишь основные наименования и рассчитан на самостоятельные поиски и уточнения.

«Слово о полку Игореве». Киев. Чернигов. Новгород-Северский. Путивль. Курск. Трубчевск. Рыльск. Харьков. Изюм. Белая Калитва (Ростовская обл.). Константиновск-на-Дону.

М. В. Ломоносов. Деревня Мишанинская Куростровской волости Двинского уезда Архангельской губернии (Архангельская обл.). Холмогоры. Москва. Киев. Петербург (Ленинград). Усть-Рудицы близ Ораниенбаума (ныне г. Ломоносов Ленинградской обл.). Марбург. Фрейбург. Дюссельдорф. Голландия.

Г. Р. Державин. Деревня Кармачи или деревня Сокура Казанской губ. (Татарская АССР). Казань. Петербург (Ленинград). Москва. Поволжье. Урал. Карелия. Тамбов. Званка Новгородской губ. (Новгородская обл.).

Д. И. Фонвизин. Москва. Петербург (Ленинград). Петербургская губ. (Ленинградская обл.): Царское Село (г. Пушкин), Петергоф (г. Петродворец). Минск. Рига. Балдон (Балдоне, Латв. ССР). Митава (г. Елгава, Латв. ССР). Карлсбад (Карлови Вари, ЧССР). Рим. Флоренция. Ливорно. Неаполь. Милан. Венеция. Гамбург. Шверин. Баден. Дрезден. Лейпциг. Вена. Варшава. Париж. Страсбург. Лион. Монпелье.

В. А. Жуковский. Село Мишенское Белевского уезда Тульской губернии (Тульская обл.). Тула. Тульская губ. (Тульская обл.): Белев, Ефремов, Богородицк и др. Москва. Московская губ. (Московская обл.): Остафьево, Кунцево. Орел. Орловская губ. (Орловская обл.): Муратово, Большая Чернь, Холх, Болхово. Калуга. Калужская губ. (Калужская обл.): Долбино, Тарутино. Петербург (Ленинград). Петербургская губ. (Ленинградская обл.): Кексгольм (Приозерск), Павловск. Царское Село (Пушкин). Новгород. Углич. Рыбинск (Андропов). Суздаль. Вятка (Киров). Глазов. Ижевск. Пермь. Курган. Ялуторовск. Казань. Симбирск (Ульяновск). Уральск. Бузулук. Бутульма. Чистополь. Саратов. Тамбов. Воронеж. Владимир. Нижний Новгород (Горький). Курск. Харьков. Таганрог. Одесса. Крым. Дертп (Тарту, Эстония). Ревель. Неаполь. Флоренция. Милан. Турин. Ливорно. Копенгаген. Берлин. Дрезден. Эмс. Дармштадт. Веймар. Дюссельдорф. Франкфурт-на-Майне. Баден-Баден.

А. С. Грибоедов. Москва. Казань. Кобринo Гродненской губ. (Гродненская обл., Белоруссия). Брест-Литовск (Брест). Петербург (Ленинград). Тифлис (Тбилиси). Эривань (Ереван). Чечня (Чечено-Ингушетия). Тула. Тульская губ. (Тульская обл.): с. Екатерининское, с. Спасское, Дмитровское (Липецкой обл.). Владимир. Киев. Крым. Тавриз (Тебриз). Тегеран.

А. С. Пушкин. Москва. Московская губ. (Московская обл.): с. Захарово. Большие Вяземы, Архангельское, Остафьево, Ярополец. Петербург (Ленинград). Петербургская губ. (Ленинградская обл.): Царское Село (Пушкин), Петергоф (Петродворец). Екатеринослав (Днепропетровск). Мариуполь. Таганрог. Ново-

черкасск (Ростовская обл.). Старый Черкасск (станция Старочеркасская). Ставрополь. Георгиевск. Пятигорск. Железноводск. Кисловодск. Военно-Грузинская дорога. Владикавказ (г. Орджоникидзе Сев.-Осет. АССР). Тифлис (Тбилиси). Казбек (Казбеги, Грузия). Кахетия. Гумры (г. Ленинакан, Армения). Кабардино-Балкария. Екатеринодар (Краснодар). Тамань. Керчь. Феодосия. Гурзуф. Бахчисарай. Молдавия: Кишинев, Бендеры, Аккерман (г. Белгород-Днестровский), Тирасполь, Измаил. Одесса. Каменка. Киев. Псков. Псковская губ. (Псковская обл.): Михайловское, Тригорское, Святые Горы (Пушкинские Горы), Остров, Новоржев, Опочка, Порхов. Полотняный завод (Калужская обл.). Тула. Белев (Тульская обл.). Орел. Елец (Липецкая обл.). Тверь (Калинин). Тверская губ. (Калининская обл.): Торжок, Старицы, Малинники, Павловское, Берново, Курово-Покровское, Нижний Новгород (Горький). Нижегородская губ. (Горьковская обл.): с. Большое Болдино, Кистенево, Апракино. Казань. Симбирск (Ульяновск). Оренбург. Уральск (Казахстан).

М. Ю. Лермонтов. Москва. Московская губ. (Московская обл.): Середниково, Воскресенск, Троице-Сергиева лавра (г. Загорск). Пенза. Пензенская губ. (Пензенская обл.): Тарханы (ныне с. Лермонтово), Чембар (г. Белинский), Нижний Ломов. Тула. Кропотово Тульской губ. (ныне Лермонтово Липецкой обл.). Саратов. Тамбов. Новгород. Воронеж. Мишково (Орловская обл.). Петербург (Ленинград). Петербургская губ. (Ленинградская обл.): Царское Село (Пушкин), Павловск, Приютино. Новочеркасск. Ставрополь. Пятигорск. Кисловодск. Кавказские Минеральные Воды. Тамань. Геленджик. Кабардино-Балкария. Военно-Грузинская дорога. Тифлис (Тбилиси). Карагач. Цинандали. Азербайджан. Чечня (Чечено-Ингушетия), Дагестан.

Н. В. Гоголь. Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской губ. (Полтавская обл.). Васильевка (Яновщина, Полтавская обл.). Нежин. Киев. Петербург (Ленинград). Петербургская губ. (Ленинградская обл.): Павловск, Царское Село (Пушкин). Москва. Абрамцево (Московская обл.). Калуга. Одесса. Любек. Травемюнде. Гамбург. Веве (Швейцария). Париж. Рим. Неаполь. Вена. Иерусалим (Палестина). Карлсбад (Карлови Вари, Чехословакия).

В. Г. Белинский. Свеаборг (г. Суоменлинна, Финляндия). Кронштадт. Пенза. Чембар (г. Белинский Пензенской обл.). Москва. Петербург (Ленинград). Премухино Тверской губ. (Калининская обл.). Воронеж. Пятигорск. Железноводск. Новгород. Калуга. Курск. Харьков. Екатеринослав (Днепропетровский). Херсон. Одесса. Симферополь. Севастополь. Берлин. Дрезден. Бреславль. Фрейбург. Зальцбрунн. Штетин. Франкфурт. Кельн. Брюссель. Париж. Пасси.

А. И. Герцен. Москва. Московская губ. (Московская обл.): Покровское, Васильевское, Соколово. Пермь. Вятка (Киров). Владимир. Петербург (Ленинград). Новгород. Берлин. Кельн. Бельгия. Париж. Марсель. Ницца. Рим. Неаполь. Женева. Лондон.

А. Н. Островский. Москва. Петербург (Ленинград). Нижний Новгород (Горький). Самара (Куйбышев). Ростов. Суздаль. Тверь (Калинин). Торжок (Калининская обл.). Калязин. Ярославль. Карабиха (Ярославская обл.). Углич. Кострома. Щельково (Костромская обл.). Кинешма. Казань. Симбирск (Ульяновск). Саратов. Воронеж. Харьков. Одесса. Крым. Тифлис (Тбилиси). Кенигсберг. Мариенбург. Берлин. Потсдам. Магдебург. Франкфурт-на-Майне. Дрезден. Лейпциг. Прага. Вена. Триест. Венеция. Милан. Рим. Париж. Лондон.

И. С. Тургенев. Орел. Орловская обл.: Спасское-Лутовиново, Мценск, Болхов, Фатьяново, Новоселки, Шашкино, Волково и др. Москва. Петербург (Ленинград). Павловск. Премухино (Калининская обл.). Тула. Тульская губ. (Тульская обл.): Тургенево, Бежин луг, Колотовка, Ясная Поляна, Покровское. Калужская губ. (Калужская обл.). Липецкая обл. Берлин. Франкфурт-на-Майне. Дрезден. Фрейбург. Зальцбрунн. Лейпциг. Зинциг. Баден-Баден. Рим. Неаполь. Сорренто. Флоренция. Генуя. Швейцария. Бельгия. Вена. Париж. Куртапфель. Булонь. Дижон. Марсель. Ницца. Ноан. Буживаль.

Н. Г. Чернышевский. Саратов. Воронеж. Москва. Петербург (Ленинград). Павловск. Нижний Новгород (Горький). Лондон. Тобольск. Иркутск. Чита. Нерчинский завод. Кадая. Александровский завод. Вилюйск. Якутск. Астрахань.

Н. А. Некрасов. Немиров Винницкого уезда, Подольской губ. (Украина). Ярославль. Ярославская губ. (Ярославская обл.): Грешнево, Карабиха. Петербург (Ленинград). Парголово (Ленинградская обл.). Москва. Соколово (Мос-

ковская обл.). Казань. Алешунино (Владимирская обл.). Чудовская Лука (Новгородская обл.). Ялта. Берлин. Вена. Рим. Неаполь. Венеция. Флоренция. Интерлакен. Солен. Киссинген. Дьепп. Висбаден. Париж. Лондон.

М. Е. Салтыков-Щедрин. Село Спас-Угол Калазинского уезда Тверской губ. (Калининская обл.). Москва, Петербург (Ленинград). Царское Село (Пушкин, Ленинградская обл.). Вятка (Киров). Рязань. Тверь (Калинин). Пенза. Тула. Париж. Буживаль. Ницца. Германия. Швейцария.

Ф. М. Достоевский. Москва. Даровое Тульской губ. (ныне Московская обл.). Люблино (Московской обл.). Петербург (Ленинград). Тобольск. Омск. Семипалатинск. Барнаул. Кузнецк. Тверь (Калинин). Старая Русса (Новгородская обл.). Берлин. Дрезден. Висбаден. Франкфурт-на-Майне. Баден-Баден. Кельн. Дюссельдорф. Париж. Лондон. Женева. Веве. Кларан. Рим. Генуя. Неаполь. Ливорно. Флоренция. Турин. Милан. Венеция. Вена. Прага.

Л. Н. Толстой. Ясная Поляна Крапивенского уезда Тульской губ. (Тульская обл.). Тульская губ. (Тульская обл.): Телятинки, Никольское-Вяземское, Пирогово, Овсянниково, Судаково, Шекино, Епифань, Одоев, Крапивна, Ефремов, Чернь, Богородицк, Белев и др. Москва. Московская губ. (Московская обл.): Крекшино, Подольск, Серпухов, Отрадное, Мещерское, Никольское-Горушки, Никольское-Обольяниново. Казань. Сызрань. Саратов. Астрахань. Кизляр. Станица Старогладковская (Кизлярского округа). Тифлис (Тбилиси). Военно-Грузинская дорога. Моздок. Чечня (Чечено-Ингушетия). Пятигорск. Железноводск. Ессентуки. Бессарабия (Молдавия). Валахия (Румыния). Одесса. Севастополь. Гаспра. Бухарест. Варшава. Берлин. Париж. Дижон. Женева. Кларан. Люцерн. Дрезден. Киссинген. Флоренция. Ливорно. Рим. Лондон. Брюссель. Веймар. Петербург (Ленинград). Орел. Орловская губ. (Орловская обл.): Гриневка, Губаревка, Каменка, Кочеты, Дядьково, Мценск, Степановка, Спасское-Лутовиново. Самара (Куйбышев). Село Каралык (Башкирия). Уральск. Арзамас. Ильмино б. Пензенской губ. (Пензенская обл.). Нижний Новгород (Горький). Оренбург. Калуга. Калужская губ. (Калужская обл.): Оптина пустынь, Шамордино, Людиново. Воробьевка Курской губ. (Курская обл.). Киев. Премухино Тверской губ. (Калининская обл.). Рязанская губ. (Рязанская обл.): Бегичевка, Клетокти. Плиски Черниговской губ. (Черниговской обл.). Брянск. Владимирская губ. (Владимирская обл.): Кобылино, Зубцово, Новоселки. Воронеж. Станица Астапово Рязано-Уральской ж. д. (ныне ст. Лев Толстой, Липецкая обл.).

А. П. Чехов. Таганрог. Москва. Московская губ. (Московская обл.): Мелихово, Воскресенск, Звенигород, Бабкино, Горки. Петербург (Ленинград). Сумы Харьковской губ. (Харьковская обл.). Лука. Сорочинцы Полтавской губ. (Полтавская обл.). Новый Афон. Сухум (Сухуми). Батум (Батуми). Тифлис (Тбилиси). Военно-Грузинская дорога. Потти. Баку. Ялта. Севастополь. Феодосия. Керчь. Воронеж. Ярославль. Нижний Новгород (Горький). Львов. Тюмень. Томск. Красноярск. Иркутск. Сретенск. Николаевск (Николаевск-на-Амуре). Сахалин. Одесса. Алексин (Тульская обл.). Богинино (Калужская обл.). Вена. Венеция. Болонья. Флоренция. Рим. Генуя. Неаполь. Ницца. Монте-Карло. Париж. Биарриц. Берлин. Баденвейлер.

А. М. Горький. Нижний Новгород (Горький). Сорново. Астрахань. Казань. Село Красновидово (под Казанью). Калмыкия. Царицын (Волгоград). Станции Волжская, Добринка, Борисоглебск, Крутая (Воропоново), Филоново. Аккерман (Белгород-Днестровский). Полтава. Мануйловка (Полтавская обл.). Миргород. Лубны. Чернигов. Киев. Харьков. Куряж. Запорожье. Днепрострой. Николаев. Одесса. Очаков. Херсон. Кременчуг. Тифлис (Тбилиси). Мцхета. Гори. Батум (Батуми). Кутаис (Кутаиси). Абастумани. Эривань (Ереван). Сухум (Сухуми). Военно-Грузинская дорога. Баку. Тамань. Таганрог. Ростов-на-Дону. Владикавказ (Орджоникидзе). Новороссийск. Сочи. Самара (Куйбышев). Сызрань. Саратов. Тверь (Калинин). Тверская губ. (Калининская обл.): село Каменное, Премухино. Москва. Петербург (Ленинград). Сестрорецк. Парголово (Ленинградская обл.). Пенза. Курск. Задонск. Воронеж. Ясная Поляна (Тульская обл.). Старая Русса (Новгородская обл.). Симферополь. Бахчисарай. Севастополь. Феодосия. Алупка. Ялта. Гаспра. Оленз. Форос. Коктебель. Тессели. Керчь. Херсонес. Майкоп. Соловки. Мурманск. Терюки (Зеленогорск, Ленинградская обл.). Мустамяки. Карьявала. Гельсингфорс (Хельсинки). Куоккала (Репино). Рига. Эдинбург (Дзинтари, Латвия). Берлин. Герингсдорф. Сааров. Шварцвальд. Глион (Швей-

царя). Париж. Нью-Йорк. Филадельфия. Бостон. Кембридж. Горы Адирондак. Монреаль. Буффало. Кливленд. Рим. Неаполь. Сорренто. Капри. Прага. Мариенбад (Марианске-Лазне). Вена.

А. А. Блок. Петербург (Ленинград). Петербургская губ. (Ленинградская обл.): Петергоф (Петродворец), Царское Село (Пушкин), Стрельна. Москва. Московская губ. (Московская обл.): Шахматово, Подсолнечная, Боблово, Гудино, Дедово, Трубищино. Пинск (Белоруссия). Бад-Наугейм (Германия). Берлин. Кельн. Венеция. Флоренция. Равенна. Перуджа. Сиена. Варшава. Париж. Бретань. Антверпен. Брюгге. Гент. Гаага. Амстердам. Роттердам. Териоки (Зеленогорск, Ленинградская обл.).

С. А. Есенин. Село Константиново Кузьминской волости Рязанской губ. (Рязанская обл.). Спас-Клепики. Москва. Петроград (Ленинград). Петергоф (Петродворец), Сестрорецк, Детское Село (Пушкин, Ленинградская обл.). Могилев. Соловецкие острова. Тула. Ростов-на-Дону. Кисловодск. Баку. Тифлис (Тбилиси). Ташкент. Ашхабад. Село Верхняя Троица Тверской губ. (Калининская обл.). Тверь (Калинин). Рига. Куоккала (Репино). Кенигсберг (Калининград). Берлин. Дюссельдорф. Брюссель. Остенде. Париж. Лидо. Венеция. Рим. Неаполь. Флоренция. Нью-Йорк. Чикаго. Луисвилл. Канзас-Сити. Сент-Луис. Мемфис. Детройт. Кливленд. Балтимор. Филадельфия. Индианаполис.

В. В. Маяковский. Село Багдади близ г. Кутаиси (ныне с. Маяковский, Грузия). Кутаиси. Москва. Петербург (Ленинград). Симферополь. Севастополь. Ялта. Евпатория. Алушка. Ливадия. Симеиз. Гурзуф. Мисхор. Керчь. Харак. Одесса. Кишинев. Николаев. Киев. Харьков. Полтава. Днепрпетровск. Луганск. Сталино (Донецк). Запорожье. Житомир. Винница. Тифлис (Тбилиси). Баку. Пятигорск. Ессентуки. Кисловодск. Саки. Хоста. Гагра. Сочи. Краснодар. Таганрог. Армавир. Ростов-на-Дону. Новороссийск. Владикавказ (Орджоникидзе). Новочеркасск. Саратов. Нижний Новгород (Горький). Казань. Самара (Куйбышев). Калуга. Смоленск. Минск. Витебск. Воронеж. Тула. Курск. Ярославль. Пенза. Тверь (Калинин). Владимир. Свердловск. Пермь. Вятка (Киров). Мустамяки (Финляндия). Латвия. Берлин. Париж. Нордене (берег Северного моря). Мексика. Куба. Чехословакия. Польша, Нью-Йорк. Детройт. Чикаго. Филадельфия. Питсбург.

А. А. Фадеев. Гор. Кимры Тверской губ. (Калининская обл.). Села Саровка, Чугуевка Южно-Уссурийского края. Владивосток. Фроловка. Сучан. Сергеевка. Анучино. Хабаровск. Забайкалье. Спасск. Николаевск-Уссурийский. Москва. Орехово-Зуево. Петергоф (Ленинград). Кронштадт. Краснодар. Ростов. Новороссийск. Нахичевань. Ярославль. Красноярск. Киев. Харьков. Боржоми. Тбилиси. Ереван. Орджоникидзе. Баку. Кировабад. Сталинири (Цхинвали, Южная Осетия). Сухуми. Сочи. Комсомольск. Биробиджан. Николаевск-на-Амуре. Ржев. Перекоп (Крым). Краснодар. Элиста. Рига. Западный фронт, Калининский фронт (Великая Отечественная война). Казань. Чистополь. Челябинск. Оренбург. Прага. Пльзень. Моравия. Братислава. Париж. Валенсия. Барселона. Мадрид. Берлин. Варшава. Вроцлав. Нью-Йорк. Пекин. Шанхай. Нанкин. Рим. Стокгольм. Женева. Хельсинки. Вена. Осло.

Н. А. Островский. Село Вилия Волынской губ. Острожского уезда (ныне Ровенская обл.). Село Турья. Шепетовка. Воскресенск (близ Одессы). Сквиры. Бердичев. Житомир. Новоград-Волынский. Львов. Киев. Станция Боярка (близ Киева). Бердянск. Березовский район. Изяславль. Харьков. Евпатория. Новороссийск. Москва. Старая Магеста. Сочи.

А. Н. Толстой. Гор. Николаевск (ныне гор. Пугачев Саратовской обл.). Хутор Сосновка (Саратовская обл.). Сызрань. Самара (Куйбышев). Петербург (Ленинград). Петергоф (Петродворец). Кронштадт. Детское Село (Пушкин, Ленинградская обл.). Москва. Барвиха, Архангельское (Московская обл.). Сугинский завод Вятской губернии (Кировская обл.). Казань. Симбирск (Ульяновск). Астрахань. Рыбинск (Андропов). Валдай. Горький. Горьковская обл.: Зименки, Муром. Антоновка (Калужская обл.). Волхов. Свердловск. Уральск. Курск. Смоленск. Харьков. Днепрпетровск. Новочеркасск. Ростов-на-Дону. Сальск. Краснодар. Темрюк. Одесса. Тирасполь. Керчь. Феодосия. Анапа. Коктебель. Тбилиси. Ставрополь. Минеральные Воды. Пятигорск. Железноводск. Кисловодск. Ессентуки. Георгиевск. Нальчик. Махачкала. Ташкент. Алма-Ата. Карелия. Канда-лакша. Хибиногорск. Белоруссия. Волынская обл. (Украина): Грубешов, Лашево,

Томашев, Тасовицы, Замостье, Холм. Львов. Карпаты. Ревель (Таллин). Берлин. Дрезден. Герингсдорф. Гамбург. Стокгольм. Христиания. Лондон. Сорренто. Прага. Брюссель. Мадрид. Валенсия.

М. А. Шолохов. Хутор Кружилин станицы Вешенской Донецкого округа (Ростовская обл.). Хутора Каргинский, Рубежный. Хутор Подкушевский (Кубань). Станицы Вешенская, Каргинская, Усть-Медведицкая. Станица Букановская (Волгоградская обл.). Ростов-на-Дону. Москва. Красково (Московская обл.). Новочеркасск. Таллин. Тарту. Рига. Смоленское направление Западного фронта, Третий Белорусский фронт (Великая Отечественная война). Николаевск Сталинградской обл. (Волгоградская обл.). Дарьинск (Северный Казахстан). Волгоград. Броцлав. Алма-Ата. Киев. Финляндия. Осло. Берлин. Стокгольм. Копенгаген. Лондон. Париж.

А. Т. Твардовский. Дер. Загорье Починковской волости Смоленской губ. (Починковский р-н Смоленской обл.). Егорье, Ляхово, Ельня (Смоленская обл.). Москва. Минск. Зап. Белоруссия. Финляндия (военные события 1939 г.). Чистополь. Западный фронт (Великая Отечественная война). Урал. Чита. Хабаровск. Комсомольск-на-Амуре. Якутия. Иркутск. Братск. Ленинград. Севастополь. Ярославль. Выборг. Албания. ГДР. Швеция. Норвегия. Италия.

2. Работы советских исследователей о связях русских писателей с литературными местами (60-е—80-е годы)

Список составлен в хронологической последовательности писательских имен, о которых идет речь в названных изданиях.

- Будяк Л. Новиков в Москве и Подмосковье. М., 1970.
Авдошенко Е. В. Поэт Г. Р. Державин в Тамбове. Тамбов, 1962.
Кочеткова М. Д. Фонвизин в Петербурге. Л., 1984.
Верховская Н. Карамзин в Москве и Подмосковье. М., 1968.
Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. Л., 1972.
Афанасьев В. «Родного неба милый свет...» (В. А. Жуковский в Туле, Орле и Москве). Документальная повесть. М., 1981.
В. А. Жуковский и Тульский край. Рекомендательный указатель литературы. Тула, 1982.
Милонов Н. А. Тульский край в рисунках В. А. Жуковского. Тула, 1982.
Власов В., Назаренко И. «Минувших дней очарованье» (В. А. Жуковский в Приокском крае). Тула, 1983.
Осокин В. «Его стихов пленительная сладость...» (В. А. Жуковский в Москве и Подмосковье). М., 1984.
Гордин А. Крылов в Петербурге. Л., 1969.
Тимрот А. Бунт сердца и ума (московские годы жизни А. С. Грибоедова). М., 1965.
Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге. Л., 1982.
Басина М. Я. Там, где шумят михайловские рощи. М., 1962.
Здесь жил Пушкин. Пушкинские места Советского Союза. Очерки. Л., 1963.
Гордин А. Пушкинский заповедник. Л.— М., 1968.
Гордеев Н., Пешков В. Тамбовская тропинка к Пушкину. Воронеж, 1969.
Гордин А. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970.
Пьянов А., Ильин М. Пушкинские места Верхне-Поволжья. М., 1971.
Бунатиян Г. Г. Город муз. Литературные памятные места города Пушкина. Л., 1975.
Бозырев В. По Пушкинскому заповеднику. М., 1977.
Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. М., 1979.
Богач Г. Далеко северной столицы. О творчестве А. С. Пушкина в Молдавии. Иркутск, 1979.
Суржок А. И. Пушкин и калмыки. Элиста, 1981.
Гейченко С. Пушкиногорье. М., 1981.
Зажурило В. К. Чарная М. Г. По пушкинским местам Ленинграда. Очерк-путеводитель. Л., 1982.
Пьянов А. «Мои осенние досуги» (Пушкин в Тверском крае). М., 1983.

- Савин О. М. «...Пишу тебе в Пензу». Пензенская тропинка к Пушкину. Саратов, 1983.
- Филатов Н. Ф. Нижний Новгород пушкинской поры. Горький, 1983.
- Кусов Г. И. Малоизвестные страницы Кавказского путешествия А. С. Пушкина. Орджоникидзе, 1983.
- Гордин А., Гордин М. Путешествие в пушкинский Петербург. Л., 1983.
- Пушкинские места в России. Путеводитель. М., 1984.
- Овчинникова С. Т. Пушкин в Москве. М., 1984.
- Пешков В. «Моя начальная любовь...» (Е. А. Баратынский в Маре). Воронеж, 1974.
- Иванова Т. А. М. Ю. Лермонтов в Подмоскowie. М., 1962.
- Вырыпаев П. А. «Кругом родные все места». Пенза, 1963 (о пребывании М. Ю. Лермонтова в Пензенском крае).
- Недоумов С. И., Селегей Т. Е. По лермонтовским местам. Ставрополь, 1963.
- Мануйлов В. А. Лермонтов в Петербурге. Л., 1964.
- Вырыпаев П. А. Лермонтов (новые материалы). Приволжское кн. изд-во, 1976.
- Селегей П. Е. Заповедный лермонтовский край. Путеводитель по Гос. музею-заповеднику М. Ю. Лермонтова. Ставрополь, 1980.
- Андреев-Кривич С. А. Жизнь и деятельность М. Ю. Лермонтова в Тарнахах. Саратов, 1981.
- Арзамасцев В. П. Места, воспетые поэтом. О М. Ю. Лермонтове. Саратов, 1981.
- Лермонтовские места и музеи; литературная топография.— В кн.: Лермонтовская энциклопедия. М., 1981.
- Чекалин С. В. «Наедине с тобою, брат...». Записки лермонтоведа. Ставрополь, 1984.
- Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Лермонтов в Петербурге. Л., 1984.
- Семченко А., Фролов П. Мгновения и вечность. К истокам творчества М. Ю. Лермонтова. Саратов, 1982.
- Смирнова-Чикина Е. С. Гоголевские места в Подмоскowie. М., 1960.
- Гиллельсон М. И., Мануйлов В. А., Степанов А. Н. Гоголь в Петербурге. Л., 1961.
- Полторацкий А. И. Гоголь в Петербурге. М.— Л., 1962.
- Мануйлов В. А., Семенова Г. П. Белинский в Петербурге. Л., 1979.
- Максяшев П. В. Г. Белинский в Чембаре и Пензе. Саратов, 1980.
- Путинцев В. А. Герцен в Москве и Подмоскowie. М., 1972.
- Желвакова И. А. Дом в Сивцевом Вражке. М., 1982 (о Доме-музее А. И. Герцена в Москве).
- Дмитрук Е. Я. Н. П. Огарев и Пензенский край. Саратов, 1981.
- Бейсов П. С. Гончаров и родной край. Куйбышев, 1960.
- Пини О. А. Чернышевский в Петербурге. Л., 1978.
- Травушкин Н. С. Чернышевский в годы каторги и ссылки. М., 1978.
- Максимов Е. К., Муренина Г. П. Памятные места Н. Г. Чернышевского в Саратове. Саратов, 1979.
- Рейсер С. А. Добролюбов в Нижнем Новгороде. 1836—1853. Горький, 1961.
- Золина Н., Леонтьев Н. Добролюбов в Петербурге. Л., 1971.
- Тарасов А. Ф. Некрасовские места. Ярославль, 1977.
- Некрасов Н. К. По их следам, по их дорогам (Н. А. Некрасов и его герои). М., 1979.
- Тарасов А. Ф. Некрасов в Карабихе. Ярославль, 1982.
- Тюрин В. В. Некрасов в Чудове (Новгородские страницы жизни и творчества великого русского поэта). Л., 1983.
- Моренец Н. И. Шевченко в Петербурге. Л., 1960.
- Ведлицкий А. Н. Т. Шевченко в Оренбургской ссылке. Оренбург, 1960.
- Пигарев К. Мураново. М., 1970 (о музее, связанном с именем Ф. И. Тютчева).
- Гамолин В. Д. Брянский край в поэзии и жизни Тютчева.— В кн.: «В Россию можно только верить...». Тула, 1981.
- Деханов В. Г. Ф. И. Тютчев и родной край. Библиография. Там же.
- Антюхин Г. В. Никитинские места. Воронеж, 1974.

- И. С. Тургенев и Орловский край. Библиографический указатель. Орел, 1968.
- Громов В. Предания Бежина луга (рассказ И. С. Тургенева «Бежин луг» в цикле «Записок охотника»). Тула, 1969.
- Бялый Г. А., Муратов А. Б. Тургенев в Петербурге. Л., 1970.
- Новиков В. А. По тургеневским местам. Тула, 1971.
- Богданов В. Спасское-Лутовиново. Путеводитель. Тула, 1978.
- Громов В. Спасское-Лутовиново. Гос. заповедник-музей И. С. Тургенева. Тула, 1978.
- Афонин Л., Мищенко А. На родине Тургенева. Тула, 1983.
- Ревякин А. И. Москва в жизни и творчестве А. Н. Островского. М., 1962.
- Князев И. В. М. Е. Салтыков-Щедрин в Туле. Тула, 1960.
- Киселев В. С. Щедрин в подмосковном крае. М., 1970.
- Фадеева Н. А. М. Е. Салтыков-Щедрин и Тверской край. Библиографический указатель. Калинин, 1975.
- М. Е. Салтыков-Щедрин и Тверь. М., 1976.
- Чванов М. Аксаковские места в Башкирии. Уфа, 1976.
- Гудков Г. Ф., Гудкова З. И. С. Т. Аксаков. Краеведческие очерки. Уфа, 1981.
- Чуднова Л. Г. Лесков в Петербурге. Л., 1975.
- Якушкин Н. И. Достоевский в Сибири. Очерк жизни и творчества. Кемерово, 1961.
- Рейнус Л. М. Достоевский в Старой Руссе. Л., 1971.
- Саруханян Е. Достоевский в Петербурге. Л., 1972.
- Никитин М. А. Здесь жил Достоевский. М., 1973.
- Василевский Б. «И ничего в жизни я так не любил...». — В кн.: Памятники Отечества. М., 1980, вып. I (о пребывании Достоевского в селе Даровом).
- Стафеев Г. И. В Отчизне пламени и слова. А. А. Перовский и А. К. Толстой в Красном Рого. Литературно-краеведческие очерки. Тула, 1983.
- Минокин М. В. Лев Толстой в Орловском крае. Орел, 1960.
- Ксенофонтов А. И. Заповедник музея-усадьбы Ясная Поляна. Очерк-путеводитель. Тула, 1970.
- Милонов Н. А. Л. Н. Толстой и Тула. Тула, 1976.
- Л. Н. Толстой в Тульском крае. Тула, 1978.
- Толстой в Москве. М., 1978.
- Л. Н. Толстой в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1978.
- Рахимкулов М. Г. Л. Н. Толстой и Башкирия. Уфа, 1979.
- Общественная деятельность Л. Н. Толстого в Тульском крае (сборник документов). Тула, 1981.
- Л. Н. Толстой и Тульский край. Указатель литературы. Тула, 1981.
- Пузин Н. П. Дом-музей Л. Н. Толстого в Ясной Поляне. Очерк-путеводитель. М., 1982.
- Никитина Н., Никитин В. Ясная Поляна. Путеводитель по заповеднику. Тула, 1982.
- Пузин Н. П., Архангельская Т. Н. Вокруг Толстого. Тула, 1982.
- Афанасьев И. Л. Толстой в Самарском Заволжье. Куйбышев, 1984.
- Виноградов К. М. Жизнь среди народа. А. П. Чехов в Мелихове. М., 1962.
- Фортунатов Н. М. Чехов и нижегородцы. Горький, 1982.
- Авдеев Ю. В чеховском Мелихове. Путеводитель. М., 1984.
- Буня М. И. В. Г. Короленко в Удмуртии. Ижевск, 1982.
- Фролов П. А. А. И. Куприн и Пензенский край. Саратов, 1984.
- Горький и Сибирь. Письма, воспоминания. Новосибирск, 1961.
- Горький в Татарии. Казань, 1961.
- Блохина В. И. Горький на Волге. 1928—1935. Горький, 1961.
- Травушкин Н. Горький у Каспия. Астрахань, 1963.
- Елизарова М. Н. По горьковским местам. Казань, 1965.
- Фарбер Л. М. А. М. Горький в Нижнем Новгороде. 1889—1904. Очерк жизни и творчества. Горький, 1968.

Нижегородское окружение А. М. Горького. 1889—1904. Библиографический справочник. Горький, 1968.

Гречнев В. Я. Горький в Петербурге. Л., 1968.

Шмаков А. А. М. Горький и Урал (очерк). Челябинск, 1968.

Афанасьев В. Ф. Горький и Якутия. Якутск, 1970.

Тимшин А. Т. Якутские друзья А. М. Горького. Якутск, 1970.

Успенская Е. Е. М. Горький в печати родного края. 1959—1968. Указатель литературы. Горький, 1973.

Янкина Л. И. М. Горький в Самаре. Куйбышев, 1973.

Черапкин Н. Горячее сердце большого друга. Саранск, 1974 (о взаимоотношениях Горького с народами и писателями Поволжья).

Забурдаев Н. А. В семье Кашириных. Горький, 1976.

Никитина И. В. По следам героев Горького. Нижегородский комментарий к произведениям писателя. Горький, 1981.

Харчев В. В. Наставник нижегородцев. М. Горький и писатели родного края. Горький, 1983.

Орлов В. Поэт и город. Александр Блок в Петербурге. Л., 1980.

Лесневский С. Путь, открытый взором. Московская земля в жизни Александра Блока. Биографическая хроника. М., 1980.

Эвентов И. С. Маяковский в Петрограде-Ленинграде. Л., 1963.

Шилов Л. С. Здесь жил Маяковский. М., 1963.

Прокушев Ю. Л. Колыбель поэзии. Очерк. М., 1982 (о связи жизни и творчества С. А. Есенина с родным краем).

Алексей Толстой и Самара. Из архива писателя. Куйбышев, 1982.

Наш Шолохов. Слово о писателе-земляке. Ростов-на-Дону, 1975.

На вешенской земле. О родном крае М. А. Шолохова. Ростов-на-Дону, 1983.

Бугаенко П. А. К. Федин и Саратовская земля. Саратов, 1977.

Фадеев и Башкирия. Статьи и воспоминания. Уфа, 1982.

Пахомова М. Пришвин и Карелия (критический очерк). Петрозаводск, 1960.

Ершов Г. Родина нашего друга (книга о М. М. Пришвине). Тула, 1974.

Осыков Б. Родина Гайдара. Воронеж, 1972.

3. Работы советских исследователей о литературных краях России (60-е — 80-е годы)

Работы перечислены в алфавитном порядке наименований краев. Внутри каждого края работы даны в хронологической последовательности.

Пономарев К. Литературный Архангельск. События, имена, факты. 1920—1980. Архангельск, 1982.

Астрахань — край литературный. Библиографический указатель. Астрахань, 1968. Литературное краеведение (материалы к спецкурсу). Астрахань, 1965—1974 (с X выпуска — Волгоград), вып. I—XII.

Рахимкулов М. Страницы дружбы. Русско-башкирские литературные связи. Уфа, 1972; Рахимкулов М. Г. Встречи с Башкирией. От Пушкина до Чехова. Уфа, 1982.

Узиков Ю. А. Это с нами навсегда. Литературная карта Башкирии. Уфа, 1983.

Писатели нашего края. Белгород, 1965. Литературный Белгород. Белгород, 1970.

Белгородщина литературная. Воронеж, 1979, кн. I.

Дюжев Ю. И. Революционное Беломорье в русской литературе Севера (библиографический указатель советской литературы за 1918—1968 годы). Сев.-зап. кн. изд-во, 1970.

Писатели Брянского края. Брянск, 1963.

Колобанов В. А., Маштафаров В. Н. На Владимирской земле (Литературно-краеведческий словарь). Владимир, 1971.

Чиров Д. Писатели Нижней Волги. Волгоград, 1973.

Гура В. Из родников жизни. Вологда, 1964 (О вологодских дооктябрьских и советских писателях).

- Абрамов А. Голоса земли Алексея Кольцова. Воронеж, 1964.
- Писатели Воронежа. Библиографический указатель. Воронеж, 1969. Очерки литературной жизни Воронежского края (XIX—начало XX в.). Воронеж, 1970.
- Ласунский О. Литературные раскопки. Воронеж, 1972.
- Кретьева О. На дорогах жизни. Воронеж, 1975.
- Каташ С. С. Литературные портреты. Горно-Алтайск, 1971.
- Писатели-нижегородцы (забытые имена). Критико-биографические очерки. Горький, 1960.
- Муравьева Е. А. Писатели-горьковчане. Библиографический указатель. Горький, 1970. Записки краеведов. Горький, 1975.
- Писатели-горьковчане. Литературные портреты. Горький, 1976.
- Верольский Ю. Б. Наш край и литература. Грозный, 1969.
- Абакарова Ф. О. Очерки даргинской дореволюционной литературы. Махачкала, 1963.
- Крившенко С. Берег отечества. Литературно-критические статьи и очерки о творчестве писателей-дальневосточников. Владивосток, 1978.
- Писатели Дона. Библиографический сборник. Ростов-на-Дону, 1976.
- Петряев Е. Впереди — огни (очерки культурного прошлого Забайкалья). Иркутск, 1968.
- Дворниченко Н. Е. Их путь начинался в Забайкалье. Иркутск, 1973.
- Дворниченко Н. Е. Вчера и сегодня забайкальской литературы. Статьи. Очерки. Портреты. Иркутск, 1982.
- Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган, 1960.
- Куприяновский П. Горький, Фурманов, Серафимович, А. Толстой (литературно-краеведческие очерки). Иваново, 1960.
- Куприяновский П. В широком потоке (статьи о советских писателях). Иваново, 1963.
- Трушкин В. Г. Литературный Иркутск. Очерки, литературные портреты, этюды. Иркутск, 1981.
- Русские писатели в Кабардино-Балкарии. Рекомендательный указатель литературы. Нальчик, 1972.
- Казань в истории русской литературы. Казань, 1965—1972, вып. 1—3.
- Климентовский В. А. Русские писатели в Татарии. Казань, 1974.
- Елизарова М. Н. Они были в Казани. Сб. очерков. Казань, 1983.
- Джимбинов Б. О. Калмыцкая литература и фольклор.— В кн.: Советская Калмыкия. М., 1960.
- Калмыцкая художественная литература на подъеме. Элиста, 1962.
- Карпов А. Продиктовано временем. Тула, 1974 (о писателях Калужского края).
- Пехтерев А. «Невольно к этим грустным берегам...». Писатели и Калужский край. Тула, 1983.
- Пахомова М., Полищук Н. Летопись литературной жизни Карелии (1917—1961). Петрозаводск, 1963.
- Пахомова М. Ф. Карелия в творчестве советских писателей. Петрозаводск, 1974. Летопись литературной жизни Карелии. Библиографический указатель. Петрозаводск, 1978.
- Кушникова М. М. Остались в памяти края. Кемерово, 1984.
- Петряев Е. Люди, рукописи, книги. Литературные находки. Киров, 1970.
- Писатели и Вятский край. Киров, 1976.
- Литературные портреты. Киров, 1977.
- Петряев Е. Записки книголюбца. Киров, 1978.
- Изергина Н. П. Писатели в Вятке. Киров, 1980.
- Литературный Киров. Киров, 1982.
- Осокин Н. Рассказы о писателях и художниках-костромичах. Кострома, 1961.
- Веленгурин Н. Дорога к лукоморью. От Пушкина до Горького. Писатели в нашем крае. Краснодар, 1976.
- Савченко М. Они были на Кубани. Историко-литературные очерки. Краснодар, 1982.
- Курский край в художественной литературе. Воронеж, 1976.
- Баскевич И. Курские вечера (литературно-краеведческие очерки и этюды). Воронеж, 1979.

- Литературные и памятные места в Ленинграде. Л., 1968.
Путешествие по Липецкой области. Воронеж, 1971.
Самородов К. Т. Мордовская литература и критика. 1860—1963. Библиография. Саранск, 1964.
Воронин И. Д. Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976.
Савин О. Живая память. Историко-литературные очерки. Саранск, 1981.
Русские писатели в Москве. М., 1977.
Шамаро А. Действие происходит в Москве. М., 1979 (О литературных местах Москвы).
Стародуб К., Емельянова В., Краусова И. От Кремля до Садовых (Путеводитель по литературным местам Москвы). М., 1984.
Жаворонкова А. З. и др. Писатели на Новгородской земле. Новгород, 1960.
Писатели земли Омской. Указатель литературы. Омск, 1977.
Орловский край в творчестве писателей-земляков (библиографический указатель литературы). Орел, 1961.
Афонин Л. Н. На родине Тургенева. М., 1968.
Чернов Н. Орловские литературные места. Тула, 1970.
Орловский край в художественной литературе, в мемуарах и письмах писателей. Указатель литературы. Орел, 1972.
Писатели Орловского края. Библиографический словарь. Орел, 1981.
Прянишников Н. Писатели-классики в Оренбургском крае. Челябинск, 1970.
Писатели Северной Осетии. Орджоникидзе, 1960.
Савин О. По следам героев и событий. Пенза, 1969 (О связях русской и советской литературы с Пензенским краем).
Савин О. Пенза литературная. Саратов, 1984.
Кузнецов А. М. Литературное Петровское-Разумовское. М., 1963.
Гордеева Н. М. Литературный Ростов 20-х годов. Ростов-на-Дону, 1967.
Гордость земли рязанской. М., 1973.
Гаврилов И. Н. Литературная Рязань. Библиографический очерк. Рязань, 1979, ч. I.
Русские писатели в Саратовском Поволжье. Саратов, 1964.
Ильина А., Супоницкий П. Литературная жизнь Саратова. Библиографический указатель. Саратов, 1965.
Рожденные революцией. Саратов, 1968.
Писатели Саратова. Библиографический справочник. Саратов, 1977.
Портреты, сделанные по памяти. Жизнь и творчество писателей Крайнего Северо-Востока. Магадан, 1983.
Трушкин В. П. Литературные портреты. Писатели-сибиряки. Иркутск, 1961.
Постнов Ю. С. Русская литература Сибири первой половины XIX в. Новосибирск, 1970.
Литературная Сибирь. Писатели Восточной Сибири. Иркутск, 1971.
Вопросы русской и советской литературы Сибири (Материалы к «Истории русской литературы Сибири»). Новосибирск, 1971.
Трушкин В. П. Пути и судьбы (литературная жизнь Сибири 1900—1917 годов). Иркутск, 1972.
Писатели Восточной Сибири. Библиографический указатель. Иркутск, 1973.
Раппопорт Е. «Лет молодых наших порохов...» (книга о поэтах). Иркутск, 1974.
Фольклор и литература Сибири. Омск, 1975, вып. 2.
Очерки литературы и критики Сибири (XVII—XX вв.). Материалы к «Истории русской литературы Сибири». Новосибирск, 1976.
Постнов Ю. С. Сибирь в поэзии декабристов. Новосибирск, 1976.
Трушкин В. П. Из пламени и света. Гражданская война и литература Сибири. Иркутск, 1976.
Русская литература Сибири. Библиографический указатель. XVII в.—1917 г. Новосибирск, 1976, ч. I; 1917—1970 гг. Новосибирск, 1977, ч. II.
Писатели Восточной Сибири. Библиографический указатель. Якутск, 1978, вып. 2.

Трушкин В. П. Восхождение (Литература и литераторы Сибири 20-х — начала 30-х годов). Иркутск, 1978.

Яновский Н. Поиск. Литературно-критические статьи. Новосибирск, 1979.

Мостков Ю. Портреты. Литературно-критические статьи. Новосибирск, 1981.

Очерки русской литературы Сибири. В 2-х томах. Новосибирск, 1982, т. I. Дореволюционный период. Т. 2. Советский период.

Колесникова Г. От жизни к художественному вымыслу (образ Сибири в творчестве советских писателей). М., 1982.

Шурыгина Л. Первые шаги (литературная жизнь Смоленска периода революции и первых лет Советской власти). Смоленск, 1963.

Трофимов И. Писатели Смоленщины. М., 1973.

Илешин Б. Свидетели живые. Тамбовский край в художественной литературе. Тамбов, 1960.

Евгеньев С. Тамбовские рассветы. Очерки, воспоминания. Воронеж, 1970.

Ганиятуллина А. Писатели Советского Татарстана. Библиографический справочник. Казань, 1970.

Каримуллина А. У истоков татарской книги. Казань, 1971.

Заплавная Т. Томские писатели. Томск, 1975.

Писатели Тувы. Библиографический справочник. Кызыл, 1982.

Край наш Тульский (рекомендательный указатель литературы). Тула, 1968.

Милюнов Н. Русские писатели и Тульский край. Очерки по литературному краеведению. Тула, 1971.

Лазарев В. Тульские истории. Тула, 1977.

Беспалова А. Тюменский край и писатели XIX в. Очерки по литературному краеведению. Свердловск, 1970.

Художественная литература Удмуртской АССР (1957—1965). Библиографический указатель. Ижевск, 1967.

Богомолова З. Русские поэты Удмуртии. Литературные портреты. Ижевск, 1979.

Селиванов К. Литературные места Ульяновской области. Саратов, 1969.

Шмаков А. А. Наше литературное вчера (историко-биографические очерки). Челябинск, 1962.

Писатели Среднего Урала. Библиографический справочник. Свердловск, 1965.

Писатели Южного Урала. Библиографический справочник. Челябинск, 1966.

Шмаков А. А. На литературных тропах. Историко-литературные очерки. Челябинск, 1969.

Очерки чечено-ингушской литературы. Грозный, 1963.

Мальсагов А. У., Туркаев Х. В. Писатели советской Чечено-Ингушетии. Грозный, 1969.

Верольский Ю. Б. Кавказом рожденные... (Очерки литературного краеведения Чечено-Ингушетии). Грозный, 1980.

Сироткин М. Очерки дореволюционной чувашской литературы. Чебоксары, 1967.

Канюков В. От фольклора к письменности. Чебоксары, 1971.

Хлебников Г. Современная чувашская литература. Чебоксары, 1971.

Пасютин К. Ф. Якутия в русской художественной литературе. Якутск, 1964.

Канаев Н. П. Русско-якутские литературные связи. М., 1965.

Протоdjаконов В., Алексеев Н. Писатели Якутии. Краткий библиографический справочник. Якутск, 1972.

Егоров П. И. Русские писатели о Якутии. Якутск, 1983.

Смирнов И. Земляки. Ярославль, 1970 (о писателях, уроженцах Ярославского края).

Астафьев А. В., Астафьева Н. Я. Писатели Ярославского края (по 1917 г.). Ярославль, 1974.

Сердюк В. Е. Отчая земля (очерки). Ярославль, 1978.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ВВЕДЕНИЕ

§ 1. Методологические основы литературного краеведения, предмет его изучения	3
§ 2. Познавательное, воспитательное, эстетическое значение школьного литературного краеведения. Задачи пособия	13
<i>Литература</i>	15

ГЛАВА 1. Из истории литературного краеведения

§ 1. Литературное краеведение в дореволюционной России	16
§ 2. Советское литературное краеведение (1917— начало 1960-х годов)	24
§ 3. Литературное краеведение на современном этапе (60-е — 80-е годы)	40
<i>Литература</i>	51

ГЛАВА 2. Источники литературного краеведения

§ 1. Значение источников. Проблема классификации	52
§ 2. Дневники и эпистолярная литература	55
§ 3. Периодика	70
§ 4. Архивные документы	80
§ 5. Мемуары	102
§ 6. Прочие виды источников	129
<i>Литература</i>	147

ГЛАВА 3. Литературное краеведение в средней и высшей школе

§ 1. Литературное краеведение в средней школе	148
§ 2. Литературное краеведение в высшей школе	165
<i>Литература</i>	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
-----------------------------	-----

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Русские писатели-классики и места, связанные с их жизнью и творчеством	181
2. Работы советских исследователей о связях русских писателей с литературными местами (60-е — 80-е годы)	185
3. Работы советских исследователей о литературных краях России (60-е — 80-е годы)	188

Без своей
Ясной Поляны
я трудно могу
представить Россию
и мое отношение к ней.

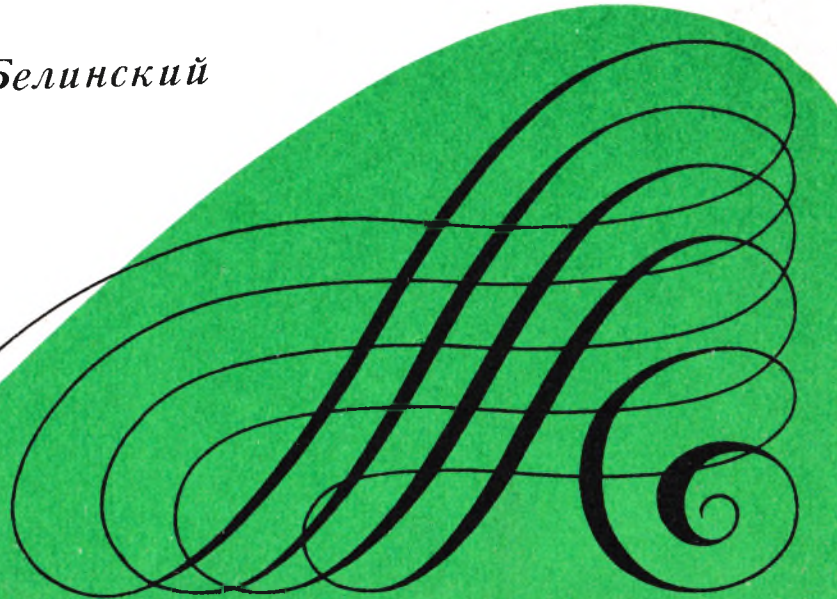
Без Ясной Поляны
я, может быть,
яснее увижу
общие законы,
необходимые
для моего отечества,
но я не буду
до пристрастия
любить его.

Л. Н. Толстой

Грандиозный облик Кавказа...
в первый раз был воспроизведен
русской поэзией,
и только в поэме Пушкина в первый раз
русское общество
познакомилось с Кавказом...

С тех пор
с легкой руки Пушкина
Кавказ сделался для русских
заветною страню не только широкой,
раздольной воли,
но и неисчерпаемой поэзии,
страню кипучей жизни
и сильных мечтаний!

В. Г. Белинский

Русские писатели... принесли с собой
в литературу свои донские, степные
и лесостепные, уральские и сибирские
родные места.

Они утвердили
в нашем читательском представлении
особливый облик этих мест и краев,
цвета и запахи их лесов и полей,
их весны и зимы, жары и метели,
отголоски их песен,
своеобычную прелесть
иного местного словечка,
звучащего отнюдь не в разладе
с законами единого великого языка.

А.Т. Твардовский

... Понять литературу,
не зная мест,
где она родилась,
не менее трудно,
чем понять чужую мысль,
не зная языка,
на котором она выражена.
Ни поэзия, ни литература
не существуют сами по себе:
они вырастают
на родной почве
и могут быть поняты
только в связи
со всей родной страной.

Академик Д.С. Лихачев